This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

АЛЬМАНАХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА

„ШИПОВНИКЪ“

КНИГА ВТОРАЯ.

196/315.
пик
Апоз
ЕЕТ 25
АЛС
ТЛЯ
ССТ
СНЗ
АНТ
пи

В. МУЙЖЕЛЬ. ПОКА. — А. КОЙРАНСКІЙ. ХОЛОДЪ.
ИВ. БУНИНЪ. У ИСТОКА ДНЕЙ. — Б. ЗАЙЦЕВЪ. МАЙ.
ИВ. БУНИНЪ (стихотворенія). С. ГОРОДЕЦКІЙ (стихотворенія).
АЛ. БЛОКЪ (стихотворенія).

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. СМЕРТЬ. — Предупрежденіе. Ожиданіе. Поединокъ. На покой. Сто лѣтъ спустя. Двѣсти лѣтъ спустя. (рисунки).

СЕНТЪ-ЖОРЖЪ ДЕ БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ ВѢНЦА. Пьеса въ пяти актахъ. разрѣшенный авторомъ переводъ Зин. Венгеровой и В. Бинштока.

№36638.
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ АРТУЛЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

АЛЬМАНАХИ

196
315.

ИЗДАТЕЛЬСТВА

„ШИПОВНИКЪ“

КНИГА ВТОРАЯ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

№36638.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1907

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
MAY 22 1973
PG-3227
L48
v.2
007

печать типографіи
Т-ва М-О-ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Бас · Фотр · 16 линія соб. домъ

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

I

В. МУЙЖЕЛЬ. ПОКА.

А. КОЙРАНСКІЙ. ХОЛОДЪ...

ИВ. БУНИНЪ. У ИСТОКА ДНЕЙ.

Б. ЗАЙЦЕВЪ. МАЙ...

II

СТИХИ.

ИВ. БУНИНЪ.

С. ГОРОДЕЦКІЙ.

АЛ. БЛОКЪ.

III

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. СМЕРТЬ. — 6 РИС.

IV

СЕНТЪ-ЖОРЖЪ ДЕ БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ ВѢНЦА.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

В. МУЙЖЕЛЬ

ПОКА

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

онъ неуклюже шевелился между зыбкими кочками, цѣпляясь и припадая къ нимъ, оставляя на нихъ рваные клоки своей сѣдой шерсти.

Здѣсь, на пригоркѣ, воздухъ былъ сухой и теплый, и радостно было дышать имъ, потому что въ немъ жило еще запахомъ нагрѣтой травы недавно ушедшее солнце, а тамъ, внизу—чувствовалось—стояла зябкая сырость, гнилая и пахучая, какъ стоячая вода болота.

Рабочихъ было трое, шли они не торопясь, потому что торопиться было некуда и—привыкшимъ стоять цѣлыми днями по колѣно въ водѣ, копая сточную канаву—имъ было пріятно итти чистымъ и вымытымъ по твердой убитой тропинкѣ.

Наверху всѣ задержались, потому что у Ивана Павлова размоталась оборинка, и, присѣвъ на бугорокъ, онъ сталъ подвязывать ее.

— Эва, песъ, оборвалась,—бормоталъ Иванъ Павловъ, разматывая портянки,—думалъ—дойду, анъ нѣтъ, стой—говоритъ!...

Онъ бормоталъ и подвязывалъ, а остальные двое, Василій Липатовъ и Мишка, ждали. Липатовъ сталъ закуривать, закурилъ и поглядѣлъ впередъ.

Упругой и сильной линіей, чуть изогнутой на закругленіи, выбѣгала изъ лѣса на болотную полянку насыпь, рѣзала окутанную туманомъ воду на двѣ неравныя части и убѣгала опять въ лѣсъ, въ темную гущеру его. И отъ того, что съ утра до ночи на ней и около нея, въ болотѣ, копошился народъ, сновали тачки, медленно ползли подводы съ пескомъ и камнями, длинной цѣпью стояли по краямъ сточныхъ канавъ землекопы, звенѣли молотки каменьщиковъ, и какъ пчелиный рой гудѣлъ непрерывный говоръ—странно было видѣть насыпь безмолвной и неподвижной, брошенной и мертвой среди бѣлыхъ облаковъ тумана.

Сильно правѣе, тамъ, гдѣ мѣсто было посуше, сквозь деревья и путавшійся въ нихъ туманъ, мелькали два—три костра и шевелилось что-то. Тамъ были бараки, и теперь копошились рабочіе, готовился ужинъ. Костры мерцающими огоньками отражались въ водѣ болота и дрожали въ ней, а въ мѣстахъ почище, гдѣ не было большихъ деревьевъ, чуть видимые сквозь туманъ, свѣтились въ тусклой неподвижной водѣ звѣзды, тѣ же звѣзды, что смѣло и сильно вздрагивали и горѣли въ хрустальной вышинѣ неба.

Липатовъ докурилъ, бросилъ цыгарку и сплюнулъ.

— Долго будешь ты тамъ возиться, итти пора,—проговорилъ онъ,—наши поди спать полегли...

Наши—это были ушедшіе раньше рабочіе, которые были вмѣстѣ въ банѣ

— А сичасъ, сичасъ... Эва—готово, теперь ладно будетъ! Во какъ хорошо! отвѣтилъ Иванъ Павловъ, увязывая концы оборинокъ; потомъ поднялся, постукалъ ногой объ землю, чтобъ убѣдиться—крѣпко ли, и усмѣхнулся.

Онъ былъ мужикъ добродушный, часто ухмылялся и говорилъ такъ, что нельзя было разобрать, когда онъ говоритъ серьезно и когда шутитъ. А отъ того, что на правомъ глазу его было бѣльмо, и смотрѣлъ онъ всегда искоса, слѣва, склонивъ голову на бокъ, какъ пѣтухъ въ небо,—широкое и бородатое лицо его казалось лукавымъ и насмѣшливымъ.

Тронулись съ бугра и пошли тропинкой между ржаныхъ полей—теперь сырыхъ и пахучихъ свѣжей зеленью озими, короткой какъ травка, изъ которой правильными, длинными грядами подымались межники. Прошли озими, выгонъ за ними—стало ниже и сырѣе, и запахло болотомъ. А когда подошли къ лѣсу, то стало темно совсѣмъ—потухло золото въ небѣ, и синева его заблистала частыми звѣздами—яркими, живыми и молчаливыми.

Подъ ногами звучно захлюпала жидкая почва, протянулись тугіе корявые корни деревьевъ, раза два споткнулись, Мишка чуть не растянулся.

— Бѣсъ, ногу зашибъ, ходьба тоже! ворчалъ онъ, догоняя.

— Ужо погоди, шосе тебѣ проведутъ тутъ,—отозвался Иванъ Павловъ,—тогда ходить дюже легко будетъ!

Черезъ болото была пробита широкая просѣка и по ней настлано бревенчатое мостище, которое рабочіе звали гатью. Итти по нему было неловко, потому что гать проложили для подводъ, на которыхъ привозилась земля и камни, бревна осклизли и разболтались и часто подъ ногой неожиданно проваливались, всплеснувъ ржавой болотной водой.

Сырымъ и знобкимъ холодомъ тянуло съ болота, влажный тяжелый туманъ висѣлъ надъ водою, окутывалъ гать и медленно колыхался. Пахла загнившая стоячая вода, набухшій ею мохъ, мокрыя бревна гати, а еще откуда-то—близко и неуловимо лился запахъ фіалокъ. И еще чѣмъ-то пахло:

какъ будто грибами, хотя никакихъ грибовъ теперь не могло быть.

— Ишь курится чертово болотище!—сказалъ Мишка, и голосъ его прозвучалъ въ туманѣ, какъ въ тѣсномъ каменномъ мѣшкѣ—глухо и коротко.

— Ужо выберемся на сушь—лучше будетъ,—не отвѣчая ему, а отвѣчая своимъ мыслямъ, замѣтилъ Липатовъ,—покуда что—здѣсь кончимъ, въ боръ передвинемся... Тамъ сухо!

— Поработаешь и здѣсь, не откажешься,—вставилъ Иванъ Павловъ и добавилъ:—а быдто холодно тутъ, ай послѣ бани это?

Холодно по вечерамъ было всегда, потому что весна была ранняя, и болото только что отошло ото льда, ночи стояли сырыя, и люди мерзли въ плохо сколоченныхъ баракахъ, и въ словахъ Ивана Павлова была шутка. Но теперь никто не засмѣялся, потому что хотѣлось скорѣй въ баракъ, къ теплому ужину.

— А ежели теперь туда,—проговорилъ Мишка и махнулъ рукой впередъ, гдѣ за насыпью верстъ на десять тянулось сплошное, непроходимое болото,—у-у-у-у!..

— Ай страшно? спросилъ Иванъ Павловъ.

— Храни Богъ!

— Что жъ страшно то? Лѣшій съѣстъ?

Мишка подошелъ къ нему, и въ бѣломъ туманѣ плотнымъ колеблющимся силуэтомъ качнулась его фигура. И видно было, что Мишка не знаетъ—вѣрить ему, что есть лѣшіе, или нѣтъ.

Липатовъ былъ человѣкъ грамотный и серьезный. Онъ былъ молодъ и былъ главнымъ работникомъ дома въ деревнѣ, гдѣ, уходя съ отцомъ на заработки, оставилъ молодую жену. Отъ того, что онъ только въ эту зиму женился и не сгладилось въ немъ еще чувство большой и окончательной перемѣны въ жизни, когда онъ пересталъ быть парнемъ, а сталъ мужикомъ—онъ былъ солиденъ и разсуждалъ, какъ старикъ: резонно и вѣско.

— Лѣшихъ нѣтъ,—сказалъ онъ, тоже какъ будто самому себѣ, а не отвѣчая на слова Ивана Павлова,—и домовыхъ тоже нѣтъ... Все это выдумки!..

— Нѣтъ!—какъ будто обидѣлся Мишка,—сказалъ тоже: нѣ-ѣ-ѣтъ...

Теперь онъ уже окончательно повѣрилъ, что всякая нечисть есть, потому что туманъ поднялся выше, засло-

нилъ собою деревья, и на востокѣ проступило зарево всходящей луны—и все стало таинственнымъ и жуткимъ.

— Это какъ давеча Стригуновъ говорилъ про волосъ,—продолжалъ онъ,—будто въ водѣ никакого волоса не бываетъ, а самъ, гляди, все болѣетъ...

Стригуновъ былъ рабочій ихъ же артели. Когда-то онъ считался лучшимъ работникомъ въ партіи, и нарядчикъ очень дорожилъ имъ. Но онъ заболѣлъ, долженъ былъ прекратить работу, а такъ какъ помнили еще недавно хорошую работу его, то его не разсчитали, а перевели въ кашевары вмѣсто стряпки.

Въ половодье онъ былъ гоньщикомъ плотовъ и отъ непросыхающихъ по цѣлымъ днямъ ногъ—у него на ступняхъ образовались незамѣтныя въ началѣ ссадины, разросшіяся потомъ въ язвы; а когда онъ сталъ работать на постройкѣ канавщикомъ, и ему пришлось стоять цѣлыми днями по колѣно въ холодной ржавой водѣ болота—язвы разрослись въ гноящіяся мокрыя раны.

Двигался онъ медленно, съ трудомъ, тяжело переступая съ ноги на ногу, неестественно выворачивая ступни, каждымъ шагомъ отыскивая такое положеніе, чтобъ стать было не больно. Раны его горѣли, и жаръ былъ такъ нестерпимъ, чго онъ постоянно мочилъ портянки, хотя самъ замѣчалъ, что отъ этого было хуже. Но боль становилась невыносимой, едва только портянки просыхали, и онъ постоянно мочилъ ихъ, просыпаясь для этого ночью и ковыляя къ болоту.

Отъ болѣзни, а можетъ быть и просто по характеру—Стригуновъ былъ угрюмъ и неразговорчивъ и постоянно упорно глядѣлъ въ землю, словно думалъ какую-то трудную, особенную думу.

— Стригуновъ! протянулъ Иванъ Павловъ,—Стригуновъ не отъ того... Волосъ—тотъ вѣдь тамъ только, гдѣ коней купаютъ... Говорятъ, будто это ихъ волосъ оживаетъ...

— Во-во,—подхватилъ Мишка,—это самое и есть!.. Стригуновъ говорилъ—когда они лѣсъ въ гонки складали, такъ тамъ кони въ водѣ бревна натаскивали... Это самое и есть!.. А онъ говоритъ нѣту, будто никакого волоса не бываетъ! Вотъ тѣ и не бываетъ!

Это показалось убѣдительнымъ, и тогда всѣмъ стало какъ будто жутко. Оно конечно—кто знаетъ—можетъ и нѣтъ, а можетъ и есть... И лѣшій, можетъ, есть. Было бы спокойнѣй и лучше думать, что нѣтъ, но сзади была

темная, тысячелѣтняя жизнь, полная таинственнаго и непонятнаго. Въ ней были глухія и тайныя по своимъ причинамъ болѣзни, были ржаные закруты, которые и выдергивать-то надо умѣючи, были кликуши, были заговоры, наговоры, осиновые колы и свѣчки изъ сала покойниковъ. Можетъ, ничего такого и не было, а можетъ и было, потому что не зря же народъ говоритъ...

Большое красное зарево справа растаяло и потускнѣло, а вмѣсто него, чуть намѣчая зубчатыя верхушки сосенъ, повисла въ молочно-сѣрой пеленѣ тумана луна. Была она красная и большая и смотрѣла тускло и напряженно, какъ будто она хотѣла и не могла разглядѣть на землѣ что-то.

Неожиданно близко и высоко вдругъ выросла впереди насыпь—черная и плотная,—протянувшаяся черезъ болото, выходя изъ тумана справа и теряясь въ немъ влѣво. А когда поднялись на нее, то также близко сверкнули живымъ желтымъ огнемъ два костра, темнымъ пятномъ выступилъ баракъ, за нимъ другой, — и ковыляющій медленно двигавшійся передъ огнемъ черный силуэтъ Стригунова съ котломъ въ рукѣ показался чѣмъ-то близкимъ и радостнымъ.

Тѣ, что не были въ банѣ, уже спали, а вернувшіеся раньше успѣли поужинать и, глухо переговариваясь, возились въ баракѣ, укладываясь на нары.

Стригуновъ встрѣтилъ рабочихъ по обыкновенію сосредоточенный и нахмуренный. Онъ молча пожевалъ губами, отчего длинная борода и усы его неодобрительно зашевелились, и поковылялъ къ тому костру, гдѣ висѣлъ надъ огнемъ котелъ со снѣдью.

— Теперь поужинать да спа-а-ать!—мечтательно протянулъ Мишка, садясь возлѣ костра.

— Знамо не плясать же!—отозвался Иванъ Павловъ и тоже сѣлъ.

Василій понесъ бѣлье въ баракъ и тамъ сталъ развѣшивать возлѣ своего мѣста.

Въ баракѣ уже почти всѣ улеглись, и привѣшенный къ столбу фонарь скупо освѣщалъ длинныя широкія нары, сплошь покрытыя темными кучами спящихъ тѣлъ. Отъ невѣрнаго желтаго свѣта фонаря и отъ того, что рабочіе спали плотной массой, такъ что нельзя было разобрать, кому принадлежитъ высунувшаяся изъ-подъ тулупа босая, желтая нога, и чья темная, налившаяся кровью, затекшая рука свѣсилась съ нары—такъ же какъ и отъ того, что

всѣ спали закутавшись съ головой—знакомые и простые днемъ люди казались теперь новыми и странными, какъ лѣсъ ночью.

Не спали только отецъ Василія Липатъ и полякъ канавщикъ, котораго всѣ звали паномъ, пришедшій изъ Витебской губерніи. Липатъ возился около своего сундука, что-то вынималъ изъ него и разсматривалъ подъ фонаремъ, а панъ докуривалъ свою большую черную трубку, которую онъ курилъ три раза въ день: утромъ, послѣ обѣда и вечеромъ передъ сномъ.

При входѣ сына, Липатъ оглянулся на него и спросилъ:

— Что поздно такъ?

— Покуда убрались, покуда что... Баню тоже прибрать надо было,— нехотя отвѣтилъ Василій и сталъ развѣшивать бѣлье.

— Я вотъ гляжу,—продолжалъ Липатъ, разсматривая на свѣтъ старую, изорванную во многихъ мѣстахъ рубаху,— рубахи въ насъ худыя все... Говорилъ старухѣ, чтобъ какъ лучше, нѣтъ таки...Тутъ гляди праздникъ, а въ насъ рванье...

— Не твой праздникъ, тебѣ то что?

— Все жъ праздникъ, люди гуляютъ, не хорошо...

Панъ пыхнулъ клубомъ дыма и неторопливо промолвилъ:

— Праздникъ сдѣланъ, чтобъ отдыхать... Для того онъ и установленъ. А отдыхать все равно—въ старой или новой рубахѣ!

Онъ опять затянулся, отчего въ трубкѣ заверещалъ и вспыхнулъ красный огонекъ, и замолчалъ.

— Гляди изъ нашихъ кто къ воскресенью не подошелъ бы,—замѣтилъ Липатъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ, понавѣдаться...

— Надо гораздъ! усмѣхнулся Василій и, перекинувъ на веревку послѣднюю портянку, пошелъ изъ сарая.

Иванъ Павловъ и Мишка сидѣли около костра передъ котломъ и неторопливо и обдуманно, какъ ѣли всегда, загребали ложками похлебку и глотали ее, а Стригуновъ стоялъ передъ ними и разсказывалъ:

— Вотъ я и говорю,—отрывисто рубилъ слово за словомъ Стригуновъ, медленно и задерживаясь, какъ будто предъ тѣмъ, какъ сказать каждое слово, ему надо было найти его,—я и говорю: развѣ такъ надо? День ли, недѣлю, мѣсяцъ ли—все работаешь! Послѣ расчетъ... На,

получи! Хвать—что заработалъ—съѣлъ, а коли что осталось—съѣсть надо... И опять при... Докуда жъ такъ? Сработалъ—съѣлъ, опять сработалъ—опять съѣлъ?

— Съѣлъ да не выпилъ—это ужъ плохо! подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ и такъ, что непонятно было, шутитъ или говоритъ серьезно—вставилъ Иванъ Павловъ.

Мишка хотѣлъ засмѣяться, но ротъ былъ полонъ похлебкой, онъ сдержался и только когда проглотилъ ее—фыркнулъ.

— А и выпилъ, такъ что жъ осталось?—буркнулъ Стригуновъ и пошевелилъ усами:—я о томъ говорю: вертишь быдто конь въ молотилкѣ... Сработалъ—съѣлъ, опять сработалъ—опять съѣлъ... А ежели какъ я, скажемъ, теперь—заболѣлъ?

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на всѣхъ и переступилъ съ одной больной ноги на другую.

— Куда жъ мнѣ, скажемъ, теперь?—спросилъ онъ опять.

— Это ужъ такъ...—неопредѣленно бросилъ Иванъ Павловъ, положилъ ложку и сталъ креститься.—Спать надо, завтра, чай, не праздникъ,—добавилъ онъ и поднялся.

— То-то вотъ такъ!—отрывисто повторилъ Стригуновъ и сталъ собирать посуду,—я вотъ и говорю про это самое...

Луна поднялась высоко, а туманъ посѣлъ ниже и раздвинулся такъ, что наверху круглымъ куполомъ встало синее, темное небо. Звѣзды дрожали въ немъ и ревниво мигали одна на другую, пристально и страстно вглядываясь въ землю. Спокойна была только одна луна, сжавшаяся и посинѣвшая отъ леденящаго холода огромнаго безвоздушнаго пространства, въ которомъ висѣла она.

Легонько высвистывала какая-то птица на болотѣ, и казалось, что этимъ осторожнымъ и негромкимъ свистомъ она подзываетъ къ себѣ кого-то, кому хочетъ разсказать интересное и тайное про болотную глушь, чего не могутъ знать люди.

Было поздно, и пора было спать, но не хотѣлось итти въ душный баракъ, гдѣ воздухъ былъ густой и липкій, и тускло горѣлъ фонарь. А потомъ еще въ баракъ не хотѣлось потому, что въ изломанной, смоловшейся и размельчавшей соломѣ на нарахъ, которую перемѣняли два раза въ мѣсяцъ, копошились миріады паразитовъ, не дававшихъ спокойно заснуть.

Василій сходилъ за полушубкомъ, завернулся въ него и прилегъ у костра.

Стало холодно и тихо, и Стригуновъ убрался уже въ ба-

ракъ, намочивъ передъ сномъ свои портянки. Костеръ потухалъ, и уголья изрѣдка потрескивали, вспыхивая багровымъ огнемъ, и мало-по-малу покрывались сѣдымъ налетомъ золы. Чуть посвистывая тугими сильными крыльями, протянула вверху какая-то птица, что-то ухнуло въ лѣсу, какъ въ пустую бочку... Въ баракѣ хрипловатый голосъ монотонно разсказывалъ что-то — не то сказку, не то быль.

Засыпая и ежась отъ холода, Василій вслушивался въ слова, и они казались ему не обычными и понятными, а новыми и странными, какъ будто говорили на незнакомомъ языкѣ.

— ... вотъ какъ прочелъ этто Марченковъ роспись, и печать при ней приложена, все какъ есть... И пошелъ! И нашелъ! Все какъ есть, какъ въ росписи и обсказано было: сосна старѣющая, и камень, и крестъ выбитъ на томъ камнѣ! И зачалъ копать, этто...

Темная колеблющаяся мгла заслонила мозгъ Василія, постояла неподвижно, потомъ колыхнулась — и снова проглянули красные, умирающіе угли, бездонная пустота неба и висящія въ немъ звѣзды.

— ... да-а-а,—тянулъ голосъ въ баракѣ,—съ той поры и сталъ Марченковъ богатѣть—избу новую поставилъ, жеребца купилъ, сказываютъ, быдто двѣ сотельныхъ вынилъ... То-то счастье людямъ!..

Голосъ умолкъ, и долго было молчаніе, потомъ другой—молодой и чистый—промолвилъ:

— А ты тутъ сиди въ болотѣ... Жисть тоже!..

— Такъ развѣ жъ то жисть?—вступился хриплый и сплюнулъ, — то такъ, пока только, покуда что бьемся! Жизнь она дома, въ деревнѣ...

— А въ деревнѣ—такъ на печкѣ,—добавилъ молодой.

— А на печкѣ такъ съ бабой!—подхватилъ первый, и оба засмѣялись..

— А то вотъ еще разсказывали про Пронникова купца,—началъ опять онъ, помолчавъ,—будто солдатъ николаевскій мѣсто ему обсказалъ... Будто какъ съ Севастополя шелъ, ай еще откуда... Такъ итти не мочь стало — онъ манерку съ золотомъ подъ липой закопалъ, да-а-а... Послѣ приходитъ, этто, къ купцу и говоритъ...

Опять темнота вступила со всѣхъ сторонъ, и Василій понялъ, что онъ засыпаетъ. Холодно было—онъ подобралъ ноги, укрылся тулупомъ съ головой и сладко зажмурился.

Потомъ вдругъ качнулся, взмахнулъ руками—и—низко и быстро,—какъ куликъ надъ песчаной отмелью, полетѣлъ въ черную пустоту.

II.

Придя на постройку желѣзной дороги, Липатовы увидѣли тотъ самый лѣсъ, который видѣли и знали давно. Зимою, когда тянувшаяся чрезъ весь лѣсъ болотина замерзала—по нему прокладывали зимникъ въ Холмскій уѣздъ. Весною сбѣгалъ снѣгъ, ледъ таялъ, и зимникъ бросали—и тогда въ болото заходили рѣдкіе охотники да заблудящія бабы грибницы, а зимою опять прокладывали зимникъ до новой весны, и такъ было всегда. Но когда стали строить дорогу—оставаясь тѣмъ же—все измѣнилось и стало другимъ.

На постройку Липатовы пришли потому, что въ деревнѣ нечего было ѣсть, и хотя на постройкѣ работа была трудная — ее можно было найти всегда: въ землекопахъ нуждались и брали ихъ охотно, составляя большія партіи, жившія въ баракахъ вдоль насыпи, рождавшіяся по мѣрѣ того, какъ разрабатывался участокъ.

Сначала ничего не было на мѣстѣ оттаявшаго болота; потомъ на кучахъ привезенныхъ зимою земли и бревенъ выросли деревянные бараки, кое какъ сколоченные изъ сырого, недавно распиленнаго лѣса. Потомъ стали грузить насыпь, и по проложенной бревенчатой гати потянулись, какъ длинныя звенья безконечной цѣпи, подводы,—сваливалась въ опредѣленномъ мѣстѣ земля и камни, и незамѣтно стала расти насыпь.

Это была та же земля, которая кормила людей и лѣсъ, но сложенная длинной прямой насыпью—она казалась новымъ и невѣдомымъ матеріаломъ, оттого что выросла изъ воды на мѣстѣ кочекъ и мха, по которымъ прежде нельзя было пройти. А оттого что работа началась на всѣхъ участкахъ сразу, начинаясь и теряясь въ далекомъ пространствѣ—казалось, что насыпь сразу двинулась и упорно пошла впередъ.

Въ этомъ движеніи было что-то могучее и вѣчное, такое, чего не могли остановить ни лѣсъ, ни болото, ни горы, ни рѣки. Копошились, какъ муравьи у неподвижнаго трупа змѣи, люди подвозили песокъ, копали канавы, и мертвая до сихъ поръ вода ожила и, гудя, побѣжала по нимъ, рубили лѣсъ и—разрушая—созидали. Ровной линіей прорѣза-

лась просѣка, широкой выемкой дѣлилась гора, а тамъ, гдѣ были ручьи и рѣки — воздвигались устои мостовъ — такіе гладкіе и ровные, будто они были вытесаны изъ одного камня, а не складывались упорнымъ трудомъ изъ далеко привезенныхъ осколковъ.

Все было то же—земля, лѣсъ и болото—и все измѣнилось, и нельзя было подумать, что прямая, крѣпкая и ровная насыпь рождена той же землей, тѣмъ же лѣсомъ и камнемъ. Бугры и деревья, овраги и ямы странно и загадочно претворились въ опредѣленныя, строгія формы, и это было просто и чудесно, какъ рожденіе.

Когда инженеръ, строившій участокъ, пріѣзжалъ на работы и смотрѣлъ впередъ и назадъ, туда, гдѣ чистой и сильной линіей врѣзалась въ лѣсъ насыпь—онъ испытывалъ большое и гордое чувство силы и знанія, благодаря которымъ онъ провелъ по зыбкому болоту такую красивую и прочную дорогу.

Когда же Липатъ, вмѣстѣ съ сыномъ и другими крестьянами, пришедшими на заработки, увидѣлъ въ первый разъ эту насыпь—онъ покачалъ головой и раздумчиво протянулъ:

— Воистину: дивны дѣла Твои, Господи!..

И такъ и остался, какъ бы слегка придавленный могуществомъ и знаніемъ тѣхъ людей, которые сдѣлали такое большое и, казалось бы, невозможное дѣло.

А когда сынъ его Василій посмотрѣлъ на бараки для землекоповъ, попробовалъ пищу, которую давали рядчики послѣ двѣнадцатичасоваго труда — онъ покрутилъ головой, усмѣхнулся и процѣдилъ сквозь зубы:

— Пока что,—оно, конечно, жить приходится... Назадъ не пойдешь... А только же и жохъ народъ пошелъ!..

И, прищуривъ глаза, смотрѣлъ вдаль, туда, гдѣ дрожалъ и струился голубой дымкой подымавшійся съ земли паръ, смотрѣлъ напряженно и загадочно, какъ будто хотѣлъ разглядѣть что-то...

Онъ вспоминалъ условія, на которыхъ поступилъ на работу, и жмурился. Выходило такъ, что поденный заработокъ былъ какъ будто бы и ничего, а за всю весну, лѣто и часть осени приходилось получить ничтожную сумму, потому что много уходило на харчи, на баракъ, на инструментъ... Выходило такъ, что какъ будто бы и не стоило работать—и это было странно, словно въ расчетахъ была сдѣлана какая-то ошибка, и не стоило ходить на работу. Чего-то не досчитывалось, или въ чемъ-то обманули, а мо-

жетъ еще и раньше гдѣ-то, дома, въ деревнѣ была ошибка—и неизвѣстно въ чемъ...

А Липатъ, отецъ его, придя на работу, почувствовалъ, что дѣло кончено, и остается только работать. Онъ долго жилъ и давно зналъ ту таинственную особенность своей мужицкой жизни, по которой всегда выходило такъ, что— казалось — самое хорошее и прибыльное дѣло какимъ-то невѣдомымъ путемъ всегда оборачивалось въ концѣ концовъ въ невыгодное и нестоющее, и привыкъ къ этому. А такъ какъ онъ любилъ трудъ и зналъ, что—какъ ни какъ, а жить надобно, — то сразу взялся за дѣло. Дома онъ былъ хорошій хозяинъ и все, что ни дѣлалъ—дѣлалъ аккуратно, быстро и хорошо, и его радовалъ успѣхъ дѣла, то, что отъ его усилій создается желаемое имъ, нужное. Онъ работалъ не торопясь, но ловко, съ толкомъ, и, глядя, какъ насыпь растетъ и дѣлается стройной, — улыбался и приговаривалъ:

— Крѣпко сдѣлано, хорошая дорога будетъ!..

А Родіонъ, стоя выше колѣна въ водѣ, копалъ канаву для стока воды, сердитыми взмахами выбрасывалъ жидкую грязь со дна, и по его движеніямъ можно было подумать, что онъ стремится разрыть и уничтожить старое болото, на мѣстѣ котораго должна пройти новая дорога.

Иногда онъ останавливался и смотрѣлъ на насыпь, и оттого, что кромѣ незамѣтно двигавшагося солнца, тянувшаго за собой по землѣ синеватыя тѣни,—ничего не измѣнялось — похоже было, будто стоитъ онъ здѣсь безмѣрно давно.

Непрерывно и медленно двигались по гати подводы, появляясь и исчезая, какъ безконечный ремень невидимаго маховика. Тупое и равнодушное было что-то въ этомъ безостановочномъ движеніи, какъ въ смѣнѣ утомительныхъ часовъ работы, и похоже оно было на однообразные дни полуголодной жизни и на ряды одинаково сѣрыхъ избъ бѣдной деревни. Двигалось солнце и тѣни, двигались подводы и тачки на насыпи, а время какъ будто остановилось, и въ непрерывномъ рабочемъ гулѣ, висѣвшемъ надъ насыпью, было что-то вѣчное и неживое, какъ въ шумѣ бора, потому что въ немъ не было своего и особеннаго, что дало бы личный интересъ, а было общее и тусклое, какъ чужая жизнь...

Родіонъ думалъ:

— Поживемъ пока... Тамъ видно будетъ!—и работалъ...

Работали на постройкѣ много, спали мало и ѣли плохо. И хотя всѣ собравшіеся здѣсь всю свою жизнь работали много, спали мало и ѣли плохо—отъ того ли, что работа была срочная и торопливая, и все въ ней было временно и случайно, а постоянной была только дорога, которую они строили,—всѣ думали, что они много работаютъ и плохо ѣдятъ только пока—пока кончится постройка, а потомъ будетъ какая-то новая, хорошая жизнь.

Случалось иногда такъ, что заставляли работать въ праздники и говорили:

— Пока надо поработать, нельзя — спѣшка! Вотъ комиссія проѣдетъ, тамъ легче будетъ!

Но комиссія не ѣхала, и работа все была спѣшная — дни приходили и уходили, и ихъ не было видно за спѣшкой. Такъ тянулось долго, и только по странному недоразумѣнію люди не видѣли, что такъ было всегда. Вставали, работали, ѣли и спали, потомъ опять работали и опять ѣли и спали. По праздникамъ ходили въ ближайшее село пить водку и пьяные дрались, потомъ, свалившись плотной, вонючей и грязной кучей спали въ баракѣ на нарахъ, а утромъ съ тяжелой головой, воспаленными глазами и неподвижной тоской въ душѣ принимались за работу...

Иногда на постройку пріѣзжалъ инженеръ начальникъ участка. Онъ пріѣзжалъ верхомъ на красивомъ жеребцѣ, у котораго хвостъ былъ подрѣзанъ по самую рѣпицу, а грива и челка плотно обстрижены, отчего лошадь казалась голой и щеголеватой, какъ затянутая барышня. Инженеръ былъ молодой, красивый и щеголеватый, какъ его лошадь, затянутый въ бѣлый китель и узкія кавалерійскія рейтузы. Говорилъ онъ мало, никогда не кричалъ, какъ подрядчикъ Клюкинъ, котораго рабочіе для простоты звали Клюкой, и когда говорилъ, то тянулъ слова медленно, почти не разжимая губъ, отчего получалось впечатлѣніе гордаго высокомѣрія.

Съ рабочими онъ обращался сдержанно, кратко, и можно было подумать, что онъ совершенно не замѣчаетъ ихъ. Онъ не зналъ рабочихъ, путалъ ихъ имена и, обращаясь къ Семену, называлъ его Василіемъ, и казалось, будто онъ дѣлаетъ это нарочно. Обращаясь же, онъ не приказывалъ прямо сдѣлать что-либо, а говорилъ: «Николай сдѣлаетъ то-то и то-то.» И отъ этого страннаго, непривычнаго для рабочихъ обращенія вѣяло сдержаннымъ холодомъ и недоброжелательствомъ, какъ будто инженеръ не допускалъ

мысли, что его приказаніе можетъ почему-нибудь быть невыполненнымъ.

Сами рабочіе разно относились къ нему. Одни какъ будто съ робостью, даже изумленіемъ бѣжали, если онъ приказывалъ сходить за чѣмъ-нибудь, поддерживали стремя, когда онъ садился въ сѣдло, и, завидѣвъ его, еще издали снимали шапки. А другіе молчаливо выслушивали то, что онъ имъ говорилъ, исполняли приказанія быстро и ловко, но не торопясь, и кланялись только тогда, когда онъ подходилъ вплотную или заговаривалъ съ ними.

Во время его пріѣздовъ общій гамъ насыпи стихалъ, хотя работали съ большимъ усердіемъ, но работали молча и какъ будто озлобленно. Не торопливо проходилъ инженеръ по огромной, кишащей затихшимъ народомъ насыпи, внимательно выслушивая то, что ему говорилъ юркій Клюка, остро и пристально вглядываясь въ убѣгающую впередъ насыпь, въ лица рабочихъ, и его бѣлый, сверкающій подъ солнцемъ китель одиноко мелькалъ между согнутыми спинами, кучами земли и камней...

Потомъ онъ уѣзжалъ—насыпь снова оживала, и глухой многоголосый гамъ поднимался къ небу, и всѣмъ казалось, что миновала какая-то опасность, чего-то избѣжали, что должно было случиться.—Инженеръ представлялся непонятнымъ, особеннымъ существомъ, которое живетъ особенной, непонятной жизнью, воплощающей все то, что было не они, не ихъ нужды и трудъ. Мелькомъ взглядывая въ его выпуклые, сѣрые, такіе прозрачные и холодные, какъ будто они были сдѣланы изъ стекла — глаза, чувствовали смутное ощущеніе вражды и боязни, какъ будто это и было то самое, что выгнало изъ деревни, заставило бросить семьи и придти въ болото на работу.

По вечерамъ или во время дождя, когда нельзя было работать, они сходились въ баракѣ, осуждали подрядчика и ругали инженера. Говорили, что онъ воруетъ, хотя никто не зналъ въ чемъ и какъ, передавали слухи и сплетни, и отъ темной жизни въ угрюмомъ лѣсу, изъ непрерывнаго труда и вѣчной устали — рождалась глухая, темная злоба на все, что было не они, а входило въ ту жизнь, которой жилъ инженеръ. Ругались, смаковали сплетни, разсказывали сказки и передавали исторіи, которыя привели ихъ сюда.

Ихъ на постройкѣ сошлось много, у каждаго была своя исторія, но когда они разсказывали эти исторіи другъ

другу—можно было подумать, что всѣ они прожили одной жизнью въ одномъ и томъ же мѣстѣ: слова были одни и тѣ же, и употреблялись они въ одинаковыхъ оборотахъ и съ одинаковымъ значеніемъ. И сами они—черные и потные—сбившіеся темной кучей въ тѣсномъ сараѣ—были похожи одинъ на другого, такъ что ихъ трудно было различить и можно было спутать, какъ путалъ инженеръ.

Говорили про урожай, про подати, про тяжелыя времена—и надо всѣмъ этимъ висѣло большое и тяжелое слово:—земля. И когда говорили о ней, то говорили, что ея мало, что она не родитъ, а это значило, что жить нечѣмъ и нельзя жить. Земля не родитъ, потому что изъ нея все выжато, а выжато изъ нея все потому, что ея мало. Это былъ какой-то заколдованный кругъ, въ которомъ путались люди всю жизнь, ища выхода—работали, болѣли и умирали, не найдя его. Одна неразрѣшимая загадка была въ жизни: земля выжата, потому что ея мало, а не родитъ она потому, что она выжата. Какъ жить?

Гдѣ-то, кто-то, когда-то обманулъ мужика, и обманъ тянулся много лѣтъ, а вмѣстѣ съ увѣренностью въ обманѣ—изъ поколѣнія въ поколѣніе шла увѣренность въ томъ, что придетъ время—и все откроется. И то, что теперь нѣтъ земли—это пока, потому что должна быть прирѣзка, а должна она быть потому, что земля выжата, а выжата она потому, что ея мало. Пока надо ходить и работать на постройкѣ, стоять цѣлыми днями въ болотѣ, а придетъ время—придетъ слухъ о прирѣзкѣ, и тогда начнется настоящая жизнь.

Начинали говорить о жизни и разсказывали о кладахъ, о внезапныхъ обогащеніяхъ, о случайномъ счастьи, и каждый видѣлъ или зналъ кого-нибудь, кто вырылъ кладъ, разбогатѣлъ и теперь сытъ.

И когда вспоминали про свою жизнь—изъ глубокихъ тайниковъ ея всплывала древняя обида. Носили ее дѣды, питали отцы, а родилась она тысячу лѣтъ назадъ и шла вмѣстѣ съ трудомъ, нуждою, голодомъ и несчастьемъ...

Расходились спать задумчивые и угрюмые и спали тяжело и неподвижно, какъ тяжела и неподвижна была ихъ тысячелѣтняя жизнь.

А кругомъ стоялъ лѣсъ—и былъ онъ большой, старый и мокрый. Далеко за насыпь, въ непроходимую гущу его уходила болотина съ застоявшейся, ржавой водой, изъ которой подымались зыбкія кочки, поросшія тощей березой

и низкорослой сосной. Не во что было уйти корнямъ и негдѣ достать необходимыхъ соковъ — была только гнилая вода и насыщенный ею мохъ,—и корни путались вокругъ колеблющейся кочки, цѣплялись другъ за друга, а дерево росло приземистое, низкое, сгибалось узлами, словно его упорно крутила невидимая рука.

Зимой мохъ долго держалъ тепло, и вода замерзала поздно, а лѣтомъ она гнила, и кругомъ стоялъ нехорошій запахъ стоячей воды, гніющихъ корней и плесени.

Люди сюда не ходили, потому что одни боялись, а другимъ нечего было здѣсь дѣлать. И—темные, какъ лѣсъ — они думали, что тѣ невидимыя и таинственныя существа, которыхъ гнали они съ опушекъ пашнями, покосами и дорогами—уходили сюда и жили здѣсь своей непонятной, особенной жизнью, въ которой все таинственно и все жутко.

День и ночь вставали и проходили здѣсь свои и особенные оттого, что не было человѣка, который видѣлъ бы и чувствовалъ ихъ. Подымалось солнце, медленно двигалось, молчаливое и внимательное, и уходило въ томъ же молчаніи, а на смѣну ему выростала изъ-подъ темныхъ коржъ ночь, отъ воды подымался густой, удушливый паръ, и въ немъ смутными силуэтами стояли деревья, и висѣла луна. Такъ проходило много сутокъ, и ихъ некому было считать, потому что людей не было, а звѣри были заняты своей жизнью. Эта жизнь бурлила негромкими, крадущимися звуками, рождавшимися и тонувшими въ сумракѣ.

Весной, когда подъ буреломомъ лежали еще мертвые синіе пласты разлагающагося снѣга, по вечерамъ, мелькая на золотомъ вечернемъ небѣ быстрыми зигзагами — сладострастно каркали вальдшнепы, гонялись другъ за другомъ въ веселой игрѣ и падали въ синій сумракъ.

На зорькахъ раздавалось чурыканье тетерева, слетѣвшаго на мѣсто посуше, гдѣ прошлогодняя брусника осыпала своими мелкими вѣточками кочку, издали отвѣчалъ ему болмотаньемъ другой—они слетались, загорался случайный бой.

А по ночамъ, когда чуть замѣтная полоска разсвѣта чуть прорѣзалась на востокѣ—по лѣсу вдругъ разносилась властная и горячая пѣснь глухаря, огромнаго и страннаго, какъ обломокъ допотопной фауны, свидѣтель древовидныхъ папоротниковъ, мохнатыхъ гадовъ, летучихъ звѣрей—амфи-

.. Гдѣ-нибудь на высокой соснѣ, чуть выдѣляясь на за-

нявшейся зорькѣ тяжелымъ контуромъ, поетъ громадная птица, поетъ страстно и сильно, забывая весь міръ, поетъ— и ничего въ это время не слышитъ, и царапаетъ мохнатыми лапами корявый сукъ, и закрываетъ въ страстномъ томленіи любовной пѣсни краснобровые глаза...

И лѣсъ слушалъ эту пѣснь задумчиво и внимательно, тая про себя темную вѣковую мысль, и слушали звѣри, копошившіеся внизу, гдѣ переплелись корни деревьевъ, и слушали издалека люди—и имъ казалось, что они слышали когда-то эту пѣснь, когда все въ природѣ было таинственно и священно, и самъ человѣкъ былъ простымъ, радостнымъ и свободнымъ...

III.

Утромъ въ субботу солнце встало свѣтлое и веселое, и казалось, что весь день будетъ яркимъ и блестящимъ, залитымъ бѣлыми, серебристыми лучами, оттого что солнце не успѣло еще разгорѣться и покраснѣть. Но къ прехваткѣ съ запада набѣжали бѣлыя облачка, такія круглыя и плотныя, что удивительно было, какъ могли они держаться въ вышинѣ неба, и ихъ накоплялось все больше, и бѣжали они гуще, такъ что временами заслоняли солнце, и тогда по землѣ ползла широкая темная тѣнь. Потомъ опять выглядывало солнце, но не въ силахъ было уже справиться съ полчищемъ облаковъ и пряталось, а на землѣ опять все тускнѣло отъ тѣни, неторопливо и ровно спускавшейся въ овраги, подымавшейся на бугры, двигавшейся упорно и не быстро, ни за что не цѣпляясь и не останавливаясь.

Потемнѣлъ лѣсъ, стали черными серьезныя елки, а березки затрепетали робко и покорно. Насыпь стала сѣрой, и на ней ясно намѣтились выбитыя телѣгами колеи.

Первая капля дождя ударилась, завернулась въ пыль и шарикомъ покатилась по дорогѣ. За нею стукнулась вторая, потомъ третья, потомъ капли грянули разомъ, и имъ некогда было заворачиваться шарикомъ, да и не во что, потому что насыпь смокла, пыль слиплась и стала черной и неподвижной. И только шаги бѣгущихъ людей вырывали изъ темной массы ея желтыя, равномѣрной цѣпью уходящія пятна сухого нижняго пласта—отчетливые слѣды сапогъ и круглыя очертанія босыхъ пятокъ.

Стало неожиданно свѣжо и шумно, и отъ плесканья,

шлепанья и дробнаго звона торопливыхъ сверкающихъ струй, не могущихъ уже разбиться на капли—сдѣлалось по ребячьи весело.

Укрываясь съ головой армяками и тулупами, красные и веселые, рабочіе бѣжали въ бараки, звонко кричали, толкали другъ друга, и дождь смѣялся вмѣстѣ съ ними и тысячью серебряныхъ бичей подгонялъ ихъ.

Хотя было невыгодно, потому что за нерабочій день подрядчикъ высчитывалъ, все-таки было весело, оттого что вмѣсто работы дождь устроилъ веселый праздникъ.

Темная туча прошла, но небо, открывшееся за нею, было не голубое, а сѣрое, низко повисшее надъ лѣсомъ. Изъ крупныхъ, тяжелыхъ струй дождь превратился въ едва замѣтную водяную пыль, прозрачной голубой дымкой повисшую между небомъ и потемнѣвшей, мокрой землей. Стали сумрачными старыя сосны, а березы стояли неподвижно, чутко прислушиваясь къ смутному шороху дождя. Только изрѣдка, когда собравшаяся на листьяхъ вода падала тяжелой и крупной каплей—вздрагивали тонкія, слабыя вѣточки и долго еще потомъ качались въ прозрачной и теплой тишинѣ весенняго дождика.

Поняли, что дождь затянулся, и если перестанетъ, то только къ вечеру, на закатѣ солнца, и всѣмъ стало скучно. Хотѣли спать, но Клюка погналъ за народомъ: чтобы не терять времени вечеромъ, онъ хотѣлъ, пользуясь нерабочимъ днемъ, сдѣлать недѣльный расчетъ.

Длинной цѣпью потянулись рабочіе—сначала каменьщики, потомъ землекопы, потомъ повозники. Послѣдніе въ большинствѣ были набраны изъ сосѣднихъ деревень и получали деньги понедѣльно, а всѣ остальные только подсчитывали рабочіе дни, вычитали дожди и прогулъ и цифру получки отмѣчали въ книжкѣ, чтобы осенью получить сразу. Брали впередъ только на табакъ, на вино, на продравшуюся рубаху и брали понемногу: двадцать, тридцать копѣекъ въ недѣлю, иногда полтинникъ, рѣдко рубль.

Расчетъ Клюка хотѣлъ дѣлать скоро, быстро высчитывалъ и звонко щелкалъ на счетахъ, а рабочіе соображали медленно, туго, съ напряженіемъ, по нѣскольку разъ переспрашивали и не вѣрили. Клюка не сердился, а объяснялъ и посмѣивался, и похоже было, будто онъ посмѣивается не надъ мужицкой медлительностью и несообразительностью, а надъ чѣмъ-то другимъ, о чемъ знаетъ онъ одинъ и до чего не дошли еще мужики.

Вычеты онъ подсчитывалъ изумительно скоро и, объявляя конечную цифру ихъ, огорашивалъ ею рабочихъ. Казалось, что онъ насчитываетъ—тогда переспрашивали, доходили до каждаго пятака, и выходило вѣрно. Но мирились съ этимъ только по внѣшности, шептали, тужились и въ глубинѣ души считали себя обманутыми по темнотѣ и безграмотству ловкимъ Клюкой.

Старикъ Липатъ безропотно соглашался на все, что ни писалъ въ книжкѣ Клюка, только покорно вздыхалъ, изрѣдка приговаривая:

— Оно конешно... Это точно... Какъ же, мы понимаемъ это!..

Но Василій выспрашивалъ обо всемъ подробно, соображалъ, высчитывалъ и спорилъ. И хотя это повторялось каждую недѣлю—каждый разъ это было трудно, и чувствовался въ чемъ-то подвохъ.

Но началу казалось, будто условія Клюки — условія ничего, божескія: платить будутъ отъ кубической сажени выкопанной земли, за сажень по рублю слишкомъ. Выбрать двѣ сажени земли можно было въ три дня—стало быть, если преложить на поденную, выходило, примѣрно, по семь гривенъ въ день. Съ этимъ Василій мирился, такъ какъ по долгомъ высчитываніи получалось, что за мѣсяцъ, отбрасывая четыре воскресенья и дня два на дожди, онъ получитъ около двадцати рублей. А за пять мѣсяцевъ, считая съ половины апрѣля до половины сентября—больше ста рублей.

Все это Василій соображалъ туго, трудно и съ такимъ напряженіемъ, что лобъ покрывался потомъ.

Но начинались вычеты—и тутъ начинался неуловимый подвохъ.

Клюка давалъ работу, онъ же и харчилъ рабочихъ и за харчъ бралъ по двугривенному въ день. Это уже выходило шесть рублей въ мѣсяцъ, какъ будто и много. Сбивало то, что получки за работу приходилось считать въ мѣсяцъ за двадцать пять или шесть дней, а харчевые за всѣ тридцать.

— Двугривенный въ день,—говорилъ Василій, глядя затуманеннымъ отъ усилій сообразить взоромъ на Клюку,—это значитъ за недѣлю рупь сорокъ—безъ двугривеннаго три остается...

— Безъ другривеннаго три, — поигрывая костяшками счетовъ, соглашался Клюка.

— Та-акъ! Стало быть это выходитъ...

Василій упирался глазами въ мокрый засохшій и бурый сапогъ на своей ногѣ и опять принимался высчитывать. За пять мѣсяцевъ — харчевыхъ выходило тридцать рублей. Значитъ чистыхъ получить оставалось уже не сто, а семьдесятъ... Можетъ съ лишечкомъ какимъ... Это уже не такъ выгодно и итти въ сосѣдній уѣздъ почти на полгода для этого, пожалуй, и не стоило, принимая въ соображеніе домашнюю несправку, упущенія по хозяйству... Когда отошли отъ дома—нужда и голодъ посгладились, и выступила арифметика: итти на заработки въ лѣтнюю пору стоило только тогда, когда за это время можно было заработать на весь годъ.

— За баракъ, за тачку, за заступы на кругъ десять рублевъ,—высчитывалъ Клюка, — полтинникъ въ недѣлю— итого два тридцать,—сыпалъ онъ, какъ горохъ по столу— дробно и звучно — и часто мигалъ красными вѣками, странными отъ бѣлыхъ рѣсницъ.

— Это что же такое? переспрашивалъ Василій. Онъ зналъ, что это такое, и это было уговорено раньше, но каждую недѣлю торговался.

— А что жъ—баракъ мнѣ не стоитъ ничего?

— Ну баракъ... Такъ не на десять же рублей проспжу я его?

— А заступъ, тачка?

— Я жъ съ собой ихъ не возьму!..

— А сломаешь?

— А ежели не сломаю?

— Не ты, такъ другой: дѣло артельное!

— Такъ ты съ другого и спрашивай... Съ меня спроси, когда я сломаю...

Клюка сокрушенно качалъ головой, изумляясь такому упорству.

— Чудакъ парень! Такъ они мнѣ даромъ пришлись, эти самые заступы, да тачки, что ли?

— Даромъ! Я не говорю, что даромъ, а все же десять рублей...

— Тьфу, прости Господи, грѣхъ одинъ съ тобой! Кажинный разъ тое-жъ самое!—возмущался Клюка.

За все получалось уже не семьдесятъ съ лишечкомъ, а шестьдесятъ... Въ день что-то около полтинника, а это было ужъ совсѣмъ не стоющее, обидное дѣло!

Когда Василій доходилъ до этой цифры, онъ съ изум-

леніемъ глядѣлъ въ свѣтлые, слезящіеся глаза Клюки. А Клюка весело побрякивалъ счетами и, казалось, вотъ-вотъ онъ хлопнетъ Василія по плечу и подмигнетъ хитро и лукаво.

— Дѣ-ѣ-ѣла-а-а!—тянулъ Василій.

— Времена!—отзывался Клюка,—кабы правленіе, а то...

— Оно конешно!—вставлялъ старый Липатъ.

— Покуда что, оно точно!—соглашался Василій и расписывался въ грязной и измятой расчетной книжкѣ. Съ трудомъ, но отчетливо, выводилъ фамилію, и когда клалъ перо, то хмурился и сердито смотрѣлъ на рядчика. И казалось почему-то, что когда онъ выйдетъ изъ балагана, гдѣ помѣщалась контора, то погрозитъ Клюкѣ своимъ почернѣвшимъ, мозолистымъ кулакомъ и процѣдитъ сквозь зубы:

— Ладно, дождешься ты у меня...

Но выйдя, онъ все соображалъ и высчитывалъ, смотрѣлъ на сапогъ и думалъ.

Была въ чемъ-то ошибка, и кто-то обижалъ, и это было ясно и понятно, но нельзя было найти, въ чемъ ошибка и кто обижаетъ. Отъ этого подымалась досада, похожая на злость, и вся жизнь казалась нелѣпымъ и безполезнымъ барахтаньемъ въ какомъ-то темномъ мѣшкѣ.

...Дома голодъ, нужда—Богъ знаетъ какъ бьются оставшіеся,—надѣются на нихъ, ушедшихъ, и ждутъ, что—вотъ придутъ Липатъ съ Василіемъ и все пойдетъ иначе. А тутъ работа, усталость и темное болото, злое потому, что потревожили его извѣчный покой, таинственное и чуждое и потому страшное. Тутъ обида, тоска и сознаніе, что вмѣсто помощи, домой принесешь еще большее горе, потому что деньги выйдутъ скоро, а земля не справлена и ѣдоковъ станетъ больше и въ будущемъ голодъ...

— Расчетъ?—ухмыльнулся проходившій Иванъ Павловъ и подмигнулъ въ сторону конторы.

Василій уставился на него и молчалъ. Оттого, что у Ивана Павлова одинъ глазъ былъ живой, подмигивающій и веселый, а другой неподвижно и мертво свѣтлѣлъ тусклымъ бѣльмомъ, всѣ смотрѣли не на живой глазъ, а на мертвый, и отъ этого рождалось странное, двойственное впечатлѣніе. Было стеклянное, безучастное и незрячее бѣлѣсоватое пятно, а голосъ и слова были смѣшливые и молодые.

— Ра-а-асчетъ! Песъ его!..—протянулъ Василій и выругался громко и скверно.

— Тонкій расчетъ!—поддержалъ Иванъ Павловъ,— мы народъ темный, гдѣ намъ разобрать... Тамъ умные люди, грамотные...

Онъ разсмѣялся и пошелъ въ контору, а Василій по прежнему стоялъ, смотрѣлъ на синюю дымку дождя и думалъ...

Къ вечеру на западѣ тучи разорвались, и за ними проглянула узкая, блѣдно-желтая полоса вечерняго неба, нѣжнаго и далекаго, будившаго смутную грусть.

Было сыро и мокро, хотя дождь пересталъ, и земля туго и медленно впитывала набравшіяся лужи.

Днемъ многіе выспались и теперь бродили, не зная, за что приняться. Спать было рано, а дѣлать было нечего и на село итти незачѣмъ, такъ какъ всѣ тамъ были заняты приготовленіемъ къ празднику—баней, стряпней.

Собрались на бревнахъ у барака и говорили нехотя, перекидываясь короткими замѣчаніями, курили и сплевывали. Не вдалекѣ возился Стригуновъ — чистилъ и мылъ котелъ. Потомъ поднялся и заковылялъ къ болоту полоскать его. И тамъ, съ трудомъ выполоскавъ тяжелый артельный котелъ, за одно намочилъ свои портянки и поползъ назадъ, несмѣло и тяжело ступая больными ногами.

У бревенъ онъ остановился и послушалъ, что говорятъ.

Смѣялись надъ нелѣпой фамиліей Мишки, которая была прописана у него въ паспортѣ, а онъ нарочно дурашливо, съ простинкой, разсказывалъ ея происхожденіе: отецъ его когда-то служилъ въ арміи солдатомъ и, придя со службы въ деревню, зазнался и ругалъ мужицкое житье. И каждую фразу свою начиналъ словами: — «у насъ въ арміи...» За это его въ насмѣшку прозвали Вармісй, и все потомство его стало носить эту кличку. Когда Мишкѣ пришлось выправлять въ волостномъ паспортъ—писарь въ графѣ «имя и фамилія» написалъ—Михаилъ Семеновъ, потомъ подумалъ, посмотрѣлъ въ окно и, поводивъ надъ бумагой перомъ, быстро и четко вывелъ: «Вармія». Такимъ образомъ появилась смѣшная и безсмысленная фамилія, которой Мишка, разсказывая про нее, какъ будто гордился.

Всѣ смѣялись, и, кажется, смѣшно было не то, что разсказывалъ Мишка, а то, какъ онъ разсказывалъ.

Иванъ Павловъ щурилъ свой единственный глазъ, ерошилъ жесткую рыжую бороду и говорилъ:

— На-вродѣ, какъ дворянинъ—фамилія обозначена, не то что по уличному какъ, а въ паспортѣ прописана...

— Не намъ, мужикамъ-дуракамъ, стать, — поддержалъ Липатъ,—что мы? Иванъ Павловъ, Липатъ Матвѣевъ, либо тамъ Никитій Ефимовъ—больше, какъ по отцу намъ и прозвища нѣтъ... А тутъ, гляди: Вармія!

— Слово будто какъ не русское, изъ нѣмцевъ должно! — въ тонъ ему замѣтилъ крѣпкій, не старый еще землекопъ Ефимовъ.

— Вво-во!

Опять всѣ смѣялись, а Мишка лукаво ухмылялся и поглядывалъ на всѣхъ.

Стригуновъ тоже пошевелилъ ртомъ, и нельзя было разобрать, улыбается онъ или просто пожевалъ губами.

Вечерѣть стало замѣтно, но темнота какъ будто остановилась и не шла изъ лѣса, а ждала чего-то. Не шла она потому, что желтая полоса на западѣ разорвалась шире и захватила полнеба, тучи раздались и раздѣлились на круглыя сѣрыя облака, и они медленно, но неуклонно двигались къ западу, уходили за лѣсъ, а небо оставалось свѣтлымъ и глубокимъ. И въ немъ, на желтоватомъ фонѣ отблеска закатившагося солнца, жидкимъ и трепетнымъ огнемъ заструилась золотая звѣзда.

— А эттого...—проговорилъ Стригуновъ и переступилъ съ ноги на ногу,—давеча въ повозникахъ Антонъ Подосенскій за водкой на село бѣгалъ... сказывалъ быдто на бугру цыганы таборомъ стали, что ли...

— Ну да?—воскликнулъ Мишка,—гдѣ, возлѣ села?

— Правѣе никакъ, къ предводителеву березняку, что ли... Пѣсни играютъ, въ скрипку тоже...

Онъ замолчалъ, переступилъ ногами и взялъ котелъ въ другую руку.

— Пойдемъ глядѣть?—обратился ко всѣмъ Мишка.

— Что жъ, пойдемъ... Дѣлать, все одно, нечего, — отвѣчалъ Иванъ Павловъ,—спать, гляди, рано...

— Занятно!—засмѣялся Мишка и вскочилъ, — я разъ видалъ на ярмонкѣ—черные, страшные...

Поднялось еще нѣсколько человѣкъ, всталъ и Василій Липатовъ. Даже старикъ Липатъ всталъ.

— Подтить—а либо у цыгана коня сведу!—усмѣхнулся Иванъ Павловъ, и нельзя было различить—чему онъ смѣется—своей ли шуткѣ или тому, что ему любопытно поглядѣть на цыганъ.

Пошли по гати, скользя по мокрымъ бревнамъ, и когда вошли въ лѣсъ, стало совсѣмъ темно, оттого

что вѣтви заслонили небо, и все стало сумрачнымъ и тихимъ.

Сырость сразу охватила влажнымъ, свѣжимъ налетомъ, осѣдала на одеждѣ, брызгала крупными каплями съ случайно задѣтой вѣтки. Дождевая вода не вобралась еще въ землю и чвякала подъ ногами, а на гати разбухшія, осклизлыя бревна плескались въ налившемся болотѣ, и видно было, что гать не лежитъ на мху, а плаваетъ какъ плотъ.

— Экъ налило-то,—замѣтилъ Ефимовъ, шлепая босыми ногами по водѣ,—въ недѣлю не уберется теперь... Шелъ дождь день, а полмѣсяца уходить будетъ...

— Какъ копать теперь? Въ безпречъ по поясъ въ водѣ стоять будешь,—отозвался Василій Липатовъ.

— Копать, вѣрно, худо теперь будетъ, — согласился кто-то, идущій далеко впереди, и голосъ прозвучалъ въ сырой мглѣ подъ деревьями ново и чуждо, такъ что нельзя было узнать, кто говорилъ.

Темнота густилась подъ деревьями, измѣняла очертанія, и люди шли въ ней по знакомому лѣсу, какъ призраки въ невѣдомомъ мѣстѣ, колеблясь невѣрными, расплывающимися силуэтами. Шли быстро, потому что непріятно было итти, когда казалось, что кто-то неуловимый и загадочный пристально смотритъ изъ-за низкихъ плотныхъ елей, смутно чернѣющихъ стволовъ и прошлогодняго бурелома.

И когда вышли изъ лѣса—всѣмъ стало весело и хорошо отъ проглянувшаго неба, свѣжей зеленью темнѣющаго выгона и ощущенія широты и свѣтлаго сумрака, смѣнившаго жуткій мракъ.

На невысокомъ бугрѣ, возлѣ подходившаго къ нему березовой опушкой лѣса, горѣли костры, и синій дымъ разстилался по опушкѣ легко и призрачно, веселый отъ мелькающихъ огней.

Когда рабочіе подходили къ бугру, стало уже совсѣмъ темно—только на западѣ все еще не могла потухнуть полоска зари и догорала спокойно и тихо. Бугоръ подымался не крутымъ изволокомъ, и это было замѣтно не потому, что горизонтъ закрывался имъ, а потому, что воздухъ сталъ сухимъ и теплымъ, и трава подъ ногами, хотя и мокрая отъ росы и непросохшаго еще дождя, росла на твердой, крѣпкой землѣ.

Вмѣстѣ съ запахомъ свѣжей листвы и ожившей озими, въ воздухѣ была разлита особенная терпкая крѣпость, какъ старомъ винѣ, какъ бываетъ только теплой весной,

когда проснулись и ведутъ невидимую и неустанную работу тайныя творческія силы. И все отъ этого было трогательнымъ и вдохновеннымъ, и звѣзды казались особенно яркими и смѣлыми въ плотной глубинѣ неба.

Когда подходили къ табору и видны стали уже тяжелыя черныя телѣги-будары—густымъ трубнымъ звукомъ пролетѣлъ мимо невидимый майскій жукъ, и радостно-сильное гудѣніе его повисло въ воздухѣ плотной и серьезной нотой. Гдѣ-то недалеко онъ звонко щелкнулся объ бѣлую кору березы и смолкъ, но долго еще потомъ казалось, что гудитъ кто-то невидимый и сильный, веселый отъ того, что проснулся къ жизни въ тепломъ и мягкомъ весеннемъ сумракѣ.

Будары стояли въ сторонѣ въ кустахъ, и поднятыя кверху короткія дышла ихъ смотрѣли въ небо съ молчаливымъ любопытствомъ. Около одной изъ нихъ, тутъ же въ кустахъ, возлѣ мелькающаго красными угольями костра, была налажена походная наковальня, и короткій, широкоплечій цыганъ быстро и ловко колотилъ молоткомъ по раскаленному желѣзу, которое онъ держалъ щипцами въ лѣвой рукѣ.

Рядомъ билъ тяжелымъ звонкимъ молотомъ другой цыганъ—молодой и красивый огромными черными глазами.

Проворно и весело, будто не работая, а забавляясь тѣмъ, какъ изъ-подъ молота сыпались бѣлыя, голубыя и красныя искры, ударялъ онъ по желѣзу, дышалъ глубоко и вольно, и отъ того, что на смугломъ лицѣ блестѣли бѣлые зубы—казалось, будто онъ смѣется и надъ желѣзомъ, и надъ алмазными брызгами искръ, и надъ тѣмъ, что онъ съ другимъ цыганомъ въ лѣсу подъ звѣздами куетъ что-то...

Мужики подошли и остановились, съ упорнымъ вниманіемъ глядя на новыхъ людей, какъ могутъ глядѣть только дѣти и звѣри.

— Надо быть, несправка какая вышла,—замѣтилъ Ефимовъ,—чинить стали...

— Божіи работнички, столяры, кузнецы да плотнички,—подмигнулъ Иванъ Павловъ,—замокъ сломать, желѣзы разбить, цѣпь спилить—по слесарной части тоже...

Мужики разсмѣялись, а цыгане посмотрѣли на нихъ, перекинулись странными, быстрыми словами и тоже засмѣялись.

— Гляди, ихъ много!—указалъ Мишка на костры.

— Надо быть, что много! За то и таборъ, что много...

Пошли туда. Пришли и остановились невдалекѣ полукругомъ, глядя съ наивнымъ и беззастѣнчивымъ любопытствомъ, какъ глядѣли бы на калѣку, урода или еще какую диковинку.

Горѣли три костра, и около нихъ сидѣли, стояли и ходили человѣкъ двадцать цыганъ и цыганокъ. Варили что-то въ котлахъ надъ кострами, мѣшали ложками и сыпали не то соль, не то муку. И когда увидѣли подошедшихъ — то тоже стали смотрѣть на нихъ прямо и смѣло, чуть-чуть насмѣшливо.

— Гляжъ старая то — во вѣдьма! — толкая подъ бокъ меньшого Липатова, указывалъ Мишка,—носище-то у-у-у!..

У одного изъ котловъ копошилась старая, сгорбленная цыганка въ дырявомъ красномъ платкѣ, страшная отъ крючковатаго носа, выдавшагося впередъ подбородка и грязныхъ волосъ, космами выбившихся изъ-подъ платка.

Рядомъ съ ней стоялъ старикъ цыганъ съ бѣлой, вѣерообразной бородой, лысиной во всю голову и чернымъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ короткую венгерку съ огромными серебряными пуговицами, похожими на продолговатыя бубенцы. Свѣтъ костра быстрыми неожиданными искрами, какъ тонкой и сильной кистью, трогалъ то пуговицы, то бороду, то суровые, глубоко ушедшіе глаза.

— Атаманъ должно, набольшій ихъ, — говорилъ Мишка,—самый главарь всему табору видать...

— Пуговки въ кулакъ—коноводъ самый.

— А краля-то, краля—во въ синей шубкѣ-то что!

— Добра, страсть добра...

— Глазища-то...

— Шуба бархатная!

Въ сторонѣ отъ другихъ медленно ходила по лужайкѣ высокая стройная цыганка въ опушенной мѣхомъ бархатной душегрѣйкѣ, съ необычайно длинными и до смѣшного узкими рукавами. Она куталась въ нее, прятала лицо—и изъ-подъ темнаго, спущеннаго на лобъ, платка глубоко и загадочно мерцали огромные, немного мрачные глаза.

Было что-то невѣдомое и манящее въ этихъ черныхъ глазахъ, и въ кутавшемся въ дорогую шубку сильномъ станѣ, и въ томъ, какъ она ходила, за каждымъ шагомъ слегка наклоняясь впередъ, изрѣдка посматривая на мужиковъ изъ-за мѣховой опушки воротника.

— Экой бѣсъ дѣвка, во бѣ-ѣ-ѣсъ!—изумленно протянулъ [illegible]ъ Липатъ, а Василій посмотрѣлъ на него мелькомъ

и нахмурившись, словно ему было непріятно, что отецъ тоже видитъ цыганку. Но ничего не сказалъ, только опять жадно впился острымъ и немигающимъ взглядомъ въ одиноко прохаживающуюся дѣвушку.

— Гляди, вотъ такую-бы приспособить!—толкнулъ его локтемъ Иванъ Павловъ,—отдай всѣ мѣдныя...

— Приспособь! Она тѣ приспособитъ!—ухмыльнулся Ефимовъ.

— А что жъ? Думаешь, нѣтъ?—вступился Мишка,—ты что думаешь—шуба-то въ ей купленная? Какъ не такъ, чай тоже съ хорошими господами знакомство имѣла, пѣсни имъ играла!

— Такъ то съ господами, а ты что?

— А онъ на-вродѣ какъ дворянинъ, Вармія по фамиліи,—вставилъ Иванъ Павловъ.

Засмѣялись.

— Господа, говорятъ, охотники ихнія цыганскія пѣсни слушать,—разсказывалъ Мишка,—будто большія деньги плотятъ имъ за это, только я такъ полагаю, что не въ пѣсняхъ тамъ дѣло!..

Когда присмотрѣлись, то всѣмъ стало казаться, что у цыганъ сегодня какой-то свой праздникъ. И казалось это не потому, что молодые были одѣты пестро и красиво, а по особенному широкому и вольному веселью, прорывавшемуся то здоровымъ громкимъ смѣхомъ, то вскрикомъ, то веселой трескотней рѣчи—непонятной и чуждой, и оттого странной.

Пришли и тѣ два, что ковали что-то около телѣги, должно быть, кончили работу, и всѣ стали ѣсть. Усѣлись на три кружка возлѣ котловъ и ѣли, а кое-кто изъ мужчинъ пилъ водку. Одинъ изъ кузнецовъ, тотъ, что постарше, передъ тѣмъ, какъ выпить—глянулъ на мужиковъ, подмигнулъ имъ и засмѣялся. Мужики тоже засмѣялись и закивали головами. Тогда онъ разомъ опрокинулъ стаканъ въ ротъ, глотнулъ, сплюнулъ и крякнулъ, крикнувъ что-то.

— Какъ онъ ево!

— Ловко!

— Ха-ха-ха, здорово!—загоготали мужики и придвинулись ближе.

Опять пили цыгане водку и старыя цыганки пили, и невозможно было себѣ представить, чтобы это былъ не праздникъ, а обыкновенный день, потому что такъ много

и весело пили водки, такъ оживленно смѣялись и кричали что-то.

Откуда-то появилась скрипка, молодой высокій цыганъ, крѣпко прижавъ ее подбородкомъ и упирая грифъ въ колѣно, настраивалъ ее, потомъ отодвинулся отъ котла и сбросилъ поддевку съ праваго рукава. И всѣ отодвинулись, должно быть, кончили ѣсть и, сытые, развалились кто гдѣ.

Цыганъ заигралъ что-то, и первыми пустились въ плясъ ребята—черные, чумазые, почти голые, съ выпяченными животами и босые. А старшіе курили трубки и смотрѣли на нихъ одобрительно. Потомъ вышелъ чернобородый, уже не молодой цыганъ; прежде онъ все бѣгалъ и хлопоталъ о чемъ-то, лазалъ въ фуры, ходилъ къ пущеннымъ на луговинѣ въ кустахъ спутаннымъ конямъ.

Вѣроятно по паспорту онъ числился какимъ-нибудь бѣльскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Петровымъ Бѣляковымъ, но свои звали его короткимъ гортаннымъ звукомъ «Харукъ», и нельзя было понять—было ли это прозвище, или имя, или просто безымянное обращеніе.

Онъ скинулъ поддевку, расправилъ изъ-подъ пояса яркую желтую рубаху и, подмигнувъ совсѣмъ уже придвинувшейся толпѣ мужиковъ, топнулъ ногою объ землю.

И потому, какъ онъ подмигнулъ и топнулъ, и избоченясь пошелъ мелкимъ плясомъ въ кругъ около музыканта, было видно, что онъ пляшетъ не для того, чтобы похвастаться своимъ умѣньемъ и чтобы на него смотрѣли, а потому, что ему невозможно было усидѣть, когда скрипка выдѣлывала подмывающія колѣнца жгучаго, захватывающаго мотива.

Онъ долго ходилъ въ круги, все какъ будто собираясь сдѣлать что-то и сдерживая себя, а другіе цыгане скалили здоровые, крѣпкіе зубы, хлопали въ ладоши и кричали ему что-то. Но, когда въ кругъ выпрыгнула невысокая, юркая, вертлявая, какъ маленькая змѣйка, цыганочка и, вытянувъ тонкую, длинную шею, вся перегнувшись впередъ, и далеко отставивъ назадъ прямо вытянутыя руки, пошла къ нему ползучимъ, дрожащимъ и напряженнымъ шагомъ, остро и выжидающе впившись ему въ лицо немигающими, темными глазами—отъ ея походки, отъ ползучаго, медленнаго шага, по змѣиному вытянутой шеи,—а самое главное, отъ трепетавшей на раздвинутыхъ яркихъ губахъ страстной улыбки — онъ не выдержалъ, охнулъ, ударилъ сорванной съ головы шапкой о земь и вдругъ

упалъ, сдѣлался маленькимъ и пошелъ впередъ, мелькая выбрасываемыми въ присядкѣ ногами.

Рабочіе ахнули, загоготали и зашевелились, а онъ косился на нихъ смѣющимся чернымъ глазомъ, подмигивалъ и вскрикивалъ, и было непонятно, на чемъ онъ держался—такъ быстро и неуловимо мелькали передъ его тѣломъ то одна, то другая прямо вытянутыя ноги, въ лакированныхъ, съ высокимъ подборомъ, сапогахъ.

А цыганка теперь, вся откинувшись назадъ, въ страстной истомѣ заламывая руки, шла дробнымъ и мелкимъ шагомъ передъ нимъ, и плечи и грудь ея дрожали мелкой напряженной дрожью.

И въ этой дикой неистовой пляскѣ подъ мелькающими блестками костровъ, красныхъ мигающихъ отблесковъ, среди черныхъ тѣней и хохочущихъ, странныхъ по виду зрителей, люди казались не людьми, а какими-то веселыми чертями, рожденными беззаботной веселой жизнью, среди зеленыхъ лѣсовъ, необозримыхъ полей и жгучаго золота солнечныхъ лучей.

Василій Липатовъ смотрѣлъ на скачущихъ въ удальской пляскѣ людей, которыхъ онъ не зналъ и не видѣлъ такъ близко и хорошо раньше, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ молодыхъ упругихъ тѣлъ широко раскрытыми, изумленными глазами, и ему казалось, что все это происходитъ не на самомъ дѣлѣ, а въ странномъ снѣ, гдѣ все удивительно и необычайно своей выпуклой яркостью.

Горѣли костры, плясали, смѣялись и вскрикивали люди, сверкала иногда переходившая изъ рукъ въ руки бутылка, задорно танцовали, разсыпаясь безконечной цѣпью, короткіе звуки скрипки, и все это сливалось съ лѣсомъ, синимъ небомъ и огромной землей, не отдѣляясь отъ нихъ, а было тоже, что и они.

Не было у этихъ людей ни работы, ни долговъ, не было томительнаго ожиданія будущаго, потому что вчера переливалось у нихъ въ завтра сегодняшнимъ солнцемъ, пляской и смѣхомъ.

Было незнакомо это и чуждо Василію Липатову, какъ разсказанная въ темной избѣ сказка о золотомъ дворцѣ, и заманчиво было, потому что свободно и ново.

Всѣ люди у него дѣлились на крестьянъ, купцовъ, господъ, военныхъ, мѣщанъ, а эти были совсѣмъ особенные и не подходили ни къ одной изъ этихъ группъ, которыя зналъ раньше Василій. Это были странные люди,

ничѣмъ, казалось, не занимающіеся, живущіе какъ птицы въ своихъ подвижныхъ домахъ фурахъ, катаясь по землѣ, останавливаясь на ночь здѣсь, на день тамъ, ни къ чему не привязываясь и ничѣмъ не связанные. И не было у нихъ такихъ большихъ и важныхъ вопросовъ, какъ земля, подати, урожаи...

Онъ смотрѣлъ на нихъ — и, глядя, чувствовалъ, что и онъ тоже какъ будто не Василій Липатовъ, женатый мужикъ, вызванный изъ деревни на постройку чугунки голодомъ, а новый и особенный человѣкъ.

Что-то валилось и таяло, многовѣковыя тяжелыя какъ камень одежды спадали съ коряваго жилистаго тѣла и темнаго отъ тысячи лѣтъ угрюмаго существованія мозга, и росъ духъ, рождалась дерзость, и ширилась грудь отъ простого и свободнаго вліянія беззаботной жизни.

... Земля, подати, жена, чугунка, обсчетъ?..

Не мыслью, а чѣмъ-то другимъ, что было сильнѣе и глубже мысли, чувствовалъ онъ, что все это осталось гдѣ-то далеко и дрожитъ, какъ марево надъ нахотой, и понятно было, что ушло что-то изъ его существа, растопилось и уплыло въ дымѣ костровъ, быстрыхъ движеніяхъ чудныхъ людей, высокихъ нотахъ музыки. И бывшее большимъ — стало маленькимъ и не будило тягучей и постоянной мысли о томъ—что будетъ, какъ будетъ, можно ли и надо ли,—а шло мимо и таяло, какъ дымъ въ лѣсу...

Пляска кончилась, музыкантъ опять настраивалъ свою скрипку, прижавъ ее подбородкомъ и уперевъ грифъ въ колѣно, цыгане смѣялись, смѣялись и мужики и переговаривались уже другъ съ другомъ, шутливо и весело, какъ знакомые...

* * *

Домой шли скоро, такъ какъ всѣ вдругъ замѣтили, что холодно, и всѣмъ захотѣлось поскорѣй въ баракъ. Шли и переговаривались, и, когда вошли въ лѣсъ, голоса зазвучали особенно гулко и громко.

Шли гурьбой, перебивали другъ друга, и было такое впечатлѣніе, будто въ ихъ жизни случилось что-то такое, что измѣнило ее или должно было измѣнить.

Чужая жизнь пахнула на нихъ беззаботнымъ просторомъ и своя отошла и спряталась, потому что совсѣмъ не похожа была на ту, была тяжелая, скучная и пута-

лась она въ работѣ, голодѣ и темнотѣ, за которыми не видно было солнца, радости и веселья.

Только старикъ Липатовъ молчалъ неодобрительно, и видно было, что есть что-то такое, что заставляетъ его думать про свою жизнь, что она лучше, чѣмъ жизнь цыганъ.

Отъ того, что цыганъ видѣли въ праздникъ, казалось, что у нихъ всегда праздникъ—веселый и яркій, съ водкой и плясками, съ музыкой и особенными красивыми женщинами, похожими на ту цыганочку, что такъ лихо плясала. А, можетъ быть, это и дѣйствительно было такъ, и всегда по вечерамъ они устраивали пляски и пили водку.

Отъ этого было какъ будто обидно.

— Веселый народъ,—говорилъ Иванъ Павловъ,—гляди одной водки то сколько выпили...

— Ай добро!—восхищался Мишка, — нѣтъ, ты гляди только! ни тебѣ пахать, ни на постройкѣ работать, — ѣзди себѣ, музыку играй, пляски сичасъ...

— А окруты то гляди — рубаха желтая, гляди шелковая небось, сапоги съ подборомъ!

— А старикъ то, старикъ! Пуговки-во какія! Я глядѣлъ—серебряныя.

— Въ нихъ всегда серебряныя.

— А тая-то, что въ шубкѣ синей — первѣющій бархатъ!

— Я Ваську Липатова толкъ въ бокъ, говорю: во приспособить бы — такъ только носомъ повертѣлъ! Смѣхъ, ей богу!..

— Ногами то, ногами какъ онъ...

— И на чемъ держится только?

— Золъ плясать, что говорить!

Когда подошли къ гати, всѣ растянулись и пошли гуськомъ. Сзади шелъ старый Липатовъ, и слышался его бубнящій, неодобрительный голосъ.

— Шуба, плясать... говорилъ онъ, недовольно хмурясь и осторожно выбирая бревна, на которыя можно было ступить, не провалившись,—пуговицы серебряныя тоже... На-ро-о-одъ: ни пришей кобылѣ хвостъ! Ни ты городской, ни ты деревенскій!.. Такъ, ровно перекати-поле болтается по степу, такъ и они по земи... Дома нѣтъ—фуры эти самыя, нивѣсть чѣмъ кормятся... Ба-архатники!..

— А ты знаешъ, куда они идутъ-то? спросилъ Ефимовъ, останавливаясь и закуривая цыгарку, — въ Старую

Русу, ярмонка лошадиная тамъ должна быть. Ты коней глядѣлъ ихъ?

— Ну ихъ и съ конями!

— Больше палочницы, а есть и добрые! Одинъ жеребецъ, ну, прямо, четыре ста отдай да и все тутъ!

— Сведенъ откуда ни есть!..

— А ужъ тамъ гляди... Только доберъ конь!..

— Бархатники! бормоталъ Липатъ, и по тону, какимъ онъ говорилъ это, можно было подумать, что кто-то обидѣлъ его лично, — тоже въ шубкѣ... Первѣющій, говорилъ, бархатъ! Знаемъ мы это—тоже по разнымъ рукамъ ходила, денежки зарабатывала... Поди, самъ батька съ маткой и въ ходъ пустили, прости Господи, пакость такая!..

— Въ нихъ, поди, и сами не знаютъ, кто батька, кто матка, кто чей самъ—все перепутавши, — вставилъ Иванъ Павловъ.

— Нѣтъ, я что говорю,—гудѣлъ позади всѣхъ старый рабочій Бубновъ, и такъ какъ ни рядомъ, ни за нимъ никто не шелъ, а шедшіе впереди говорили между собою, то было похоже, будто онъ говоритъ самому себѣ,—я что говорю: тутъ ты ровно песъ проклятый бьешься, по брюхо въ болотѣ ковыряешься инда ноги чешутся, сбиваешься какъ ни есть только что на хлѣбъ, то на подати, то тѣ государственные, то тѣ земскіе—а тутъ — на тебѣ! Плясъ да музыка, да водки хоть залейся...

— Ба-а-архатники! — привязался къ слову Липатъ, — нѣтъ, что ужъ говорить: пустой народъ! Такъ—ровно вша ползаетъ по бородѣ, только и дѣла ей, чтобы гниду разводить! Тутъ, братъ, подумай, покряхти, хребетъ поломай... Не будетъ, братъ, пахотника, не было бы и бархатника! закончилъ онъ и крякнулъ, словно поставилъ крѣпкую и серьезную точку послѣ своихъ словъ.

Иванъ Павловъ обернулся, и подъ луной виденъ былъ только одинъ его здоровый, подмигивающій глазъ. И отъ этого чудилось, что сейчасъ онъ скажетъ что-то значительное и занятное, какъ хитрая загадка.

— А ты какъ глядишь, борода? спросилъ онъ, щуря прятавшійся и мелькавшій глазъ,—какъ ни кинь, а пахотникомъ земля держится? Такъ?

— Знамо такъ,—неохотно бросилъ Липатъ.

— Такъ вотъ ты, пахотникъ, и побѣгай съ тачкой въ безпречь до озимой пахоты, а послѣ за сохой-андревной походи, да полмѣры высѣй на своихъ полторы души, за

то, что въ тебя сѣмени больше нѣту, а ссуду за проценты лавочнику отдай, да зимой въ ряды куда скачи — лѣсъ ли пилить, либо тутъ же на чугункѣ затычкой какой ни на есть, а награжденія тебѣ за это—съ желудоваго хлѣба пузо пухнуть будетъ!..

— Съ его, съ желудоваго-то хлѣба, сердце горитъ гораздъ,—поправилъ сзади освѣдомленный Бубновъ.

— Такъ развѣ жъ это всегда — чудакъ ты! возмутился Липатъ,—это покуда земли нѣтъ, а выйдетъ узаконеніе...

— Покуда, покуда! Говаривалъ старикъ тесть мой — покуда солнышко взойдетъ, роса глаза выѣстъ, борода долгая!—закончилъ Иванъ Павловъ и пошелъ было впередъ, но не разглядѣлъ и, ставъ на болтающееся, осклизлое бревно, провалился въ болото.

— У, бѣсовъ путь! вскрикнулъ онъ, — колѣно зашибъ, дорога чертова! Теперь портки мѣнять надо, какъ есть смочилъ всѣ!

Онъ остановился и разсматривалъ при лунѣ свои мокрыя ноги.

— Ужо высохнутъ...

— Высохли!.. А спать безъ ихъ?

— Подъ праздникъ можно...

— И то!

Плотной черной полосой, будто длинная спина вынырнувшаго изъ глубины болота невѣдомаго звѣря, намѣтилась впереди подъ луною насыпь...

Ночь наступила сѣрая, полная смутнаго сумрака, похожаго на рваные клоки невѣдомо откуда ползущаго дыма. Луна то пряталась за облаками, то снова выплывала на чистое мѣсто и длиннымъ синимъ лучемъ заглядывала въ открытую дверь барака. И тогда фонарь, горѣвшій въ баракѣ всю ночь, дѣлался особенно желтымъ и тусклымъ и раздражалъ неровными взмахами пятенъ свѣта и длинныхъ, перебѣгающихъ тѣней.

Василій Липатовъ не спалъ, потому что нельзя было назвать сномъ то состояніе, въ которомъ онъ чувствовалъ желтый фонарь, лучъ мѣсяца и неуловимый шорохъ болотной жизни за стѣнами барака, но не было и полнаго сознанія, потому что передъ закрытыми глазами порою начинали танцовать странныя знакомыя фигуры, и внезапно и близко выдвигалось синее пятно бархатной шубки и черные, мерцающіе глаза. И не было это еще сномъ потому, что въ темной глубинѣ затуманеннаго сознанія,

какъ неуклюжія жабы, тихо ползали странныя мысли— безъ яркихъ очертаній, расплывчатыя и смутныя, какъ лунныя тѣни въ лѣсу.

Храпѣли, бормотали что-то невнятное и тревожное рабочіе, дышали тяжело, какъ будто на неподвижныя широкія груди налегла огромная тяжесть, и стонали порой жалобно и дико. Порой кто-нибудь просыпался, внезапно садился и съ непонятнымъ ужасомъ смотрѣлъ передъ собой, потомъ снова падалъ и такъ же внезапно, какъ проснулся— засыпалъ. И въ темныхъ видѣніяхъ тяжелаго сна жилъ таинственной и загадочной жизнью.

Истомленный тревожной дремой Василій открывалъ глаза—и всегда видѣлъ то же самое, что и полчаса и часъ тому назадъ: матово-желтый свѣтъ фонаря, придушенный ползучими тѣнями, холодный и безмолвный лучъ мѣсяца въ дверяхъ—и въ самомъ темномъ углу, гдѣ больше всего скопилось черныхъ тѣней, неподвижную фигуру Стригунова. У него была безсонница, онъ не могъ спать и всю ночь сидѣлъ, прислонившись къ поддерживавшему крышу столбу, склонивъ внизъ голову, какъ будто пристально и упорно разсматривая что то на своихъ израненныхъ ногахъ,—и думалъ.

Нельзя было узнать или догадаться, о чемъ онъ думалъ: объ оставленной ли гдѣ-нибудь семьѣ, о тоскливомъ одиночествѣ въ темныя ночи или о своей болѣзни и надвигающемся изъ-за нея ужасѣ жизни?

Опять опускались тяжелыя, какъ каменныя, вѣки, и снова, словно на время остановившееся колесо, неслышно трогались неуловимыя мысли и ползли, путаясь въ неторопливомъ движеніи. Рождаясь внизу, въ глухомъ и черномъ мракѣ — медленно плыли вверхъ и вбокъ, описывая правильную дугу, большія, немного мрачныя глаза, и сердце сжималось знакомымъ и сладкимъ чувствомъ, упорно и тщетно искавшимъ выхода.

Опять просыпался Василій и смотрѣлъ — опять проглядывали желтыя пятна свѣта, колеблющіяся тѣни и темная фигура въ углу.

Закрывалъ глаза—и шли мысли.

Женился онъ не потому, что радостью и полнотой жизни думалъ украсить свое существованіе, а потому, что этимъ самымъ онъ исполнялъ суровый и вѣчный долгъ, родившійся вмѣстѣ съ нимъ,—по отношенію къ себѣ, людямъ и землѣ. И въ первую же ночь послѣ свадьбы онъ счелъ себя

жестоко обиженнымъ и обманутымъ—и тогда началась та глухая и темная драма, о которой всѣ въ деревнѣ знали и говорили, но вмѣшаться въ которую не считали возможнымъ. Мучительно тянулись трудные дни, а ночи были похожи на дикій кошмаръ, въ которомъ побои, презрѣніе и злоба спутали въ одинъ переплетающійся комокъ темныхъ людей, безмѣрно жестокихъ и безмѣрно страдающихъ.

Рождалось отчаяніе—хотѣлось убѣжать, скрыться, начать новую жизнь. Прежде думалось: надо терпѣть пока, но шло время и вмѣсто примиренія несло большую вражду и злобу и бывало такъ, что не вѣрилось, будетъ ли конецъ этой мукѣ?

Василій ушелъ изъ деревни на постройку—но это было еще мучительнѣе, потому что при одной мысли, что жена осталась одна, и Богъ знаетъ, что дѣлаетъ—стыдъ и злоба душили его.

Подымался бунтующій протестъ—зачѣмъ такъ горько идетъ жизнь?—и хотѣлось взять все, чего не было въ его жизни: солнце и беззаботность, пляску и веселье, вѣчный отдыхъ и легкую красивую любовь...

Опять открывалъ Василій глаза—смутно и призрачно бѣлѣла въ дверяхъ луна, и, какъ неподвижный ужасъ его судьбы, молчаливо сидѣлъ въ углу темный Стригуновъ.

И думалъ что-то...

IV.

Утромъ въ воскресенье Василій былъ въ церкви. Онъ не любилъ молиться и не умѣлъ этого—и съ тѣхъ поръ, какъ сталъ взрослымъ, рѣдко бывалъ въ церкви, а о Богѣ ему не приходилось думать: было некогда и незачѣмъ, такъ какъ его лично это мало касалось.

Въ посты онъ постилъ, потому что постила вся семья, и былъ такой обычай, вошедшій въ жизнь давно, и онъ подчинялся ему; на шестой недѣлѣ, передъ Пасхой, говѣлъ, исповѣдывался и причащался и тоже не потому, что чувствовалъ въ этомъ духовную необходимость, а потому, что это было установлено отъ вѣка, выработанное кѣмъ-то какъ нужное, безъ чего нельзя обойтись.

Теперь онъ зашелъ въ церковь въ томъ же смутномъ и тревожномъ состояніи, въ которомъ провелъ ночь и утро:

Всталъ онъ рано, хотя чувствовалъ, что не выспался и съ глухой дрожью внутри разбитаго, неотдохнувшаго тѣла бродилъ по насыпи, потомъ попалъ въ село.

Уже благовѣстили, и недавно выстроенная, еще не оштукатуренная церковь рдѣла подъ бѣлымъ утреннимъ солнцемъ кроваво-красными кирпичами высокихъ стѣнъ, прорѣзанныхъ темными окнами. Въ одномъ изъ нихъ мерцала не то свѣча, не то лампада, и огонекъ былъ желтый и робкій, скромный и наивный, какъ молитва ребенка.

Народу набилось много, и стоялъ онъ плотной колыхавшейся толпой, праздничной отъ намасляныхъ волосъ, чистаго платья и крѣпкаго запаха новаго ситца. Негромкій шорохъ ползъ по толпѣ, рождался и умиралъ шопотъ, и крикъ грудного ребенка врывался протестующе и внезапно.

Вышелъ дьяконъ, откашлялся сиплымъ и густымъ басомъ и сдѣлалъ возгласъ. Затягивающая царскія врата зеленая занавѣска зашуршала по проволокѣ, отдернулась, и въ неслышно развернувшихся половинкахъ дверей показался толстый священникъ въ темносинемъ клобукѣ и серебряной, съ золотыми крестами ризѣ. Служба началась.

Служили медленно, по праздничному, сбиваясь и не въ ладъ пѣлъ на клиросѣ хоръ, и отъ напряженно тягучей службы отъ тянувшихся къ окну причудливыхъ полосъ синяго ладона, отъ томящей жары было торжественно и необычайно.

Молились больше бабы, и здѣшнихъ сразу можно было отличить по праздничнымъ платьямъ и довольнымъ лицамъ отъ пришедшихъ изъ дальнихъ деревень—молившихся усердно и со слезами, растроганныхъ рѣдко слышимой службой.

Пѣлъ хоръ, медленно поворачивался огромный дьяконъ, а оплывшее желтое лицо священника съ маленькими глазами и обрюзглыми щеками плавало въ дыму кадила призрачно какъ во снѣ.

Мерцали свѣчи—и было много желтыхъ, трепетныхъ огоньковъ, а сзади, черезъ плечи плыла новая волна тоненькихъ палочекъ, вспыхивали новые огоньки, а старые тухли, обираемые сторожемъ едва обгорѣвшія, почти цѣлыя.

Молились усердно, становились на колѣни, склонялись въ темноту къ сапогамъ, ныряя въ морѣ головъ, плечъ, рукъ, потомъ подымались, крестились и умиленно смотрѣли вверхъ.

А вверху надъ кадильнымъ дымомъ, надъ позолотой перваго ряда иконъ, надъ яркими пятнами тянувшихся въ окно

прямыхъ солнечныхъ лучей, въ затаившемся подъ куполомъ сумракѣ, вставалъ рядъ черныхъ ликовъ—молчаливый и загадочный, мертвенно-неподвижный, какъ чья-то застывшая мысль, съ онѣмѣлымъ взглядомъ плоскихъ черныхъ глазъ.

Передъ нимъ качалась, двигалась и кланялась, переливаясь, живая плотная толпа—смотрѣла, слушала и вздыхала, загадочная отъ свѣтлыхъ блистающихъ глазъ, тайныхъ невысказанныхъ мыслей, задержавшихся словъ и таившихъ движенія тѣлъ.

И, какъ посредникъ между этими двумя мірами — нескоро, обдуманно и важно двигался жирный мягкотѣлый попъ, строго смотрѣлъ на мужиковъ и, оборотясь къ чернымъ иконамъ, покорнымъ слезящимся голосомъ дѣлалъ возгласъ.

И было душно отъ кадильныхъ куреній, блистающей позолоты и кислаго запаха пота, висѣвшаго надъ толпой плотнымъ облакомъ.

Подъ конецъ службы кто-то дернулъ Василія за рукавъ. Онъ оглянулся—отецъ тянулся къ нему и дѣлалъ таинственные знаки, указывая на дверь. Толкаясь, протискиваясь плечомъ, цѣпляясь за одежду и наступая на ноги, Василій выбрался изъ церкви въ ограду и увидѣлъ, съ шелгунками на плечахъ и съ длинными бѣлыми палками въ рукахъ — мать и старика сосѣда Елкина. Они шли на богомолье въ Святыя Горы и зашли провѣдать своихъ, сдѣлавъ для этого крюкъ верстъ въ пятьдесятъ.

Отъ того, что они ясной весенней порой шли на богомолье, такъ же какъ оттого, что сейчасъ они слушали церковную службу—оба они—сморщенные древніе старички—казались особенно пріятными и ласковыми, тихими и привѣтливыми, довольными службой, весной и тѣмъ, что идутъ на богомолье.

— Я гляжу въ церкви, будто какъ рабочіе какіе,—разсказывалъ маленькій сѣденькій Семенъ Елкинъ, когда всѣ они вчетверомъ присѣли у ограды подъ тощими березами, недавно посаженными на осыпанной еще не убранными щепками и осколками кирпичей землѣ.—Такъ видать—будто рабочіе! Я къ одному и спрашиваю — не въ васъ ли молъ Липатовы отецъ съ сыномъ, работаютъ? Тутъ, говорятъ, въ церкви они! Такъ и уладилось, — а то на тебѣ—ищи! вѣдомо было, что возлѣ Рюхи погоста работаютъ, а вѣдь дорога то—она велика—поди узнай гдѣ—мы вонъ ее три раза переходили, все спрашивали—нѣтъ, говорятъ, такихъ.

Онъ говорилъ, щурился отъ солнца и улыбался довольной дѣтской улыбкой, и маленькое сморщенное личико его напоминало лицо ребенка.

— Дома въ насъ, почитай, все съѣли—какъ только перебиваемся, Господь вѣдаетъ, — жаловалась старуха, — Устюшка та же...

— Что Устюшка? угрюмо спросилъ Василій.

— Да что!.. старуха махнула рукой и отвернулась, а Семенъ стыдливо потупился и сталъ перевязывать шелгунокъ.

Наступило напряженное молчаніе.

— Какъ съ яровымъ-то? попробовалъ отвести вниманіе старикъ Липатъ.

— Покуда что...

— Тихо ль въ васъ, народъ какъ?

— Прижучились... Илью Семенкова въ волости за что-то взяли... Богъ вѣсть, что онъ сдѣлалъ, намъ не вѣдомо, стражники съ урядникомъ въ городъ повезли... Марья-то плачетъ—хлѣба нѣтъ, старуха померши... Кистяковъ Павелъ въ городъ ушелъ, баяли на пристани куда-то, что ли...

Старуха разсказывала о горькой жизни голодной деревни, и отъ ея словъ вѣяло древней покорной скорбью тоскливой жизни, въ которой было много работы, горя и голода. Старуха говорила кротко и тихо, а изъ ея словъ вставала вѣчная жизнь въ темныхъ избахъ, съ слѣпыми окнами, вонючихъ, гнилыхъ, сырыхъ лѣтомъ, промерзающихъ зимой, вѣчное существованіе впроголодь, съ длинными аскетическими постами, тупой вѣрой въ черныя иконы, въ толстопузыхъ поповъ, въ дерзкихъ на руку становыхъ, въ то, что все это необходимо и безъ этого нельзя жить.

... Горѣло солнце и безпощадно жгло согнутую спину и затылокъ, нестерпимымъ жаромъ дышала накаленная сухая рожь, и воздуху не было, грудь пылала, и все тѣло обливалось горячимъ потомъ, а онъ бѣжалъ по лицу живыми, щекочущими струйками, щекоталъ глаза, мѣшался со слезой, мочилъ соленой влагой потрескавшіяся губы.

... Щемящимъ холодомъ сжималъ вѣтеръ тѣло, стыли ознобленныя пальцы и не удержать было въ рукахъ топора, и прыгалъ онъ по жалкому кустовняку—не рубилъ, а ломалъ тощія сучья, а ими надо было топиться долгую студеную зиму...

...Дырявилось платье, разлѣзалось, истлѣвшее, по плечамъ, а что было получше—было заложено и проѣдено, и если были деньги, то нельзя было на нихъ завести новаго,

а надо было нести въ волость — въ государственные, въ земскіе...

...Болтались по поясъ въ болотѣ на покосѣ — рѣзали острыми отбитыми косами длинную безсочную осоку, ковыряли извѣчными сохами тощую полосу, которую нечѣмъ было навозить, жали тонкими змѣйками серповъ рѣдкую солому урожая, портили руки, а порѣзъ засыпали землей, и пихали въ него пыльную, грязную паутину, снятую изъ-за образовъ, и болѣли, мерзли по зимамъ, горѣли цѣлыми деревнями въ сухія лѣта—и всю жизнь жили угрюмо, безъ свѣта, въ вони и грязи...

Объ этой жизни говорила старуха—убогая и опрятная, освѣщенная солнцемъ и не растаявшимъ еще умиленіемъ церковной службы, и—мудрая безмятежнымъ спокойствіемъ и жалкая тысячелѣтнимъ терпѣніемъ—была похожа на равнодушную, мертвую землю.

А ее слушали, кивали головами, и все то, что она говорила, знали какъ свою мысль и—если бъ спросили—сами говорили они тѣми же словами. И когда жили въ деревнѣ—думали, что худое время только пока, а вотъ кончится работа, и пойдетъ въ деревнѣ настоящая жизнь.

Липатъ кряхтѣлъ, шевелилъ грубыми, затвердѣвшими въ работѣ пальцами и смотрѣлъ растерянно и покорно.

— Что жъ—Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ!.. Противъ него не пойдешь... Отцы и дѣды... установлено такъ—не нами началось, не нами и кончится...

А Василій щурился и молчалъ, а когда заговорилъ, то слова были короткія и грубыя, какъ брань.

— Отцы и дѣды... Началось, кончилось... — бормоталъ онъ и вдругъ остро и пристально впился прищуренными сѣрыми глазами въ лицо отца.

— Дѣды, говоришь? Установлено?—съ бѣшеной злобой закричалъ онъ такъ, что сидѣвшая рядомъ мать вздрогнула и отшатнулась,—дѣ-ѣ-ѣ-ды-ы-ы?! Я твоихъ этихъ самыхъ дѣдовъ... — онъ грубо выругался и плюнулъ,—вотъ что я твоихъ дѣдовъ хочу! А на выкупъ, когда волю дали, кто выходилъ? Дѣ-ѣ-ды? Старые дураки, объегорили ихъ, дубье столѣтнее—то дѣды! Сѣдые кобели—только лбомъ колотить умѣли, а мы разворачивайся!..

Онъ всталъ, ударилъ шапкой о земь, какъ это сдѣлалъ вчера цыганъ передъ пляской, и опять выругался длинно, страшно и жестоко, смакуя каждое безстыдное слово.

— Все дѣды, отцы, а сами ни-ни!.. Псы старые—стой

тутъ въ болотѣ чертовомъ, жри тухлятину, копайся въ грязи—придетъ расчетъ—на, получи, думаешь—пожилъ? Анъ врешь, все сожрешь, лѣзь въ болото опять! Дѣ-ѣ-ѣ-ды-ы-ы...

Онъ поднялъ картузъ, нашлепнулъ его на затылокъ и пошелъ изъ ограды, неровной качающейся походкой, какъ сильно пьяный.

* * *

Подъ вечеръ село набилось народомъ, такъ что по главной улицѣ нельзя было проѣхать отъ запрудившей ее толпы, сплошной массой двигавшейся отъ церкви до моста.

Гуляла молодежь, а старики сидѣли на лужайкѣ у церкви, пили и пѣли. И странно было видѣть бородатыя, красныя отъ вина лица пьяныхъ мужиковъ, обычно солидныхъ и разсудительныхъ, нескладно оравшихъ нелѣпыя пѣсни.

Церковный сторожъ подошелъ было къ одной компаніи, усѣвшейся вокругъ корзины съ пивомъ подъ самой оградой, и попробовалъ говорить что-то о святомъ мѣстѣ, но старики сразу поняли, въ чемъ дѣло, посадили его съ собой, и черезъ полчаса онъ самъ вытягивалъ тоненькимъ теноркомъ про чудный мѣсяцъ, который плылъ надъ рѣкою.

Между сельчанами виднѣлись и рабочіе съ постройки, считавшіеся гостями у тѣхъ, кто изъ мѣстныхъ былъ повозникомъ на работахъ. Въ уголку у воротъ сидѣли Липатъ и Ефимовъ въ кружкѣ сельскихъ стариковъ, оба захмѣлѣвшіе, въ новыхъ рубахахъ и съ веселыми лицами. Даже хмурый Стригуновъ приткнулся тутъ же и, осторожно подворотивъ подъ себя больныя ноги такъ, чтобы на нихъ не наткнулся кто-нибудь изъ выпившихъ, сумрачно бубнилъ что-то про болѣзнь, брошенную работу, про чугунку.

У волостного играли въ стуколку, большія окна его двухъэтажнаго дома уже свѣтились краснымъ огнемъ, и проходившая мимо толпа заглядывала въ нихъ. Ловили смѣшанный гулъ голосовъ, смѣхъ и звонъ посуды, несшійся изъ открытаго окна—и шли дальше.

То тамъ, то здѣсь ревѣла гармонь, парни проходили, и она тухла въ общемъ гулѣ, а на смѣну ей выдвигалась другая и опять рѣзала слухъ рѣзкими, опредѣленными переливами несложнаго мотива. И нельзя было подумать, что теперь голодная весна, когда многимъ нечего ѣсть, и работа ждала, какъ нельзя было угадать, въ чемъ было веселье и прелесть

гулянья, гдѣ съ безстыдной частушкой мѣшалась пьяная брань, захмѣлѣвшій парень шелъ противъ теченія толпы, задѣвалъ дѣвушекъ, толкался, ругался.

Темное существованіе хмурыхъ избъ съ тяжелой работой, тоской нужды, обидой безхлѣбья—выбросило тупое, невеселое веселье, надъ которымъ густой и душной тучей повисъ дурманъ водки, безшабашнаго разгула и озорства.

То тамъ, то здѣсь собирались кучками парни, звенѣли деньгами и ругались, кто-нибудь бѣжалъ на задворки и приносилъ водки. Казенная лавка была заперта, но шибко торговали закупленнымъ ранѣе виномъ оборотливыя старушки, и хмѣль катился широкой разгульной волной, толкался и плакалъ, затѣвалъ драки, перъ на проломъ съ тупымъ безсмысленнымъ лицомъ, качался, падалъ и гремѣлъ на все село бранными словами.

Иванъ Павловъ, Василій Липатовъ и Мишка Вармія купили въ складчину три бутылки и спрятали ихъ въ банѣ у продавшей вино старушки, и во все время гулянья заходили въ баню, пили и опять шли гулять. Весело было не то, что они пили теплую, согрѣвшуюся, противную на вкусъ водку, а то, что это было необычайно, непохоже на ихъ повседневную жизнь ни въ деревнѣ, ни на постройкѣ, и то, что подъ вліяніемъ водки все представлялось не такимъ, какъ всегда, а особеннымъ.

Василій пилъ рѣдко и мало и, непривычный къ хмѣлю, пьянѣлъ быстро, но крѣпился. Иванъ Павловъ пилъ весело, смѣясь и подтрунивая не то надъ собой, не то надъ компаніей, подмигивалъ своимъ единственнымъ глазомъ, щурился и шевелилъ бородой. Отъ неподвижнаго глаза, мертво и тускло свѣтившагося на подвижномъ лицѣ, трезвый среди пьяныхъ, онъ казался не такимъ, какимъ его знали—веселымъ и забавнымъ, а тайнымъ, неизвѣстнымъ, какъ глубина темнаго пруда съ гладкой стеклянной поверхностью.

Никто не зналъ, былъ ли Иванъ Павловъ женатъ, есть ли у него семья и, если есть, то гдѣ и какая она—нуждалась она или нѣтъ—и самъ Иванъ Павловъ никогда не говорилъ объ этомъ, а на вопросы отвѣчалъ какой-нибудь шуткой, смѣшкомъ, неприличнымъ присловьемъ. По годамъ ему давно бы надо быть мужикомъ, а потому, что онъ не любилъ мужиковъ, а держался съ парнями—нельзя было подумать, что онъ женатый хозяинъ, мужикъ.

Мишка былъ уже совсѣмъ пьянъ. Лѣзъ цѣловаться и ругался неизвѣстно по какой причинѣ, плакалъ и билъ себя

кулакомъ въ грудь и кричалъ синлымъ, срывающимся голосомъ:

— Братцы—во люблю!.. То есть—во какъ, страсть!..

Махалъ рукой и умолкалъ, пока всѣ не выходили опять на улицу глядѣть на гулянье. Тогда шелъ, невѣрно переступая слабыми, подгибавшимися ногами, цѣпляясь плечами и нелѣпо взмахивая ненужными ему, зря болтавшимися руками.

Василій глядѣлъ на нихъ, слушалъ, что они говорили и кричали, глядѣлъ на толпу—передъ глазами мелькали картузы, платки, красныя лица, глаза, носы, руки—все это колыхалось, то приближаясь, то снова удаляясь, и опять ползло мимо пестрой, утомительной полосой.

Звонко скрипѣла гармоника, и звуки слышались не связанными въ одну нить, а были отдѣльные другъ отъ друга, прыгающіе и крикливые, нелѣпые по своей разрозненности.

Василій прислушивался ко всему, что было кругомъ, ловилъ отдѣльныя лица, слова, звуки и хотѣлъ о чемъ то догадаться и вспомнить, что—казалось ему—онъ внезапно и странно забылъ.

Когда стало темнѣть—въ толпѣ появились цыгане—красивые, щеголеватые и сдержанные. Они ходили плотной кучкой степенно и важно, съ любопытствомъ оглядывались и смѣялись чему-то. Женщины шли въ рядъ впереди, и между ними съ неуловимой величавостью шла цыганка въ синей шубкѣ, и такъ же, какъ тогда въ таборѣ, куталась въ мѣховую опушку и смотрѣла въ землю, гордо опустивъ коричневыя вѣки, съ длинными, загибавшимися вверхъ рѣсницами. Мужчины шли сзади, переговаривались и смѣялись, скаля яркіе, бѣлые зубы.

Темнѣло быстро, и темнота надвигалась больше оттого, что съ востока набѣжали тучки и закрыли небо мутными, сѣрыми пятнами.

Запахло сыростью, и все стало сѣрымъ и тусклымъ, какъ осенью, а оттого, что въ окнахъ засвѣтились огни—на улицѣ стало какъ будто холоднѣе.

Толпа рѣдѣла, стали расходиться и оставались только загулявшіе, да тѣ, кому некуда было идти въ гости и некого принимать у себя. И задернутый сумракомъ разгулъ сталъ сильнѣй и откровеннѣй. Орали пѣсни, мелькали обнявшіяся пары и пили уже не за угломъ гдѣ-нибудь, во дворахъ и укромныхъ мѣстечкахъ, а открыто на улицѣ—не стыдясь, а хвастаясь.

У церкви вспыхнула драка — толпа, толкаясь и давя другъ друга, ринулась туда, но дерущихся розняли, и они только звонко ругались на все село.

— Будете вы къ намъ на праздничную ходить! гремѣлъ чей-то сиплый голосъ, — черти безпартошные, ужо ребра пересчитаемъ!..

— Это здѣшніе парни Струковскимъ грозятся, за что тѣ дѣвокъ ихнихъ трогаютъ,—разсказывалъ Иванъ Павловъ,— тѣ сулились полведра выставить, да такъ и отъѣхали!.. Будетъ ужо сегодня драка!

Толпа хлынула назадъ, увлекла ихъ и столкнула съ цыганами. Цыганка въ синей шубѣ скользнула по Василію чернымъ блескомъ огромныхъ глазъ и засмѣялась.—Она сказала что-то, идущія рядомъ тоже засмѣялись и посмотрѣли на рабочихъ, а Василій остановился и съ смутнымъ изумленіемъ прислушивался къ странному ощущенію тайнаго толчка, которымъ отозвался въ немъ взглядъ дѣвушки.

— Пай...демъ! Тащилъ его Мишка,—чего—пай...демъ!..

— Куда тѣ?—смѣялся Иванъ Павловъ, — ай опять приложиться?..

Они пошли по улицѣ, взявшись подъ руки, толкаясь и смѣясь, пьяные и веселые и отъ водки и отъ непривычной ночи, когда вмѣсто того, чтобы спать, люди ходили, пѣли и толкались.

Облака пробѣжали, и мѣсяцъ выглянулъ, чистый и бѣлый, выкупавшійся въ ихъ влажной дымкѣ—и улица измѣнилась, стала интересной и новой. Это было необычайно и не давало стоять на мѣстѣ, заставляло чего-то искать и ждать. Не было какъ будто вчера, такъ же какъ не думалось, что будетъ завтра — была смутная, веселая и странная, какъ сонъ, ночь.

— Пойдемъ! тащилъ Василій и лѣзъ въ толпу, заглядывалъ встрѣчнымъ въ лицо и опять шелъ. И встрѣчные были какіе-то особенные люди, совсѣмъ не похожіе на тѣхъ, что гуляли здѣсь полчаса тому назадъ.

Порой мелькали какія-то широкія фигуры — и только вглядѣвшись можно было различить обнявшихся парня съ дѣвушкой, и понятно было, что они не видятъ и забыли, что они не одни. Острой сверкающей искоркой вспыхивалъ задорный женскій смѣхъ и гасъ, заглушенный, а въ сумракѣ все еще чудилось, что смѣется кто-то — веселый и хитрый, знающій что-то,—что неизбѣжно—и ждетъ этого.

Новое чуткое вѣяніе плыло въ толпѣ, катившейся рас-

плескивающейся волной, нахло землей и свѣжестью ночи, а отъ сумрака было свободно и не стыдно, какъ будто не было толпы, а были отдѣльные люди.

Цыгане перешли черезъ мостъ, а когда къ нему подошли Василій и другіе — изъ кучки людей, стоявшихъ у моста, выдвинулась черная фигура и вплотную подошла къ Ивану Павлову.

— Ага, вотъ они! глухо проговорила она и наклонилась, заглядывая въ лицо, — не, то не тѣ, это рабочіе съ чугунки!..

И отошла назадъ къ кучкѣ, неподвижно и выжидательно стоявшей у перилъ.

— Пойдемъ назадъ, уходи покуда что,—потащилъ Иванъ Павловъ,—ну ихъ, грѣхъ съ имъ...

— Ай драка будетъ?

— Видишь ждутъ! Это здѣшній парень, я знаю его, Струковскихъ ждутъ!.. Бу-у-удетъ дѣло! — протянулъ онъ, и по голосу слышно было, что онъ усмѣхнулся, какъ будто ему было забавно, что будетъ драка.

— Драка? Съ... съ кѣмъ драка, йя ихъ... — забормоталъ пьяный Мишка,—йя могу...

Онъ рванулся было заплетающимися ногами въ сторону, но Иванъ Павловъ ухватилъ его, а въ это время Василій былъ уже на половинѣ моста.

— Василій, Васька, куда ты?—крикнулъ Иванъ Павловъ, удерживая вырывавшагося и бормотавшаго что-то Мишку,—куда тѣ понесло?

Василій махнулъ рукой и побѣжалъ.

— Ну, и иди, коли хошь—пойдемъ, Мишъ, выпьемъ, — проговорилъ Иванъ Павловъ и потащилъ Мишку назадъ въ село,—пошелъ, и пошелъ, плакать не станемъ!..

Цыганъ Василій не догналъ, потому что, пробѣжавъ,— какъ-то сразу охмѣлѣлъ, нѣсколько разъ падалъ, вставалъ и снова падалъ. Къ лѣсной опушкѣ онъ подошелъ не со стороны дороги, а какимъ-то новымъ путемъ — шелъ сначала озимью, потомъ лугомъ, потомъ вышелъ на лужайку.

Лужайка курилась призрачнымъ луннымъ свѣтомъ, и кусты на ней стояли серебряными отъ него, а неподвижно вытянувшаяся высокая трава сверкала блестками росы. Ползалъ легкій туманъ, свивался и таялъ, а кое-гдѣ сгущался—и тогда похоже было, что лужайка—не лужайка, а небольшой и глубокій прудъ, неподвижно застывшій въ

смутномъ сумракѣ, и надъ нимъ поднялся и внимательно глядится въ него бѣлый туманъ.

Василій прошелъ лужайку, прошелъ окружающіе ее кусты, и когда вѣтви касались его—рубаха въ томъ мѣстѣ дѣлалась мокрой, и острый холодокъ щекоталъ тѣло.

Попалась вторая лужайка, и такъ же, какъ на первой, призрачно и неподвижно стояли на ней серебряные кусты, колебался туманъ, и вся она была похожа на глубокій, спящій прудъ.

Въ недалекомъ таборѣ, какъ вчера, заиграли что-то на скрипкѣ—но звуки доносились далекими и слабыми и странно связывались съ свѣтомъ мѣсяца.

Василій не зналъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ и шелъ наугадъ, но когда увидѣлъ фигуру въ синей шубкѣ, неподвижно стоявшую въ тѣни большого ольховаго куста,—онъ вздрогнулъ отъ удивленія, и ему показалось, что онъ зналъ, гдѣ найти ее, и шелъ сюда, какъ на условленное мѣсто. Онъ не могъ бы сказать, зачѣмъ ему нужна была эта цыганка, но когда увидѣлъ ее—внутренній толчокъ сказалъ ему, что это хорошо, и что все послѣдующее будетъ такъ, какъ надо.

Цыганка чуть покосилась на него, когда онъ подошелъ, и продолжала смотрѣть сквозь тонко-чеканящіяся вѣточки и широкія, плотныя листья на мѣсяцъ. Было занятно, что отъ этого мѣсяцъ казался расчерченнымъ на неправильные треугольники и полукруги и видѣнъ былъ только онъ одинъ, а все кругомъ было темно и безжизненно. Она смотрѣла не шевелясь, и отъ этого темныя синеватыя тѣни неподвижно лежали на бѣломъ лицѣ.

Василій подошелъ ближе и молча сталъ разглядывать ее. Она тоже долго молчала, а потомъ опять чуть-чуть покосилась и спросила:

— Зачѣмъ пришелъ, мужикъ?

И голосъ у нея былъ грудной, низкій, какъ будто она не говорила, а выдыхала каждое слово.

Василій качнулся, переступилъ съ ноги на ногу и не сразу отвѣтилъ.

— Такъ... увидѣлъ тебя и подошелъ. Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— А тебѣ зачѣмъ, мужикъ? Ну, Груня!..

— Аграфена, значитъ?

— Ну, пускай Аграфена.

Она опять покосилась огромнымъ глазомъ, такимъ чер-

нымъ и большимъ, что, казалось, онъ былъ не круглый, лежащій въ впадинѣ черепа подъ густой бровью, а, какъ черный колодезь, велъ въ какую-то бездонную глубину. Вдругъ этотъ глазъ дрогнулъ и измѣнился—и даже не онъ, а темныя вѣки, изъ которыхъ смотрѣлъ онъ — дрогнули рѣсницы и сузились, а онъ ушелъ вглубь и смотрѣлъ оттуда большой и лукавый, словно притаился и ждалъ чего-то.

И тутъ Василій замѣтилъ, что дѣвушка заливается мелкимъ, едва сдерживаемымъ смѣхомъ, отъ котораго дрожали, не въ силахъ выдержать серьезную гримаску, губы, и все молодое тѣло дрожитъ этимъ судорожнымъ смѣхомъ.

Василій всмотрѣлся—и тогда то, что незримо и глубоко было въ немъ съ перваго дня его существованія, какъ необходимость пищи и неизбѣжность смерти — встало и заструилось по тѣлу темнымъ и сладкимъ желаніемъ. Затуманился мозгъ, и обострилось чувство, и вдругъ стало такъ, будто онъ сразу и безповоротно забылъ все, что мѣшало ему непосредственно ощущать жизнь: и землю, и урожаи, и жену, и деревню, и тысячи вещей, изъ которыхъ складывалась его трудная мужицкая жизнь, въ которую онъ вошелъ обремененный ими еще до рожденія своего.

Еще до рожденія его, родившіе возлагали на него надежды и упованія и въ исполненіи долга, обязанностей видѣли цѣль жизни человѣка—и все это онъ теперь забылъ, и сразу, опредѣленно и чутко ночуялъ свѣжій запахъ обросѣвшей травы, вянущихъ гдѣ-то листьевъ, услышалъ и близкій шорохъ куста и неуловимый шумъ далекой человѣческой жизни, не чувствовалъ вѣчнаго движенія времени, а чувствовалъ моментъ, и изъ сверкающей череды этихъ моментовъ складывалось что-то полное, огромное, всеобъемлющее...

Василій сжался, чуть-чуть пригнулся и втянулъ голову въ плечи. Отъ этого онъ сталъ какъ будто меньше, движенія сдѣлались точными и законченными, осторожными и быстрыми, хотя не торопливыми.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и смотрѣлъ въ лицо цыганки блестящимъ, острымъ взглядомъ сузившихся зрачковъ и не думая—нужно ли это и то ли онъ дѣлаетъ, что нужно—одной рукой взялъ ея руку выше кисти, а другой крѣпко и властно обнялъ по поясу.

— Ты что, мужикъ, что ты?—бормотала она сквозь

смѣхъ, прямо глядя на него темными бездонными глазами и не двигаясь,—ты что задумалъ, мужикъ?

И отъ ея безстыднаго прямого взгляда или отъ теплоты тонкой руки и живой упругости тѣла Василій сразу, чуть подпрыгнувъ, сверху навалился на нее, и оба они на моментъ закачались въ смутной, неуловимой борьбѣ, потомъ грузно упали въ высокую прямую траву.

На Василія вдругъ жарко и одуряюще пахнуло таинственнымъ и чуждымъ запахомъ женскаго тѣла, и онъ крѣпче прижалъ рукою его къ своему—большому и требовательному, какъ голодный звѣрь.

Цыганка уже не смѣялась, а молча и злобно боролась съ нимъ, сжавъ зубы и дыша тяжело и быстро.

— Дуррракъ, мужикъ!—хрипло бросила она ему и сильно ударила маленькимъ крѣпкимъ кулакомъ по головѣ,—дуррракъ, мужикъ!..

Отъ удара онъ качнулся назадъ, а въ глазахъ поплыла окрашенная въ красное тьма и, стараясь смигнуть ее, онъ замеръ.

Цыганка выскользнула изъ-подъ него, но онъ не видѣлъ этого, а догадался только потому, что въ его существо, словно въ отпахнувшійся внезапно какой-то клапанъ, рванулись—и, прыгая и мелькая яркими искрами въ черной тьмѣ, завертѣлись мысли, слова, соображенія. И не было уже пустоты, въ которой среди запаховъ травы и вялой листвы, тайныхъ шороховъ непонятной жизни жило большое могучее тѣло, все чуявшее, позабывшее, какъ темный звѣрь—хитрый и мудрый, дикій и чуткій.

Неясная, постоянная, на моментъ исчезнувшая и вновь родившаяся мысль плыла откуда-то со стороны и была она привычная, скучная и справедливая, какъ вѣковая заповѣдь. Появленіе ея вспугнуло все, что шло изнутри его—единственнаго на огромной землѣ—и снова наложило на него все, въ чемъ путался онъ со дня рожденія и долженъ былъ путаться до дня смерти.

А цыганка уходила и мелькала въ сѣдомъ сумракѣ подымавшагося съ земли пара колеблющимся силуэтомъ, и казалось, что шелъ не живой человѣкъ, а сгустившееся пятно ночного сумрака маячило и колыхалось между сѣдыми кустами.

И вдругъ, нарушая насторожившуюся тишину, звонко брякнулъ и покатился звенящими серебряными кругами, какъ упавшій на каменный полъ, большой блестящій рубль—

дерзкій и задорно-насмѣшливый смѣхъ... Потомъ зажачался, какъ останавливающаяся монета, и упалъ, звякнувъ въ послѣдній разъ, а кругомъ все еще что-то дрожало и звенѣло, и росистая, серебряная тишина вздрагивала чуткимъ, замирающимъ откликомъ...

* * *

Когда и какъ попалъ Василій опять въ село — онъ не помнилъ. Мѣсяцъ поднялся уже высоко, и ночь плыла торжественная и равнодушная въ безмятежной синевѣ неба надъ темной землей.

Хмѣль тупо и сильно ударилъ въ голову Василію, и все передъ глазами кружилось, то появляясь изъ черной пустоты, то снова уходя въ нее, и отъ этой смѣны сознанія полной темнотой подымалась противная, тошная волна.

Опять ходили по деревнѣ, пили оставшуюся водку, и Иванъ Павловъ приставалъ, разспрашивая, куда бѣгалъ Василій, а онъ отмахивался и лепеталъ что-то несуразное про цыганку, про росистую лужайку и ольховый кустъ.

Драка назрѣвала въ воздухѣ, и это видно было по темнымъ, плотно держащимся кучкамъ, и потому, что черезъ мостъ никто не могъ пройти безъ осмотра стоявшей въ началѣ его толпы.

Иванъ Павловъ хотѣлъ увести пріятелей домой на постройку, но они упирались и не шли, да и жалко было уйти: вино еще не было допито, а взять съ собой его было нельзя, потому что старуха требовала деньги за посуду.

Между плотными кучками парней, бродившихъ по улицѣ, опять появились цыгане—словно они и не уходили, а прятались гдѣ-то и теперь вышли. Но теперь были только мужчины—ходили они въ разбродъ, по одиночкѣ, больше въ тѣни и, случайно оглядываясь, Иванъ Павловъ всегда видѣлъ сзади кого-нибудь изъ нихъ: то того, что плясалъ тогда въ таборѣ, то молодого кузнеца, весело и звонко бившаго тяжелымъ молотомъ, то другого кузнеца, чернаго и широкоплечаго. Они ходили молчаливые и какъ будто не обращали вниманія на рабочихъ, но въ низко надвинутыхъ картузахъ, закрывавшихъ козырьками лица такъ, что видны были только бороды и губы, въ плотно застегнутыхъ поддевкахъ и въ самихъ осторожныхъ и выжидательныхъ фигурахъ ихъ—ему чудилось что-то недоброе.

— Ой не ладно!—бормоталъ онъ,—Липатъ Матвѣичъ,—

остановилъ онъ старика Липатова, вмѣстѣ съ Ефимовымъ и Стригуновымъ пробиравшагося домой,—гляди не ладно что-то...

Липатъ качнулся и налегъ на него плечемъ, дыша запахомъ перегорѣлой водки и мелькая пьяной добродушной улыбкой.

— Другъ, Иванъ Павловъ!—заговорилъ онъ,—выпивши я... То-есть вотъ выпивши—а грѣха чтобы—ни-ни... Что неладно-то, другъ сердешный?

— Гляди не было бъ чего...

— И-и-и, брось! Выпили—это точно, а чтобы что такое—ни-ни!..

Драка вспыхнула внезапно—между струковскими парнями и ждавшими ихъ у моста сельскими. Но когда толпа кинулась туда и затопила собой дерущіяся и ругающіяся кучки считавшихся между собою по своимъ дѣламъ парней—въ воздухѣ, какъ будто понятный и условленный раньше сигналъ, повисъ рѣзкій свистъ, и около Василія сразу замелькали черныя, пригибающіяся фигуры цыганъ.

Василій пріостановился, и растерянное, сжавшееся чувство скользнуло въ душѣ, онъ хотѣлъ что-то вспомнить и крикнуть—но въ то же самое мгновенье тупой и твердый ударъ сзади по темени встряхнулъ прятавшуюся гдѣ-то въ головѣ багровую темноту, и она поплыла къ глазамъ, туманя быстрыя мелькающія фигуры, крики злобныхъ голосовъ и топотъ бѣгущихъ по мосту ногъ. Все колыхнулось и пошло вверхъ и въ бокъ широкимъ медленнымъ кругомъ.

— Братцы!—безпомощно вскрикнулъ Василій, но его опять ударили чѣмъ-то сухимъ и твердымъ, какъ дерево, и онъ уже падалъ—размѣренно и неторопливо, словно выбирая удобную позу, чтобы лечь на пахнущей взбитой пылью землѣ.

Кто-то черный и огромный, сверкая изъ-подъ козырька тусклыми бѣлками глазъ, размахнулся и ударилъ еще разъ и бормоталъ зло и хрипло:

— Будешь, чертовъ кумъ, таборскихъ дѣвушекъ обижать, хамово племя!

А у моста шла драка, взлетали брань и крики, лязгали удары, и отъ дома старшины бѣжалъ народъ, и между ними урядникъ свистѣлъ пронзительно въ дребезжащій свистокъ.

И вдругъ страшный пугающій крикъ взлетѣлъ надъ толпою, и отъ него всѣ сразу всполошились, толпа раздѣ-

лилась, и, какъ ручейки пролитой воды, въ разныя стороны побѣжали люди.

— Убили! Уби-и-или!—оралъ кто-то, и толпа таяла, расчищая широкій кругъ, а на немъ осталось черное, неподвижное тѣло.

Иванъ Павловъ натолкнулся въ дракѣ на Василія и отбилъ его отъ цыганъ, подхватилъ подъ мышки и оттащилъ къ сторонѣ. И когда драка потухла и уже около неподвижно лежавшаго струковскаго парня собрались урядникъ, старшина и народъ—Василій опомнился и всталъ.

— Цыгане! Чертово племя—цыгане все,—кричалъ кто-то около лежавшаго парня, и Василій, шатаясь, потащился туда.

— Самъ видалъ: какъ онъ его трахнетъ!

— Все не было, а тутъ на тѣ—какъ драка, такъ откуда ни взялись!

— Конокрады чертовы!

— У-у-у дьяволы черные!

Мишка ругался и кричалъ что-то про цыганъ, и Иванъ Павловъ тщетно пытался оттянуть его.

— Ия имъ, сукинымъ сынамъ!..—оралъ онъ пьянымъ голосомъ, нелѣпо взмахивая не слушавшимися руками.

— Бей цыганъ!

— Вали ихъ съ ихними балаганами!

— ...песъ ихъ, иродово племя!...

Возбужденная, пьяная толпа хлынула черезъ мостъ и побѣжала къ лѣсу, тѣ, что бѣгали по селу искали цыганъ, а они исчезли, словно провалились сквозь землю, и это было такъ же чудно и непонятно, какъ общій взрывъ пьяной злобы противъ нихъ.

Бѣжало много народу, и среди другихъ бѣжалъ и Василій, и ему казалось, что весь темный гнѣвъ его жизни поднялся слѣпымъ бунтомъ противъ избившихъ его веселыхъ, праздничныхъ цыганъ. Онъ бѣжалъ за другими, но, сильно пьяный, спотыкался, едва удерживался на ногахъ и отсталъ, а толпа покатилась впередъ безтолковая, пьяная и возбужденная, готовая безцѣльно и ненужно разгромить все, что бы ни попалось ей на пути.

Бѣжали не дорогой, а прямикомъ черезъ ржаное поле—топча влажную зеленую озимь, цѣпляясь за мелкія борозды, взрывая сырую, обросѣвшую землю. Въ какой-то канавкѣ Василій окончательно запнулся болтающимися ногами, подпрыгнулъ и съ размаху грохнулся внизъ. Онъ хо-

тѣлъ было встать — и слышалъ, какъ пробѣжали мимо Мишка и за нимъ Иванъ Павловъ, крикнулъ, но они не слышали и, шурша сапогами, изчезли. И слышалъ еще онъ, какъ, торопливо и невѣрно ковыляя израненными ногами, протрусилъ бубнившій что-то Стригуновъ. Онъ тоже бѣжалъ громить цыганъ, мстя за свой вѣчный трудъ, угрюмую тоску и болѣзнь—здоровымъ, жизнерадостнымъ и свободнымъ отъ всего этого людямъ.

Василій и ему крикнулъ, — или ему показалось только, что крикнулъ, — но и онъ не остановился, а переползъ черезъ канаву и поковылялъ дальше.

И тогда стало тихо, только въ селѣ еще верещалъ— одиноко и безпомощно—рѣзкій свистокъ урядника.

Выпитая водка стукнула въ голову качающимся туманомъ, заволокла мозгъ, и Василій не зналъ—теряетъ ли онъ сознаніе илу просто засыпаетъ...

V.

Ночь уже раздѣлилась на небо и землю, и тьма осѣла, вбираясь въ черныя пашни, и только лѣсъ еще не сдавался и держалъ ночь въ глубинѣ своей.

Жидкимъ розовымъ золотомъ проглянула далекая заря, мертвый мѣсяцъ неподвижно висѣлъ въ небѣ, и былъ онъ бѣлый, блестящій и не яркій, не свѣтившій, а только свѣтящійся.

Василій проснулся отъ утренняго холода и сидѣлъ на краю канавы, глядя передъ собою тупымъ, безсмысленнымъ взглядомъ. Все въ немъ потухло, и длинная тягучая жизнь шла темными мыслями, знакомыми ощущеніями, старыми воспоминаніями. Было холодно и знобко, а отъ похмѣлья внутри что, то дрожало противной холодной дрожью, и горькая густая муть наплывала къ горлу и тошнила.

Казавшаяся огромной и пустой голова безсильно качалась на слабой шеѣ, а мозгъ, маленькій и тяжелый, сжался въ комочекъ, и каждая мысль причиняла боль, такъ что глаза рѣзало, и теплая слеза катилась изъ нихъ.

Пить хотѣлось, и твердая сухость рта была такъ нестерпима, что Василій тутъ же наклонился и большими громкими глотками напился изъ оставшейся отъ недавняго дождя лужи.

Потомъ всталъ и пошелъ пустой черной пашней, гдѣ

изгибавшіяся рядами жирныя глыбы земли лежали неподвижно и выжидательно, тая въ себѣ будущую жизнь злаковъ.

Направо зеленѣли озими—и черной уродливой полосой протянулись по ней слѣды чьихъ-то ногъ, и было жаль смотрѣть на взрытые, погибшіе ростки.

Еще спало все, и чуткая предутренняя тишина застыла надъ землей, скованной ночнымъ холодомъ, беззвученъ былъ задернутый сумракомъ лѣсъ, и мертво блестѣлъ одинокій мѣсяцъ, остановившійся въ безмѣрномъ пространствѣ.

Пологимъ скатомъ спускалась пашня, дошла до лѣса и кончилась неглубокой балочкой, а за ней пошла уже опушка лѣса, съ неподвижными кустами и круглыми, поросшими вытянувшейся кверху травой, полянками.

Была одна полянка, а потомъ другая, и обѣ онѣ похожи были въ предразсвѣтномъ сумракѣ на темные пруды, въ глубинѣ которыхъ затаилась невѣдомая жизнь.

А дальше былъ бугоръ, и подымался онъ некрутымъ изволокомъ, и березы на немъ стояли озябшія и неживыя отъ низко опущенныхъ мокрыхъ вѣтокъ.

Василій шелъ и смотрѣлъ, и ему казалось, что онъ видитъ знакомый, часто ему снившійся сонъ.

Призрачно и неподвижно стояли кусты, и полянки были похожи на пруды, и блѣдный мѣсяцъ стоитъ въ небѣ — и все это не выпукло и ярко, а плоско и смутно, какъ во снѣ. . И знакомо было...

На бугрѣ было чуть посвѣтлѣе, потому что лѣсъ не заслонялъ зари, а она уже ясно намѣтилась красной полосой, и видны были выжженные круги — слѣды трехъ костровъ. Валялись какія-то яркія бумажки, синяя тряпка, осколки разбитой бутылки, и все это слабо намѣчалось въ измятой травѣ, какъ будто тоже было покрыто сѣрымъ безжизненнымъ пепломъ, какъ черныя угли костровъ.

Недавно здѣсь жило что-то, трепеталъ воздухъ отъ звуковъ, сверкали веселые язычки пламени и синій дымъ курился межъ деревьями и кустами, а теперь все молчало въ неподвижной тишинѣ — жившее ушло и навсегда забыло о грустныхъ березахъ и прогорѣвшихъ кострахъ...

Шелъ новый день, а прежній навсегда исчезъ, исчезнетъ и этотъ и пройдетъ лѣто... Потомъ наступитъ зима— и все будетъ то же и все измѣнится. Покрытыя хлопьями снѣга, голыя и замерзшія, будутъ стоять среди мертвой

бѣлизны одинокія березы и ждать лѣта. И будетъ холодно и страшно въ долгія ночи—вылѣзутъ изъ темныхъ дебрей волки, скользнутъ смутной вереницей — тощіе, облѣзлые, голодные... И, сѣвъ въ кружокъ, подымутъ острыя, жадныя морды и завоютъ тоскливо и страшно...

А потомъ опять придетъ весна и лѣто — и пахучія, влажныя зори и дни, полные золота, тепла и творческой жизни.

Василій стоялъ среди полянки, но ноги дрожали и слабли, какъ будто онъ прошелъ много верстъ, и онъ сѣлъ прямо на землю среди обрывковъ бумажекъ, тряпокъ и битыхъ бутылокъ. Былъ праздникъ и прошелъ, сегодня работа, болото... И такъ знакомой чередой потянутся дни, пока не придетъ осень и не кончится постройка. Побѣгутъ по насыпи веселые быстрые поѣзда, пронзительно крикнетъ паровозъ и суетливо, съ торопливымъ усердіемъ, застучатъ тяжелыя желѣзныя колеса. Будетъ дрожать насыпь, и застонутъ металлическимъ звономъ рельсы, и оживетъ болото,—а онъ въ это время будетъ сидѣть въ темной душной избѣ и ждать, пока придетъ новая весна...

Жизнь съ вѣчнымъ доживаніемъ дня, для того, чтобы въ слѣдующемъ ожидать, пока придетъ новый—встала передъ нимъ глухой скорбью... Родился, работалъ, ждалъ счастья, а приходилъ голодъ, ходилъ на заработки, копался въ болотѣ, пьянствовалъ.

Такъ несъ свое бремя жизни, тягучее и странное, неизвѣстно кѣмъ и за что на него наложенное. И порой останавливался, чтобы оглянуться — и тогда видѣлъ, что въ прозрачное и туманное ничто прошлаго ушло много годовъ, похожихъ на тяжкій подвигъ служенія невѣдомому, таинственному богу.

Вчерашній день и прошлый годъ выступали ясно и близко, а дальше, прячась за ними свѣтлымъ и неяснымъ пятномъ, скованнымъ изъ солнца, смѣха и радости, выступала ранняя молодость. И за нею, какъ свѣтлый кристалъ на днѣ темной рѣки, пронизывая своимъ отблескомъ зеленыя струи, лежало дѣтство.

И только въ немъ не было мысли о завтрашнемъ днѣ и будущемъ урожаѣ, а надъ всей остальною жизнью проглянулась безконечная мысль, которая заслоняла собой сегодняшній день и гасила радость.

Не было жизни, потому что жили «пока»—до новаго хлѣба и новаго сѣва и думали: вотъ пока мы живемъ и

работаемъ, а придетъ зима—отдохнемъ, а зимою думали: вотъ пока голодаемъ, а придетъ лѣто—сыты будемъ!...

И всегда случалось такъ, что если было одно, то не хватало другого, а когда являлось это, то исчезало первое.

И такъ незамѣтно, совершая таинственный кругъ, люди двигались къ тому, что было сзади ихъ—такому же ничто въ будущемъ, послѣ смерти, какое было въ прошломъ до ихъ рожденія...

Чуть-чуть посвѣтлѣло, и изъ глубины лѣса принесся странный звукъ. И это показало, что тамъ проснулась уже непонятная человѣку своя жизнь.

Коротко и покуда осторожно щелкнулъ кто-то тамъ, потомъ подождалъ, щелкнулъ во второй разъ и звонко чуфыкнулъ.

— Глухарь! подумалъ Василій и прислушался.

А глухарь уже осмѣлился и вдругъ горячо и торопливо заболталъ что-то, отчего испуганно вздрогнулъ застоявшійся воздухъ.

Пѣлъ онъ гдѣ-то далеко—вѣроятно въ какой-нибудь темной болотной гущерѣ,—куда не добраться человѣку, и пѣсня долетала на опушку блѣднымъ и неяснымъ откликомъ, и это было похоже на старую сказку, полузабытую, подернутою дымкой многихъ лѣтъ.

Глухарь пѣлъ—и страннымъ, болмочущимъ языкомъ страстно хотѣлъ разсказать что-то, что онъ зналъ и хорошо помнилъ, а лѣсъ молчаливо слушалъ, и слушалъ одинокій человѣкъ. Былъ онъ на огромной землѣ, какъ песчинка, ничтожная мгновеннымъ существованіемъ своимъ, великій скорьбью, такой безмѣрной, что—казалось, она могла заполнить весь міръ.

Сидѣлъ и слушалъ смутный отголосокъ древней пѣсни, и ему чудилось, что онъ слышалъ когда, то эту пѣснь, но гдѣ и когда—забылъ...

АЛЕКСАНДРЪ КОЙРАНСКІЙ

ХОЛОДЪ

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

На rue des Urselines заиграла шарманка. Она заиграла совершенно внезапно. Женщина, грязная, закутанная въ лохмотья, везла на маленькой телѣжкѣ черную шарманку и остановилась съ ней противъ дома № 8. Было холодно и темно отъ холоднаго, пропитаннаго дымомъ тумана. Улица была пуста.

Женщина поглядѣла на верхніе этажи и стала вертѣть ручку шарманки. Тогда-то, внезапно, подпрыгивая по неровной мостовой, дребезжа, покатились обломки «матчишъ».

Маленькая дѣвочка тоже закинула голову вверхъ и невпопадъ запѣла циничныя слова. Она не слышала того, что играла шарманка, не понимала того, что пѣла сама. Она старалась объ одномъ: кричать громче.

Было что-то странно-безцѣльное въ этихъ дѣтскихъ крикахъ и неровномъ, тряскомъ гудѣньи шарманки на пустой улицѣ, между двухъ рядовъ высокихъ, мрачныхъ домовъ.

Холодъ, темнота и туманъ угнетали въ эти дни городъ, загоняли всѣхъ внутрь домовъ, закрывали плотно окна и двери. Тротуары и мостовыя были пустынны, сухи и звонки.

Стуча деревянными башмаками по камню безлюдной улицы, бѣжитъ бѣлокурая дѣвочка съ жестянкой изъ-подъ керосина въ красной, озябшей рукѣ.

Въ дверь дома № 8 входитъ русскій въ широкополой

черной шляпѣ и плащѣ. Дѣвочка шарманщицы кричитъ, закинувъ голову, глядя въ черныя окна верхняго этажа:

«sous votre jupe blanche
jaillit la hanche»..

Тупое, безнадежное отчаяніе въ этомъ дѣтскомъ крикѣ.

Подымаясь по узкой деревянной лѣстницѣ, которая идетъ непрерывно до пятаго этажа, русскій дрожитъ отъ холодной сырости и напѣваетъ, стуча зубами:

Sous votre jupe blanche
Jaillit la hanche...

Лѣстница удивительно однообразная. На каждомъ этажѣ—площадка, переходящая, налѣво и направо, въ темный корридоръ. Площадки такъ похожи другъ на друга, что жильцы дома, возвращаясь ночью, часто ошибаются этажомъ и дверью.

Поднявшись на четвертый этажъ, русскій глядитъ въ окно, перерѣзанное по діагонали лѣстницей. Онъ глядитъ на черный крестъ оконной рамы и на трубы сосѣдняго дома. Да, такъ: красная жестяная труба приходится какъ разъ подъ перекладиной рамы; значитъ, вѣрно: четвертый этажъ.

Онъ идетъ направо по темному корридору и стучится въ дверь.

«Qui est la?»

«C'est moi».

«Entrez!».

Дѣвушка расположилась передъ маленькой желѣзной печкой. Она полулежитъ на соломенномъ коврикѣ, опираясь на одну руку и подкладывая маленькія кусочки дерева въ печку. Въ комнатѣ темно, пахнетъ дымомъ и холодно, какъ на улицѣ. Передъ самымъ окномъ подымается слѣпая стѣна и уходитъ вверхъ, и только въ верхнія стекла глядитъ незрячими бѣльмами холодный туманъ. У окна стоитъ столъ; на немъ книги, давно завядшіе цвѣты въ синей банкѣ и бутылка изъ-подъ молока.

Дѣвушка садится, неловко, отвернутой ладонью, запачканной углемъ, откидываетъ волосы со лба и усталыми, пристальными глазами глядитъ въ лицо вошедшему. Молчатъ.

«Холодно, Шогэ!» говоритъ дѣвушка.

Шогэ — это давнишнее прозвище вошедшаго. Оно изъ тѣхъ солнечныхъ временъ, когда всѣ «пингвины» ѣздили въ Стокгольмъ. Что значитъ это слово, никто не знаетъ. Старый шведъ повторилъ его нѣсколько разъ, хлопая Евтѣева по плечу. И съ тѣхъ поръ «пингвины» стали называть Евтѣева—Шогэ. У «пингвиновъ» всѣ имѣли прозвища.

Гдѣ они теперь, «пингвины»? Трое здѣсь въ Парижѣ... Лохматый Войлокъ гдѣ-то въ Нарымѣ, Волкъ Малый женился и отсталъ отъ компаніи, Газель тоже — мать семейства и пишетъ жалобныя письма, Волкъ Большой сталъ врачемъ и тщетно старается обзавестись практикой, переѣзжая съ Мѣщанской на Бронную и оттуда къ Тріумфальнымъ воротамъ.

Нѣтъ больше «пингвиновъ», жившихъ тѣсно и дружно, видавшихся каждый день въ маленькомъ, добромъ домикѣ на Поварской. Жизнь пришла въ ихъ хороводъ и разорвала цѣпь крѣпко державшихся рукъ и разметала звенья.

«Холодно, Шогэ!» говоритъ дѣвушка, и плечи ея дрожатъ.

«Да, холодно», говоритъ Шогэ, выдыхая густую струю пара. «Дай ка, Гага, я попытаюсь».

Онъ садится на полъ рядомъ съ Гагой и начинаетъ выгребать золу изъ маленькой печки. Долго и неловко возится. Труба отъ печки проведена въ закрытый каминъ, и тамъ, въ каминѣ, порой громко и жутко взвываетъ вѣтеръ.

Въ комнатѣ холодно, какъ на улицѣ, стынутъ руки, щеки и носъ. Отъ окна тянется холодъ и шевелитъ волосы на головѣ.

Гага ложится на низкую желѣзную кровать, и пружины звенятъ долго, какъ натянутыя струны. Сумерки. Синѣетъ за окномъ, въ комнатѣ стало темно. Шогэ въ плащѣ и шляпѣ неясно возится около свѣтлаго пятна, отверстія печки. Печка затопилась, но въ комнатѣ все еще холодно. Шогэ подымается и идетъ въ уголъ мыть руки. Пальцы болятъ и стынутъ отъ ледяной воды. Кожа на рукахъ отъ воды и угля стала жесткой и трескается.

Потомъ онъ идетъ къ постели. Гага лежитъ закрытая шубой и тихо дрожитъ.

Онъ закутываетъ ея ноги, садится рядомъ съ ней и гладитъ ея волосы. Потомъ беретъ ея холодную руку и прижимаетъ къ лицу. Сидитъ неподвижно. Молчатъ.

«Гага, гдѣ Мау?»

«Она пошла къ Сергѣю», говоритъ Гага. И потомъ,

оправдывающимъ тономъ: «У него такъ тепло. Каминъ топится день и ночь».

«Да, у него тепло», говоритъ Шогэ. Онъ опустился на колѣни передъ постелью и уткнулся лицомъ въ шубу. «Да, у него тепло», думаетъ онъ. «О, этотъ проклятый холодъ! На родинѣ теперь трещатъ морозы, и вѣтеръ, срываясь съ краевъ крышъ, бросаетъ въ лицо холодную, колкую снѣжную пыль. Но въ домахъ, за двойными рамами, тепло и уютно. Млѣетъ въ жарко натопленной комнатѣ мирный свѣтъ лампы подъ зеленымъ колпакомъ. Сидятъ вокругъ чайнаго стола, читаютъ газеты, которыя придутъ сюда только черезъ четыре дня. Отъ входящихъ крѣпко пахнетъ морозомъ, бодрящимъ, веселымъ морозомъ, въ ихъ волосахъ таетъ снѣгъ. Пусть злится вѣтеръ, въ домахъ тепло. Люди выгнали вѣтеръ за черту города, туда, гдѣ тянутся черные заборы пустырей. Тамъ онъ носится по полю, перелетаетъ черезъ рѣку, черезъ занесенное полотно желѣзной дороги и льнетъ къ заборамъ, наметая извилистые сугробы, и безъ конца гремитъ какимъ-то оторваннымъ желѣзнымъ листомъ.

А здѣсь... Улица, холодная, сырая, входитъ черезъ щели оконной рамы. Стѣны домовъ напитались холодомъ и сыростью. Маленькая печка, которую такъ трудно растопить, только наполняетъ комнату холоднымъ угаромъ, мысли зябнутъ и застываютъ въ головѣ, и нельзя работать. Ахъ, плохо, плохо!

Мау ушла къ Сергѣю. Да, у него, въ дорогомъ отелѣ тепло, день и ночь топится каминъ, и на полу мягкій и теплый коверъ. Хорошо сидѣть въ теплѣ...

Мау ушла. Днемъ она занята въ Сорбоннѣ и въ библіотекѣ. Днемъ у ней всегда болитъ голова, днемъ она всегда усталая и иззябшая. А по вечерамъ уходитъ къ Сергѣю и возращается поздно ночью.

Шогэ живетъ этажемъ выше и ночью выходитъ на площадку темной лѣстницы и, перегнувшись черезъ перила, слушаетъ. Стекло въ окнѣ на лѣстницѣ разбито, и у него мерзнутъ руки и ноги, и холодѣютъ щеки. Въ темномъ колодцѣ лѣстницы стучатъ иногда тяжелые шаги, вспыхиваютъ спички. На лѣстницу вылетаютъ обрывки разговора изъ мгновенно открытой двери и такъ же мгновенно захлопываются.

Домъ № 8—безпокойный, населенный русскими студентами и французскими проститутками. Всю ночь по лѣстницѣ ходятъ. Женскія фигуры уже знакомы; но мужскія

часто мѣняются. По ночамъ слышенъ далекій и близкій хохотъ и часто плачъ. Иногда за дверью длится долгій, монотонный разговоръ. Изъ глубины корридора доносятся русскія пѣсни. Безпокойный домъ. «Sale maison de passe». Поздно. Часы на Val de Grâce пробили двѣнадцать. Гага пригрѣлась подъ шубой и заснула. Шогэ тихо встаетъ, шатаясь отъ холодныхъ иглъ, дробящихся въ ногахъ. Нѣжно, осторожно цѣлуетъ лобъ уснувшей и выходитъ на цыпочкахъ, стараясь не стукнуть дверью.

Онъ подымается къ себѣ. Въ его нетопленной комнатѣ еще холоднѣй. Онъ ищетъ спички на каминѣ, а подъ ногами хрустятъ маленькіе осколки кокса. Зажигаетъ лампу на столѣ у окна. Лампа безъ колпака свѣтитъ мрачнымъ свѣтомъ, какъ фонарь, зажженный въ холодномъ сараѣ, и тускло отражается въ черномъ зеркалѣ окна. Кажется, что оттуда, изъ тьмы двора, заглядываетъ въ комнату еще такая же мрачная, недовольная ея пустотой и зябнущая лампа.

Что дѣлать? Въ этомъ холодѣ нельзя читать, да и нечего. Шогэ ходитъ по комнатѣ и прислушивается. Вотъ въ корридорѣ слышно шуршаніе юбокъ и стукъ шаговъ. Потомъ шаги и разговоръ слышны уже за тонкой стѣной слѣва. Тамъ долго возятся. Слышно: «Allons, mon vieux!» Tiens—Voyons—N'est ce pas?» Потомъ замолкаетъ.

Тишина. Внизу кто-то начинаетъ свистать громко и тоскливо.

Шогэ выходитъ въ корридоръ и идетъ на площадку. Сталъ и облокотился на перила. Глядитъ туда внизъ. Въ верхъ окна прямо противъ площадки глядитъ незрячее небо ночи. Тянетъ острымъ холодомъ въ разбитое стекло.

Часы на Val de Grâce отбиваютъ какія-то четверти.

Глубоко внизу слышенъ звонокъ. Потомъ еще звонокъ и еще. Сердитая консьержка спитъ крѣпко. Потомъ кто-то осторожно подымается по лѣстницѣ. Это Мау. Осторожные шаги все ближе и ближе. Тихо начинаютъ дрожать перила, на которыя облокотился Шогэ. Громко стучитъ его сердце. Сойти внизъ? Нѣтъ, нѣтъ. Шогэ стыдно, что онъ стоитъ здѣсь и подслушиваетъ возвращеніе Мау.

Сильно бьется сердце. Ахъ, какая тоска! Мау, милая Мау, отчего ты стала вдругъ такой далекой?

Часы бьютъ два. Да, да, пришло время быть одинокимъ. Пришло холодное время, настала власть сырой мглы. Хо-

лодъ пришелъ. Горе тому, кто не можетъ затопить камина, кто не можетъ плотно завѣсить окна и закрыть двери! Холодъ войдетъ и отыметъ самое дорогое. Онъ пришелъ свершить по слову: «Имущему дастся, у неимущаго отымется».

Опять звонокъ внизу. Хлопаетъ входная дверь. Неровные тяжелые шаги по деревянной лѣстницѣ. Слышно, какъ подымающійся останавливается, чтобы перевести духъ, и опять шумно шагаетъ. Вотъ дрожатъ перила. Ближе все. Подымающійся тяжело дышетъ, и по дрожанію перилъ чувствуется, что онъ опирается всей тяжестью тѣла. Вотъ онъ ужъ совсѣмъ близко, и рука его, подымаясь по перилам, касается руки Шогэ. Подымающійся вскрикиваетъ; въ крикѣ его—ужасъ. «Тише, тише!» говоритъ Шогэ, «это—я, вашъ сосѣдъ». Въ подымающемся онъ узнаетъ маленькаго француза-поэта, живущаго противъ него. Поэтъ крѣпко держитъ Шогэ за руку и тяжело дышетъ. «А, мой другъ!—говоритъ онъ слабымъ голосомъ—я васъ принялъ за другого. Понимаете, когда чувствуешь вокругъ себя ненависть, не такъ ли? которая должна проявиться... Есть человѣкъ, очень похожій на васъ, и притомъ отблескъ вашего пенснэ при этомъ слабомъ свѣтѣ... А! Я всегда могу ожидать удара ножомъ или выстрѣла, не правда ли? Притомъ у меня порокъ сердца... Помните, мѣсяцъ тому назадъ, ночью, этотъ крикъ, переполошившій весь домъ?.. Тогда не узнали, кто... Это былъ я. Только, ради Бога, не говорите никому, monsieur, я не хочу прослыть за сумасшедшаго, не такъ ли?».

Онъ говоритъ все это очень быстро, слабымъ голосомъ, сбиваясь и задыхаясь отъ подъема и сразу утомленный отъ пережитаго ужаса. И все время онъ не выпускаетъ руки Шогэ, а другой опирается на его плечо. Отъ слабости и одышки онъ шатается, какъ пьяный.

«А вы, говоритъ онъ дружески, вы, кажется, очень грустны. Ждать и не дождаться, не такъ ли? Покойной ночи, monsieur!»

Онъ исчезаетъ въ темнотѣ.

Слышно, какъ онъ возится съ ключемъ, потомъ чирканье спички. Шогэ все еще стоитъ на площадкѣ. Черезъ нѣсколько времени поэтъ выходитъ съ маленькой лампой въ рукахъ и идетъ по корридору. Онъ очень блѣденъ, безъ воротничка и въ войлочныхъ туфляхъ. Проходя мимо Шогэ, онъ улыбается ему, а возвращаясь, кладетъ ему

руку на плечо и говоритъ: «Если вы не имѣете желанья спать, пойдемте ко мнѣ!»

«Благодарю васъ», говоритъ Шогэ и идетъ за нимъ.

Комната поэта очень мала. Огромная постель съ балдахиномъ занимаетъ ровно половину. Маленькій столикъ, полочка книгъ и цвѣты, отражающіеся въ темномъ зеркалѣ. На маленькой печкѣ стоитъ глиняный кувшинъ. «Это, чтобы дѣлать чай», поясняетъ поэтъ, «я люблю чай, какъ русскій, и тепло, какъ котъ». Въ комнатѣ, дѣйствительно, тепло.

«Она не пришла, mon vieux?» продолжаетъ онъ дружелюбно. «Пусть думаетъ такъ, не все ли мнѣ равно», Шогэ киваетъ головой. «Да, да, это заставляетъ насъ страдать», говоритъ поэтъ.

«Гдѣ вы печатаете ваши стихи?» спрашиваетъ Шогэ. «Ахъ, меня не хотятъ печатать. Два раза я появлялся въ маленькихъ журналахъ молодыхъ, но никто не хотѣлъ насъ читать. Я подписывался тамъ Ноэль Вассоръ, но мое настоящее имя — Леонъ Руссо. Я не слишкомъ извѣстенъ, не правда ли?»

«Прочтите мнѣ что-нибудь изъ вашихъ стихотвореній».

«Охотно».

Поэтъ выдвигаетъ ящикъ стола и вынимаетъ нѣсколько листовъ, красиво унизанныхъ строчками мелкаго письма.

«Что бы прочесть?» говоритъ онъ. «Ну вотъ:»

Когда я вечеромъ сижу въ моей комнатѣ,
При свѣтѣ лампы, и слушаю, какъ растетъ одиночество,
Я чувствую, какъ во мнѣ встаетъ прошлое моей юности,
Одинокой, какъ эта комната, и, какъ она, затерянной въ мірѣ.
И мой родной городокъ съ зелеными ставнями оконъ,
Съ этими ставнями, ревнивыми къ свѣту полудня,
Шлетъ мнѣ свой привѣтъ, ласковый и грустный,
Какъ мать, тоскующая по далекомъ сынѣ.
И я протягиваю руки къ этому родному призраку
И снова хочу дышать этимъ воздухомъ полей,
Благоухающихъ тминомъ и дикой гвоздикой...
Но Парижъ вокругъ меня, это море крышъ и равнодушія,
И вѣтеръ зимы плачетъ и стонетъ въ каминной трубѣ..

1.

Въ туманѣ моего прошлаго есть одинъ далекій день, который я вспоминаю особенно часто.

Я вижу большую комнату въ бревенчатомъ флигелѣ на степномъ хуторѣ средней Россіи.

Одно окно этой комнаты выходитъ на югъ, на солнце, два другихъ—на западъ, въ вишневый садъ.

Въ простѣнкѣ между ними стоитъ старинный туалетъ краснаго дерева, а на полу возлѣ него сидитъ ребенокъ трехъ или четырехъ лѣтъ.

Онъ одинъ въ комнатѣ и чувствуетъ себя необыкновенно счастливымъ.

На дворѣ сухо, весело—погожій конецъ степного августа—и солнечный свѣтъ косо падаетъ изъ окна, выходящаго на югъ, почти до того мѣста, гдѣ сидитъ на полу ребенокъ.

И это радуетъ ребенка тѣмъ болѣе, что у него есть тихое очаровательное дѣло.

Онъ открылъ дверцу въ тумбѣ туалета, слышитъ оттуда кисленькій запахъ старинныхъ духовъ и тщательно укладываетъ на полированную полочку синія гербовыя бумаги.

Нужды нѣтъ, что эти бумаги покрыты строками крупныхъ непонятныхъ завитушекъ, и что не приказано ни рвать, ни пачкать ихъ: радостно уже одно то, что обладаешь ими, что ихъ много, и что можно раскладывать ихъ въ тумбѣ, которая отнынѣ будетъ твоею.

Такъ было и сказано:

— Вотъ эта тумбочка съ нынѣшняго дня—твоя.

А для того, чтобы было что укладывать, подарили большую кипу синихъ бумагъ съ красивыми двуглавыми орлами. Накопится много и другихъ вещей, вродѣ коробочекъ и граненыхъ пузырьковъ, стоящихъ на туалетѣ. И все это будетъ спрятано сюда же, въ эту завѣтную тумбу.

Но на свѣтѣ, какъ извѣстно, все кончается: бумага уже нѣсколько разъ укладывалась на полочкѣ и такъ, и этакъ, порядокъ, въ которомъ онѣ должны быть, строго обдуманъ и, наконецъ, установленъ,—остается затворить тумбу, поглядѣть на нее съ пріятнымъ чувствомъ собственности — и заняться чѣмъ-нибудь другимъ.

Чѣмъ же?

Ребенокъ стоитъ возлѣ туалета и осматривается.

Увы, въ простой деревенской комнатѣ съ голыми бревенчатыми стѣнами совсѣмъ почти пусто: только стулья, да большая кровать, да августовское солнце, косо озаряющее изъ окна некрашеный полъ.

Пріятно, конечно, подойти къ окну, почувствовать тепло солнечнаго блеска и, прижавшись лицомъ къ холодному стеклу, расплющить носъ. Но пріятно это тогда, когда за окномъ кто-нибудь есть, — когда кто-нибудь видитъ со двора этотъ смѣшно расплющенный носъ.

Очень заманчива и паутина,—восьмигранная сѣтка легкой паутины, висящей въ верхнемъ углу окна. Но, во-первыхъ, до нея не дотянешься, если даже приставить къ окну стулъ, а во-вторыхъ, изъ щели въ углѣ можетъ выбѣжать на высокихъ тонкихъ ножкахъ большой сѣрый паукъ.

И ребенокъ, поднявъ глаза на уголъ окна, чувствуетъ сладкій страхъ при мысли о таинственномъ хозяинѣ этой паутины, имя котораго онъ произноситъ съ запинкой, по крестьянски—пуакъ—и который такъ сердито выскакиваетъ изъ своей щели, когда въ его сѣть попадетъ муха.

Жутко и любопытно слѣдить тогда за ея гибелью!

Жалобно и долго, долго поетъ она въ тишинѣ пустой комнаты. Точно зоветъ на помощь... Но помощи нѣтъ ни откуда, и время течетъ среди ея однотоннаго плача въ полной неизвѣстности, что будетъ дальше... И вдругъ, онъ, этотъ темно-сѣрый страшный паукъ, выскакиваетъ изъ щели и быстро бѣжитъ по паутинѣ... схватываетъ муху въ лапы, замираетъ съ нею на мѣстѣ и, наконецъ, уже слабую, затихающую, тянетъ ее въ свое жилище.

Что это за жилище? Что дѣлаетъ въ немъ его хозяинъ, чѣмъ занятъ онъ?

Нечаянно взглядъ ребенка падаетъ въ эту минуту на зеркало.

2.

Я хорошо помню, какъ поразило оно меня.

Этотъ далекій августовскій день на хуторѣ, среди холмистой степи средней Россіи, можетъ быть, первый день моей сознательной жизни.

Съ него начинаются смутныя, несвязанныя другъ съ другомъ воспоминанія моего младенчества. Точно въ сновидѣніяхъ живу я въ нихъ. И вотъ оно, первое сновидѣніе у истока дней моихъ.

Ранѣе нѣтъ ничего: пустота, несуществованіе.

Ни мое сердце, ни мой разумъ никогда не могли и до сихъ поръ не могутъ примириться съ этой пустотой. Но покоряясь неизбѣжности, я принимаю за начало моего бытія этотъ августовскій день, эти синія гербовыя бумаги съ орлами, тихую невыразимую радость, которую они дали мнѣ,—и зеркало.

Между колоннками туалета, въ тяжелой прихотливой рамѣ, висѣло что-то свѣтлое, блестящее, красивое—и непонятное. Я, конечно, много разъ видалъ его и ранѣе. Видѣлъ и отраженія въ немъ. Но изумило оно меня только теперь, когда мои воспріятія вдругъ озарились первымъ яркимъ проблескомъ сознанія, когда я раздѣлился на воспринимающаго и сознающаго. И все окружавшее меня внезапно измѣнилось въ эту минуту, ожило,—пріобрѣло свой собственный ликъ, полный непонятнаго и загадочнаго.

Я заглянулъ въ то свѣтлое, блестящее, что слегка наклонно висѣло между колоннокъ туалета, увидалъ тамъ другую комнату, совершенно такую же, какъ и та, въ которой я былъ, но только болѣе заманчивую, болѣе красивую, увидалъ самого себя—и въ первый разъ былъ изумленъ и очарованъ.

Я восторженно оглянулъ комнату, въ которой стоялъ... Да, несомнѣнно, въ зеркалѣ было все, что было и здѣсь, вокругъ меня и стѣны, и стулья, и полъ, и солнечный свѣтъ, и ребенокъ, стоявшій среди комнаты... Насъ было двое, удивленно смотрѣвшихъ другъ на друга! И вотъ

одинъ изъ насъ вдругъ закрылъ глаза—и все исчезло: остались только свѣтлыя пятна, закружившіяся въ темнотѣ... Потомъ снова открылъ ихъ—и снова увидалъ все то, что уже видѣлъ... Не странно ли только, что комната въ зеркалѣ падаетъ, валится на меня?

Робко приблизился я къ зеркалу и, дотянувшись рукой до нижней части рамы, толкнулъ ее.

Зеркало блеснуло, стукнулось о стѣну, а покатый полъ, отраженный въ немъ, сталъ еще болѣе покатымъ. Теперь уже вся комната падала на меня, падалъ и мальчикъ, стоявшій противъ меня, и кровать, и стулья... Очарованный, восхищенный, долго глядѣлъ я на то чудесное и новое, что такъ внезапно открылось мнѣ—и, наконецъ, потянулъ раму къ себѣ. Зеркало блеснуло, завалилось назадъ—и все исчезло... И какъ разъ въ эту минуту кто-то хлопнулъ дверью, и я вздрогнулъ и громко крикнулъ отъ страха.

3.

Что было вслѣдъ за этимъ?

Не знаю.

Много разъ пытался я вспомнить еще хоть что-нибудь; но это никогда не удавалось.

Вспоминая, я быстро переходилъ къ выдумкѣ, къ творчеству, ибо и воспоминанія-то мои объ этомъ днѣ не болѣе реальны, чѣмъ творчество.

Твердо помню только одно: зеркало поразило меня именно въ этотъ день. И на долго, на долго приковало къ себѣ мое вниманіе своими тайнами! Я чувствовалъ: я долженъ разгадать ихъ во что бы то ни стало.

Но какъ?

О, я помню много лукавствъ, много ухищреній!

Они, эти ухищренія, кончались всегда неудачей. И переживъ неудачу, я, конечно, забывалъ о зеркалѣ. Но вотъ я опять оставался наединѣ съ нимъ—и опять испытывалъ его власть надъ собою.

Я любилъ угловую комнату, когда она была пуста. Я входилъ, затворялъ за собою двери—и тотчасъ же вступалъ въ какую-то особую чародѣйственную жизнь.

Такъ тихо, такъ тихо, что слышна каждая нота въ тонкомъ и печальномъ плачѣ замирающей въ паутинѣ мухи!

И я затаивалъ дыханіе, и казалось, что и комната ждетъ чего-то вмѣстѣ со мною.

Мальчикъ, стоявшій предо мною въ отраженной комнатѣ, былъ теперь выше ростомъ, рѣшительнѣе, смѣлѣе, чѣмъ тотъ, что стоялъ въ ней въ свѣтлый августовскій день нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но комната была все такъ же притягательна, заманчива... сто кратъ заманчивѣе той, въ которой былъ я! И сладко было снова и снова тѣшить себя несбыточною мечтою побывать, пожить въ этой отраженной комнатѣ!

Только существуетъ ли она и тогда, когда не смотришь на нее?

Чтобы узнать это, нужно прежде всего обмануть кого-то.

И вотъ я сдѣлалъ равнодушное лицо, отходилъ отъ зеркала, заглядывалъ съ притворной безпечностью въ окна— и вдругъ быстро оборачивался къ туалету...

Нѣтъ, все по прежнему!

Но тогда не сѣсть ли въ кресло противъ зеркала? Закрыть глаза и притвориться спящимъ... А затѣмъ сразу открыть ихъ...

Увы, снова и снова моя хитрость разсыпается прахомъ!

Оставалось еще одно: пріоткрыть рѣсницы—такъ мало, такъ мало, чтобы никто и не подумалъ, что онѣ пріоткрыты..

Но, Боже, какъ это трудно!

Рѣсницы дрожатъ, глазамъ больно, и выходитъ все одно и то же: или совѣмъ ничего не видно, или хоть слабо, но видно все!

И много разъ, дѣлая отчаянныя усилія, сдвигалъ я съ мѣста тяжелыя колонки, среди которыхъ висѣло зеркало, и заглядывалъ между нимъ и стѣною. Но и тамъ, именно тамъ, гдѣ должна была заключаться разгадка тайны, не оказывалось ничего, кромѣ бревенъ съ одной стороны и шершавыхъ дощечекъ, которыми было забито зеркало, съ другой!

— Тогда кроется что-нибудь за ними, за этими дощечками!—рѣшалъ я и ни минуты не сомнѣвался, что взрослые врутъ, когда говорятъ, что за этими дощечками только стекло, намазанное ртутью.

Ртутью!

Пусть такъ. Ну, а что такое ртуть? Сами же они говорятъ, что ртуть—нѣчто чудесное. Сами же они разска-

зываютъ, что положилъ кто-то этой ртути въ пекущіеся хлѣбы—и вдругъ хлѣбы запрыгали по печкѣ! А главное: сами же они поспѣшили закутать это что-то, намазанною ртутью и называемое зеркаломъ, въ черный коленкоръ, какъ только умерла Надя!

Да, въ эту страшную ночь, когда въ домѣ свершилось что-то невыразимое, наполнившее весь домъ сперва таинственной суматохой, испуганными голосами, а потомъ страстными криками матери,—зеркало завѣсили чернымъ коленкоромъ.

Я, спавшій въ угловой комнатѣ на широкой ласковой постели краснаго дерева, въ дикомъ ужасѣ вскочилъ на колѣни, когда тишину ночи прорѣзали эти дикіе крики. А затѣмъ въ комнату быстро вошла заплаканная нянька и, быстро пройдя къ туалету, накинула на зеркало кусокъ черной матеріи.

И, какъ внезапный вѣтеръ по затрепетавшимъ листьямъ дерева, по всему моему тѣлу прошла одна мысль, одно сознаніе: въ домѣ смерть! То ужасное, чье имя—Тайна!

Развѣ не правъ я былъ, когда думалъ, что зеркало—нѣчто изъ того же непостижимаго міра, откуда и оно, это дыханіе смерти?

4.

Ночи предшествовали тяжелые, печальные дни.

Стоялъ февраль, сѣрый, скучный, наполнявшій комнаты скуднымъ полусвѣтомъ.

А дѣвочка была больна уже давно, и казалось, что конца не будетъ этимъ днямъ, этому скудному полусвѣту и тишинѣ, воцарившейся съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣтской, пропитанной сладковатымъ запахомъ лекарствъ, затворили двери и завѣсили окна темными шторами.

Въ глуши, на хуторѣ, заброшенные, забытые, жили мы тогда: мать, Надя, нянька Дарья, большая властная старуха, я и мой воспитатель,—если только можно назвать такъ этого страннаго человѣка, похожаго на Данте,—человѣка безъ роду, безъ племени, уже много лѣтъ скитавшагося по мелкимъ помѣщикамъ, обучавшаго ихъ дѣтей и нигдѣ долго не уживавшагося.

Чѣмъ занимались мы съ нимъ въ эти печальные февральскіе дни? Я медленно, съ трудомъ читалъ, а онъ, этотъ

Данте въ старенькомъ, кургузомъ сюртучкѣ и короткихъ панталонахъ, изъ-подъ которыхъ торчали грубые рыжіе сапоги, ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и думалъ, думалъ, бормоча свои думы себѣ подъ носъ и порою съ злораднымъ наслажденіемъ похохатывая.

А смерть уже незримо рѣяла среди насъ, и печальную тишину дома нарушали только шаги моего воспитателя и мое однотонное чтеніе. И читалъ я какъ разъ о ней: читалъ пѣснь о старомъ нормандскомъ баронѣ, умиравшемъ въ отдаленномъ покоѣ замка въ бурную и темную ночь Рождества Христова...

Я точно готовился къ ея появленію.

И когда она появилась, наконецъ,—столь грозная, что даже собаки на дворѣ завыли, услыхавъ вопли ужаса въ домѣ,—тотчасъ же было наброшено черное покрывало и на то, что какимъ-то образомъ было причастно ея тайнамъ!

5.

Я уснулъ, чувствуя томительную неизъяснимую тоску...

За окнами чернѣла ночь, комната была слабо озарена стоявшей на полу возлѣ кровати свѣчей...

Обычно со мною спала мать. Но съ тѣхъ поръ, какъ заболѣла дѣвочка, на ночь стала приходить ко мнѣ нянька. А въ эту ночь даже и няньки не было. Она только изрѣдка входила, вынимала что-то изъ ящиковъ туалета, шопотомъ говорила мнѣ: «спи, спи, я сейчасъ приду»—и снова уходила...

И я пытался уснуть.

Но безпричинная тоска, предчувствіе чего-то, что вотъ-вотъ должно совершиться въ зловѣщей тишинѣ, охватившей въ эту ночь весь домъ, будили меня, едва только я начиналъ забываться. Задремлю—и вдругъ вскочу съ бьющимся сердцемъ и страстнымъ желаніемъ закричать о помощи!

Но даже крикнуть я не смѣлъ—такъ тихо было въ домѣ и такъ странно блестѣло зеркало, наклонно висѣвшее между колоннокъ туалета и отражавшее покатый полъ и дрожащій длинный огонь свѣчи, стоявшей возлѣ кровати.

И вотъ—

Поднялась какая-то возня, послышались испуганные, торопливые голоса, стукъ дверей, а вслѣдъ за ними —

здавленный ужасный крикъ... Пораженный имъ до глубины сердца, я вскочилъ, сѣлъ на колѣни и замеръ на мѣстѣ, уже готовый отвѣтить на этотъ крикъ крикомъ еще болѣе ужаснымъ, какъ растворилась дверь, и по комнатѣ, сотрясая полъ своею тяжестью, пробѣжала нянька съ чернымъ кускомъ коленкора въ рукахъ...

Что было послѣ этого?

Помню, что меня, дрожащаго отъ ужаса и изумленія зачѣмъ-то одѣли, что воспитатель мой зачѣмъ-то повелъ меня въ ту, слабо освѣщенную синей лампадкой комнату, гдѣ на ломберномъ столѣ, покрытомъ простынею, лежала кукла въ розовомъ платьицѣ...

Помню, какъ мы остановились на порогѣ этой комнаты и, перекрестившись, поклонились въ уголъ на лампадку и на эту неподвижную куклу...

Помню даже, что набожное смиреніе, съ которымъ медленно перекрестился и поклонился мой воспитатель, показалось мнѣ неестественнымъ...

Мнѣ показалось, что онъ пьянъ: это съ нимъ случалось нерѣдко... И отъ этого мнѣ сдѣлалось еще страшнѣе.

А онъ, съ истовостью пьянаго человѣка, желающаго показать, что онъ нисколько не пьянъ, а, напротивъ, сознательно, серьезно и спокойно дѣлаетъ все то, что полагается въ такихъ случаяхъ, подвелъ меня къ столу, приподнялъ за плечи—и я увидалъ блѣдное безжизненное личико и тусклый блескъ мертвыхъ глазъ подъ неплотно смежившимися черными рѣсницами, четко выдѣлявшимися среди блѣдности... И было въ этомъ что-то безобразное и ужасное...

Безобразно-ужасенъ былъ и сонъ, которымъ я забылся послѣ того.

Я до сихъ поръ чувствую всю нескладную, горячечную суматоху всѣхъ этихъ людей, наполнившихъ домъ и начавшихъ торопливо переносить и передвигать изъ комнаты въ комнату столы, стулья, кровати и зеркала, какъ только я закрылъ глаза.

Дѣвочка мгновенно ожила, хотя и осталась все такой же загадочной и безмолвной, какой она была на столѣ, и поспѣшила вмѣшаться въ эту суматоху, бѣгая изъ комнаты въ комнату подъ ногами мужиковъ, торопливо носившихъ на рукахъ стулья и зеркала, покрытыя чернымъ коленкоромъ...

Какъ это она могла ожить и остаться въ то же самое время мертвой?

Какъ это она могла бѣгать и не упасть, когда лицо ея было столько же слѣпо и безжизненно, какъ и тусклая полоска ея глазъ, блестѣвшая въ прорѣзѣ неплотно прикрытыхъ рѣсницъ.

Я, тоже участвовавшій во всемъ этомъ бредѣ, чувствовалъ сквозь сонъ, что живыхъ и въ то же самое время мертвыхъ дѣвочекъ не бываетъ но сердце говорило мнѣ, что это такъ и должно быть и что въ этомъ-то и заключается вся сила кошмара, которымъ я съ такимъ болѣзненнымъ упоеніемъ жилъ во снѣ...

Наконецъ, настало утро.

6.

Ахъ, какъ хорошо сдѣлалъ Господь Богъ, создавши свѣтъ!

Сколько разъ въ жизни, съ младенчества моего и до послѣднихъ дней, говорилъ я эти слова, открывая глаза послѣ тяжкихъ ночныхъ сновидѣній! Какъ этотъ свѣтъ успокаиваетъ, какъ упрощаетъ и душу нашу, и все окружающее насъ!

Бѣлый, спокойный и простой день былъ въ мірѣ, когда я проснулся.

Но, проснувшись, я тотчасъ взглянулъ на зеркало... Увы, оно было закрыто чернымъ коленкоромъ. И какимъ печальнымъ показалось оно мнѣ!

Да и не одно оно. Все въ домѣ было печально: и заплаканная, похудѣвшая, съ блестящими глазами, мать, и серьезный воспитатель, и притихшая, уже далеко не столь властная, какъ прежде, старуха нянька, и разговоры вполголоса, и эта кукольная дѣвочка съ восковымъ личикомъ, лиловатымъ вискомъ, неживыми локонами и полуприкрытыми рѣсницами, изъ-подъ которыхъ еще тусклѣе, чѣмъ вчера, блестѣла полоска стеклянныхъ глазъ...

А потомъ, въ солнечный морозный день съ метелью, пріѣхали на трехъ розвальняхъ попы, нанесли въ домъ холоду, запаха снѣга и ладана и стали съ грустными причитаніями и пѣніемъ ходить вокругъ лежащей на столѣ куклы, кланяться ей и, замолкая на время, дымить на нее изъ кадила...

И съ какой изысканной деликатностью, съ какой кокетливой печалью заливался въ этотъ день высокій гор-

ловой теноръ всегда веселаго, смѣлаго и даже наглаго о. Ѳедора!

Какъ онъ легко, точно въ кадрили, то приближался къ столу, то пятился назадъ и своей ловкой привычной рукой—даже не рукой, а только одной кистью ея—высоко взвивалъ пылающее кадило и потоплялъ въ синихъ клубахъ церковнаго благоуханія неподвижно лежащую куклу!

И какъ чувствовалъ я въ этотъ день всю сладость страстныхъ рыданій матери, когда кокетливо заливающійся теноръ грустно утѣшалъ ее неизрѣченной красотою мѣстъ, «иде же нѣсть ни печали, ни воздыханія!» И какой болью сжалось мое сердце въ тотъ моментъ, когда простой дѣтскій гробикъ, наскоро сбитый изъ пахучаго сосноваго теса, навсегда закрыли крышкой и понесли, среди пѣнія и воплей, въ розвальни, возлѣ которыхъ, въ солнечной морозной метели, вѣтеръ развѣвалъ волосы на обнаженныхъ головахъ мужиковъ!

Надолго застылъ послѣ того въ тишинѣ и грусти нашъ бревенчатый флигель.

Весеннее солнце по цѣлымъ днямъ наполняло радостнымъ блескомъ дѣтскую,—теперь нашу классную—но померкли всѣ мои радости!

Что это случилось съ милой веселой дѣвочкой, которая такъ звонко выкрикивала когда-то свое имя, а теперь лежитъ гдѣ-то въ селѣ на погостѣ, въ могилѣ!

Откуда пришла она? Зачѣмъ росла, расцвѣтала, прыгала, радовалась, вплоть до того рокового вечера, въ который точно какой-то злой духъ дохнулъ на нее своимъ пламеннымъ дыханіемъ?

Съ разгорѣвшимся личикомъ, съ блестящими глазами, она была особенно оживлена въ тотъ вечеръ—и вдругъ поникла на плечо матери.

— Мама, бай,—безсильно сказала она.

И тотчасъ же ее унесли въ дѣтскую, и это былъ послѣдній часъ, въ который я видѣлъ ее живую: живой изъ дѣтской она не вернулась.

Вотъ идутъ дни за днями, а ея все нѣтъ—и никогда не будетъ...

Даже и люльку ея снесли на чердакъ...

Вотъ вынимаютъ зимнія рамы, и наша классная наполняется душистой свѣжестью чистаго весенняго воздуха и тепломъ яркаго солнца... А ея нѣтъ—и никогда не будетъ!

Гдѣ же она?

Говорятъ, что на погостѣ въ Знаменскомъ. Но не вся. То живое, прекрасное, что было въ ней, не тамъ, а гдѣ-то далеко... въ раю, въ небѣ.

Въ тихія апрѣльскія сумерки, когда я сидѣлъ съ нянькой у раскрытаго окна, выходящаго въ темный и свѣжій садъ, я подолгу смотрѣлъ на меркнущій нѣжно-алый закатъ, по которому громоздились синеватыя тучи, похожія на саркофаги. И когда надъ ними въ зеленоватомъ небѣ вспыхивало серебристое зерно первой звѣзды, нянька говорила мнѣ:

— Вонъ душенька нашей барышни.

Но въ этихъ словахъ была не вся правда. Это было слишкомъ просто. Это было такъ же просто, такъ же ничего не объясняло, какъ и то, что зеркало есть стекло, намазанное ртутью.

7.

И велико было мое недоумѣніе, когда я убѣдился въ этомъ!

Уже и послѣ смерти дѣвочки, смерти, поразившей и до времени развившей мое сердце, я, нѣтъ-нѣтъ, да возвращался къ своимъ попыткамъ разгадать тайну зеркала, оставаясь наединѣ съ нимъ въ тѣ часы, когда всѣ спали послѣ обѣда, и казалось, что въ мирѣ нѣтъ ни единой живой души, кромѣ моей.

Не разъ отодвигалъ я зеркало отъ стѣны и не разъ убѣждался, что ничего-то нѣтъ за нимъ, кромѣ бревенъ, паутины и шершавыхъ дощечекъ!

Однако, нужно было заглянуть и подъ эти дощечки!

И однажды, когда въ домѣ всѣ спали, я съ бьющимся сердцемъ, какъ воръ, прокрался въ угольную, отодвинулъ, замирая отъ страха быть пойманнымъ, зеркало отъ стѣны—и кухоннымъ ножемъ приподнялъ одну изъ дощечекъ...

Да, меня не обманывали!

Подъ дощечкой ничего не было, кромѣ стекла, намазаннаго красно-коричневой краской.

Но, можетъ быть, есть что-нибудь между этой краской и стекломъ?

Нѣтъ, и тамъ ничего не оказалось: я слегка поцарапалъ концемъ ножа въ уголкѣ зеркала—и увидалъ простое стекло.

Но не стала ли таинственная ртуть еще болѣе таинственной послѣ того!

Несомнѣнно. Ибо развѣ не чудесно было и то, что сдѣлалъ я! Я соскоблилъ ножемъ каплю красной краски и увидѣлъ, что чудесное стекло стало стекломъ самымъ обыкновеннымъ: прильнувши къ тому мѣсту, гдѣ я скоблилъ, можно было сквозь стекло видѣть комнату...

Просто и непонятно!

Просто и непонятно, какъ и вся жизнь моя, и всѣ сновидѣнія у истока дней моихъ, у начала тайнъ жизни!

Гдѣ я былъ до той поры, въ которой блеснулъ первый лучъ моего сознанія, пробужденнаго свѣтлымъ стекломъ, висѣвшимъ въ тяжелой рамѣ между колоннокъ туалета? Гдѣ я былъ до той поры, въ которой мерещится мое тихое младенчество!

— Нигдѣ,—отвѣчаю я себѣ.

Но, въ такомъ случаѣ, я, значитъ, не существовалъ до этой поры?

— Нѣтъ, не существовалъ,—снова отвѣчаю я себѣ.

Но тутъ вмѣшивается сердце.

— Не можетъ быть, — говоритъ оно. — Я не вѣрю этому, какъ не вѣрю и никогда не повѣрю въ смерть, въ уничтоженіе. Лучше скажи: не знаю. И незнаніе твое— тоже тайна.

Моя память такъ безсильна, что я почти ничего не помню не только о своемъ младенчествѣ, но даже о дѣтствѣ, отрочествѣ. А вѣдь существовалъ же я тогда! И не только существовалъ,—думалъ, чувствовалъ, и такъ полно, такъ жадно, какъ никогда потомъ. Гдѣ же все пережитое и выстраданное мною?

Это тоже тайна. И всюду она, эта всепроникающая власть тайны, власть, чаще всего злая, враждебная намъ.

Чѣмъ только не пугала она меня въ пору моего младенчества! Чѣмъ только не томила мое сердце!

Три свѣчи въ комнатѣ—къ чьей-нибудь смерти.

Вой собаки ночью—къ смерти.

Бѣлая лошадь, пригрезившаяся во снѣ,—къ смерти.

Воронъ, пролетѣвшій со свистомъ крыльевъ низко надъ домомъ,—къ смерти.

Разбитое нечаянно зеркало—къ смерти.

Черный коленкоръ, накинутый на него—,символъ смерти!

А что творится ночью на чердакахъ, въ полѣ, на клад-

бищѣ! Что отражается по ночамъ передъ бѣдою въ зеркалахъ.

— Вошла я это, матушка барыня, въ угольную ночи за двѣ передъ тѣмъ, какъ барышнѣ умереть, глянула на туалетъ, а въ зеркалѣ-то стоитъ кто-то бѣлый, бѣлый, какъ мѣлъ, да длинный, предлинный!

— Да, небось, платье твое отразилось.

— И, Богъ знаетъ что! Развѣ я не помню, въ чемъ была? То-то и дѣло, что въ юбкѣ въ одной бумазейной, да въ темной кофточкѣ!

И я порою думалъ: ужъ не права ли ты, моя старая наставница?

На зеркалѣ и до сихъ поръ видна царапина, сдѣланная моею рукой много лѣтъ тому назадъ, — въ ту минуту, когда я пытался хоть глазкомъ заглянуть въ невѣдомое и непонятное, сопутствующее мнѣ отъ истока дней моихъ до грядущей могилы.

Я видѣлъ себя въ этомъ зеркалѣ ребенкомъ — и вотъ уже не представляю себѣ этого ребенка: онъ исчезъ навсегда и безъ возврата.

Я видѣлъ себя въ зеркалѣ отрокомъ, но теперь не помню и его.

Видѣлъ юношей — и только по портретамъ знаю, кого отражало когда-то зеркало.

Но развѣ мое — это ясное, живое и слегка надменное лицо? Это лицо моего младшаго давно умершаго брата. Я и гляжу на него, какъ старшій: съ ласковой улыбкой снисхожденія къ его молодости. А въ зеркалѣ отражается печальное и, увы, уже спокойное лицо!

Настанетъ день—и навсегда исчезнетъ изъ міра и оно. И великая тайна жизни завершится еще болѣе великою тайной смерти.

И отъ попытокъ моихъ разгадать эти тайны останется одинъ слѣдъ: царапина на стеклѣ, намазанномъ ртутью.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ

МАЙ

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Въ зеленоватомъ сумракѣ Коля съ Комарикомъ скользятъ на велосипедахъ вдоль самаго тротуара, подъ распустившимися топольками; точно два сѣренькихъ вальдшнепа тянутъ—безшумно, легко; цѣпляютъ временами вѣточку съ тополя, трутъ въ ладони, и сладкій запахъ омываетъ руку: дивный весенній цвѣтъ.

Передъ циклодромомъ вольтъ вправо, на средину улицы и мягкимъ полукругомъ внутрь, въ калитку. «Прикатили, шатяги!»—Потапычъ заперъ щеколду: — «долго теперь не угомонятся». Комарикъ снимаетъ фуражку; спрыгиваютъ съ «машинъ». Фуражки—реальное училище, а возрастъ—шестой классъ. Комарикъ вытеръ капельки пота съ носа, опять сѣли, тихенько двинули—ѣдутъ. По трэку легко, шины тихо шипятъ, воздухъ плавный, майскій, овѣваетъ. Комариковъ велосипедъ впереди, лидеромъ, Колинъ самъ собой тянется за нимъ, можно не думать — такъ, бродить мыслью, улыбаться себѣ самому и еще чему-то милому и нѣжно-зеленѣющему, что встаетъ въ глуби и чего не знаешь, но оно близко, совсѣмъ близко, и ему можно улыбнуться, и внутри вскипитъ свѣтлая, легкая слеза.

И эти топольки зелененькіе — трэкъ обсаженъ ими — какое пахучее кольцо! Впереди торчитъ фигурка Комарика—точно фитюлька какая на велосипедѣ, топырятся вбоки лопухіе ушки и штиблеты съ подкаченными штанишками ходятъ ровно: разъ—два, разъ—два. «Да. А Машура придетъ? Обѣщалась придти, хочетъ учиться на велосипедѣ—завела себѣ даже... разъ—два, разъ—два». Ахъ, шельмецъ Комарикъ, думаетъ, онъ заснулъ,—бросокъ сдѣлалъ; это

значитъ жжвыкъ, нажалъ педали и курьерскимъ ходомъ удирать—каковъ? Коля ни за что, нѣтъ, не упуститъ. Тоже бросокъ, вдогонку. «Тише вы, тише, полосатые! Шеи вывернутъ, анаѳемы, отвѣчай тогда!»

Но сдержать молодыхъ ярильщиковъ трудно: закипаетъ розовая кровь, подступаетъ къ сердцу—и впередъ, въ душистой мглѣ, скорѣй, скорѣй, чтобы сливались въ зеленѣющій кругъ всѣ тополенки кругомъ, чтобъ нестись, какъ стрижи въ майскомъ воздухѣ, пьяные маемъ, а вокругъ смутно мелькаетъ все, тускнѣетъ подъ шелковой дымкой.

— Что, взялъ? Думалъ удрать? Ну и не думай! Ребята устали, гонка вышла въ ничью, только очень сумно подъ сердцемъ—подкатываетъ, и въ глазахъ круги. Кажется, если бъ промчаться еще малость, сердце бъ выпрыгнуло изъ груди, и такъ бы и ухнулъ куда-то, въ темное лоно. А пока мутитъ даже нѣсколько... вотъ скандалъ, вдругъ сейчасъ придетъ Машура, а они, какъ окуни на берегу, будутъ валяться и отдыхивать.

Уже въ небѣ, наверху, идетъ свое глубокое дѣйствіе; плыветъ ночное, разбрелись облака, затемнѣла бездна, безбрежная, со звѣздочками. Она дохнула своимъ, и прохлада сошла со звѣздныхъ высотъ, бальзамомъ льетъ на городишко, на ребятъ, Потапыча. Вдругъ калитка отворяется—Машура! Легенькая, съ тоненькими ножками, въ гимназическомъ передникѣ. Наконецъ-то, а ее ужъ ждутъ, «велосипедъ-то привезли?» Да, конечно. «Вы меня поучите?» Коля розовѣетъ. Если бъ нужно, обѣжалъ бы циклодромъ разъ десять, сто. «За мной мама зайдетъ, только-бъ начальница не узнала, это будетъ ужасно. Вообразите, одна, съ гимназистами!» Машура болтаетъ — бойкая коза, около ней всегда всякіе «они»—Коля съ ненавистью вспоминаетъ длиннаго классика, радикала, съ умными словами. Но какъ легко бѣжать съ ней рядомъ! Развѣ обратиться въ кули, въ какого-нибудь японца, человѣка-лошадь, и возить въ двухколескѣ эту тоненькую Машуру всю жизнь? «Ой, виражъ, страшно, упаду, кара-у-улъ!» Машура заливается, а Коля въѣлся въ руль, велосипедъ бѣжитъ по наклону, они въ самомъ дальнемъ углу циклодрома, ихъ видитъ только красная луна, что выставила рожу, въ майскомъ дыму, изъ-за края водокачки. Вотъ, въ двухъ вершкахъ горячіе глаза Машуры, прыгающій локонъ, и все ея тепленькое тѣльце прильнуло къ нему отъ наклона «машины». «Машура...» Но что—Машура, надо поцѣловать ее въ не-

защищенный височекъ, да, вотъ такъ, и краснѣть, шептать ей на ухо какую-то чепуху, вдохнуть ея дѣвичью прелесть, и пусть она сама застыдится, глубокорусскимъ румянцемъ, щелкнетъ его по носу, но любовно, а луна будетъ багровѣть и взлѣзать все выше, въ сонной прохладѣ; и тяжелый жукъ, майскій жукъ прожужжитъ надъ ними—запутается въ Машуриныхъ волосахъ.

Пріѣхала въ коляскѣ мама, смѣялась, весело поздоровалась съ мальчишками и увезла Машуру. Отъ ней пахло духами, тонкій платочекъ бѣлѣлъ изъ ридикюля, и, когда онѣ сѣли обѣ въ экипажъ, Колѣ казалось, что это сестры, нѣжно-англизированныя существа. «Ужъ вижу, вижу, Машурѣ не скучно было съ вами»—мама лукаво коситъ глазомъ на Колю, и подъ зеленоватой луной Колѣ этотъ глазъ такъ же безмѣрно дорогъ, какъ и Машуринъ. Они смѣются и вспыхиваютъ будто, а луна потопляетъ всѣхъ теплымъ изумрудомъ. Опять они, какъ вѣрные пажи, заскользили съ двухъ сторонъ у коляски; спицы отблескиваютъ луной, Комарикъ бросилъ въ коляску пригоршню сережекъ тополевыхъ, и оттуда легенькій хохотъ, а Коля вновь замлѣлъ на рулѣ съ бродячей, овѣянной душой. Снова бы такъ — летѣть и летѣть, и далеко за городомъ, мимо бѣлоствольныхъ березъ у большака, съ дымно-зелеными тѣнями, въ лунныхъ майскихъ поляхъ... «Addio, до свиданія!» Изъ пролетки замахали, забѣлѣло, свернули въ сторону, шины ихъ зашуршали опять, дальше подъ звѣзду огнецвѣтную, на которую онѣ будто и тянутъ. «Прощай, прощай, Колька!» «Прощай!» Но Колѣ никуда сейчасъ не хочется; все тотъ же пахучій височекъ Машуры передъ глазами, и образъ ея—только еще легче теперь, точно воздушная, лунная благодать напоила его. «Ахъ луна, милая моя луна!» И чтобъ почтить ее, Коля мягко кружитъ на велосипедѣ по улицѣ, какъ тихенькій козодой; нѣсколько легкихъ туровъ какого-то вальса, колдовского и слабаго. «Домой, луна, домой!» Топольки по тротуарамъ дрогнули и засеребрились, нѣсколько новыхъ листочковъ распукнулось, глянувъ на свѣтъ Божій; вдали голубѣетъ уплывающій ушастый Комарикъ,—а Коля зашуршалъ домой, лѣниво, сквозь тихую дрему и тающую свою мальчишью душу.

Въ окнѣ, дома, видитъ онъ тетю Бунге. Это значитъ, лунный вечеръ, тетя тоже мечтаетъ, старыми нѣмецкими

мечтами. Цѣлый день она мотала мотовило съ нитками для чулочной, а теперь дышитъ весной и даже пенснэ сняла. «Ну, хорошій мой человѣкъ, пріѣхалъ?» Это вѣчные закадычные друзья. Тетя Бунге знаетъ и Машуру, и маму и все видитъ давними своими глазами. «Ты не думай, Коля,» говоритъ она иной разъ и осклабясь улыбается безбрежной улыбкой: «я очень хитрый человѣкъ, я всегда все вижу». И тогда оба они хохочутъ—шестидесятилѣтній ребенокъ и ребенокъ малый.

«Усталъ, мой хорошій, со своимъ фюльсипедомъ, поди, Коля, сними блузу, все такось легче». «Ничего, тетя, у-ухъ... у васъ прохладно». Въ комнатахъ, дѣйствительно, прохладно: синеватыя сумерки, слабо бѣлѣютъ чехлы креселъ по стѣнамъ, и пахнетъ старой, старой жизнью. На стѣнахъ портреты допотопныхъ тетиныхъ предковъ—«контористовъ», икона съ лампадкой.

«Посиди, Коля, смирно; смотри, у окошка простудишься»—но Коля не слушаетъ: окно выходитъ въ садикъ, оттуда такъ сладко тянетъ жасминомъ,—бѣлой, тяжелой волной, и на ней плыветъ мысль, качается, какъ на тихомъ морѣ. Такъ же ль пахнетъ изъ сада сейчасъ и у ней, у Машуры? И вдругъ, она тоже сидитъ на подоконникѣ и вспоминаетъ Колю, поцѣлуй на циклодромѣ? Боже, Боже, розовый приливъ затопляетъ сердце, въ темнотѣ онъ краснѣетъ піономъ, и подкатываетъ къ груди дивный трепетъ,—вотъ, скажи она сейчасъ, чтобы умеръ—и въ одно мгновеніе сгорѣлъ бы и сжегся. «Коля, не глотай холодной воды, это тебѣ нездорово». Ахъ, какая тамъ холодная вода, дорогая тетя, милая тетя, что вы понимаете? Все равно нельзя такъ сидѣть тутъ — тихенько. Все равно уйдетъ отсюда—бродить, шататься, развѣ можно дома усидѣть въ такое время?

На улицѣ легко и радостно: весь этотъ маленькій городишко распростерся подъ небомъ и луной, скромно благоухая садами; уже май, сады въ бѣлой одеждѣ, дивные яблонные цвѣты бѣлорозовы, и идя вдоль забора, вдругъ вдохнешь теплую, сладковатую прелесть. Коля бредетъ. Хорошо бы уѣхать на лодкѣ—по рѣкѣ, заплыть въ неизвѣстные лѣса на томъ берегу, заблудиться въ нихъ, сгинуть въ лунномъ безмолвіи... «Здравствуйте, Коля». Коля вздрагиваетъ. «Здравствуйте» — онъ бормочетъ и краснѣетъ. Впрочемъ, что жъ, это всего поручикъ Штюрцваге. У него свѣтло-голубые глаза, эмалево-фарфоровые, тоненькій ру-

мянецъ и на пальцѣ бирюзовое кольцо. «Вы куда-же собственно? Воздухомъ дышите?» «Нѣ-ѣтъ, я въ... реальное училище—Коля вдругъ вспоминаетъ:—намъ нынче обѣщали звѣзды въ телескопъ показать.» «Врядъ-ли увидите хорошо, при лунѣ звѣздъ бываетъ мало».

Штюрцваге идетъ рядомъ, отъ него чуть тянетъ хорошими духами, и легкіе лакированные сапоги сіяютъ подъ луной. Подъ мышкой концертино. И бирюзово-эмалевые глаза кажутся Колѣ загадочными. Вообще все странно: кто онъ такой, Коля точно не знаетъ. Такъ, офицеръ, но особенный, музыкантъ, и отличный, и всегда онъ изященъ, съ нѣжнымъ румянцемъ, вдали отъ товарищей, съ маленькимъ слабымъ инструментомъ.

Но вотъ переулокъ, куда Колѣ сворачивать — тихій, тихій переулокъ. На углу прозябаетъ историкъ Козелъ, на той сторонѣ церковь святого Іоанна, гдѣ всѣ свои учебные годы Коля пѣлъ на клиросѣ. А тамъ дальше и само «реальное»: маленькимъ мальчикомъ, замирающимъ отъ ужаса, поступилъ онъ сюда въ далекія времена, а теперь недѣля, двѣ, и это большое розовое зданіе, съ густыми кленами въ саду, уплыветъ назадъ, а его и его друзей, и Машуру, Комарика понесутъ впередъ новыя—розовыя волны молодости.

По двору въ чесунчевомъ пиджачкѣ расхаживаетъ физикъ Проничка, а иначе Пронъ, и бесѣдуетъ съ «первымъ ученикомъ»: вѣроятно о законахъ Гэ-Люссака или Бойля-Маріотта. Проничка скроменъ и тихъ, только кончики висячихъ свѣтлыхъ усовъ, котообразнаго вида, шевелятся подъ майскимъ дуновеніемъ, да отблескиваютъ очки подъ луной. «Всѣ ужъ собрались, такъ, я готовъ показать вамъ дискъ луны, господа; нашъ телескопъ увеличиваетъ приблизительно въ четыреста разъ, слѣдовательно, вы увидите луну какъ-бы съ разстоянія десяти тысячъ верстъ; а для луны это все равно, какъ если-бы мы разсматривали другъ друга на десять шаговъ». Смѣются. Проничку любятъ, и его физико-математическимъ шуткамъ даже рады. Вотъ и телескопъ,—на треножникѣ, въ родѣ фотографическаго аппарата—но какъ странно глянуть туда! Всѣ Васильевы, Ивановы первые и вторые, кудлатые и съ аккуратными проборчиками поочередно смотрятъ въ это отверстіе; и по очереди на каждаго дышитъ безпредѣльный міръ, дальнее безмолвіе планетъ и безднъ.

Кто-то двинулъ трубу,—въ полѣ зрѣнія засіяла луна. Она, она сама, живьемъ и на безмѣрномъ разстояніи, все-

гда-прекрасная, всегда-печальная ночная бродяга. Видны пустыни и кратеры, и черныя тѣни зубцами бѣгутъ въ долины, все дальше и дальше. «Древніе полагали, что луну населяютъ души умершихъ», слышитъ Коля надъ ухомъ, но онъ и вообще плохо понимаетъ все сейчасъ, кромѣ одного: живая, близкая луна, и вмѣстѣ мертвая и навѣки чужая, серебряный, вѣчный свѣтъ, къ которому сразу чувствуешь острую жалость, любовь, изумленіе и тоску. Точно изъ далекаго міра, таинственнаго и свѣтлаго, кто-то ранитъ невидимыми стрѣлами земное сердце. Коля отходитъ. Снова Проничка съ законами газовъ, чесунчовый пиджачишко и скромная учительская душа; розовый корпусъ училища и директорскій особнякъ съ блистающими въ лунѣ окнами: давно привычная малая жизнь. Комарикъ опять тутъ. Коля беретъ его подъ руку, и вмѣстѣ они идутъ по кленовой аллеѣ—прямо, налѣво. Свѣтлые вырѣзы, тѣни тихо ходятъ по дорожкѣ; дрожатъ многолопастные листы; Комарикъ тоже присмирѣлъ, и точно: золотая легкая тоска оплетаетъ души; хочется затрепетать, замереть въ тихомъ и сладостномъ волненіи—и ждать чего-то. Чего? Улыбнуться ему, какъ неизбѣжному, и заплакать свѣтлыми лунными слезами.

Въ квартиркѣ сестры Сони жарко, кипитъ самоваръ, окна настежь, но мало помогаютъ. Только-что уложили Петьку, теперь можно спокойнѣе съѣсть пару яицъ въ смятку; да и сами устали: былъ длинный споръ, Коля съ свирѣпостью налеталъ на христіанство и на нравственность и вообще имѣлъ разбойно-воинственный видъ; проповѣдывалъ даже самоубійство. Но потомъ пріусталъ, какъ и Соничка, и въ этой слабой лѣни оба опять почувствовали, какъ собственно далеки ихъ слова, и какъ они глубоко близки другъ другу. «Что жъ это, черезъ недѣлю конецъ, послѣдній экзаменъ, аттестатъ?» «И конецъ.» «Соня, да вѣдь вы сами нынче, собственно, послѣдній вечеръ здѣсь, на этой квартирѣ, сообразите-ка.» Соня оборачивается къ Марьѣ Ивановнѣ. «Вѣдь завтра укладываться...» «Ну, значитъ нынче прощальный вечеръ, балъ разгонный!» «Соня, у васъ есть вишневка, чего-же вы жадничаете.» Соня смѣется. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то изъ головы вонъ. Послѣдній вечеръ, а всю эту зиму и Коля и Марья Ивановна были вѣрными друзьями, разгоняли ея одиночество и без-

людье съ этимъ маленькимъ Петюшкой,—сколько вечеровъ прокричали тутъ. И сколько разъ Коля рычалъ, какъ сегодня—это значитъ круто подошло отъ любви—рычалъ и семнадцатилѣтнимъ своимъ мозгомъ набрасывался на «основы».

Три рюмки полны густой, маслянисто-вишневой «влагой». Лунный лучъ играетъ въ нихъ малиновымъ бархатомъ. «За любовь, други... за май!» И всѣ трое пьютъ, и стыдливое что-то, тайное и обаятельное туманитъ всѣмъ сразу головы. Тамъ, вокругъ и внутри у сердца, и въ прошедшемъ лежитъ и вѣетъ этотъ дивный богъ, земной и небесный. И вкушая краснаго вина, не его ли крови они вкушаютъ, не свершаютъ-ли страннаго таинства подъ дыханіемъ его перваго вѣстника — мая. «Вы, вотъ, Коля, шумите и ниспровергаете, а вамъ семнадцать лѣтъ, все вамъ открыто еще и предстоитъ... Соничка, чокнемтесь за его молодость!» Женщины чокаются, и какъ старшія, обмѣниваются понимающимъ взглядомъ—съ оттѣнкомъ знанія-печали. «Ну, и то сказать: будемъ старыя и все будемъ вспоминать и говорить: что лучше мая?» Подъ окномъ тѣнь промелькнула—Коля стремглавъ бросился внизъ. У подъѣзда спряталась фигура въ платочкѣ — это Машурина Дунечка; суетъ въ руки письмишко. Духъ захватило въ Колиной груди—читаетъ: «Очень Вы меня любите? Пошли ли бы за мной на каторгу?»

Въ лунной тѣни бумага и буквы кажутся синѣющими, но глазъ остро видитъ все, онъ проникъ бы взоромъ сквозь конвертъ; тутъ же, на улицѣ, при улыбкахъ и трепетѣ огромной звѣзды, Коля пишетъ отвѣтъ: «На каторгу, на смерть, я люблю Васъ.»

И уже этого довольно. И быть можетъ, никогда онъ не будетъ знать этой Машуры, но сейчасъ душа пронизана до нѣдръ, невидимый дивный стрѣлокъ прострѣлилъ ее, и, какъ опьянѣвшій голубь, она кружитъ надъ свѣтомъ, счастьемъ и смертью, въ любви, любви.

Малый Петюшка заснулъ. Соня и Марья Ивановна засѣли на подоконникъ—молчатъ, закутаны тихимъ томленіемъ; кто-то овѣялъ ихъ прелестью, думами, точно жасминный духъ задурманилъ. «Соня, если-бъ тебя любилъ кто и сказалъ: пойди на чердакъ, прыгни въ слуховое окошко—такъ, ни съ того, ни съ сего... это хорошо бы по твоему было?» Женщины молчали, про себя улыбались и туманно сказали: «Хорошо. Такъ и надо.»

Было довольно поздно, когда Коля вышелъ отъ Сонички. Ночь успѣла уйти въ глубокія свои нѣдра, уже можно было думать о скоромъ разсвѣтѣ, и только луна сіяла еще выше и чище на небѣ. Казалось, она поблѣднѣла и съ большей серьезностью взираетъ на людей, улицу, Колю, на тихій городишко и сады въ цвѣту.

Въ переулкѣ, около Сонички, Коля услышалъ музыку; окна небольшого флигеля раскрыты, и съ аккомпаниментомъ рояли поетъ тонкое, знакомое концертино. Сразу Коля вспоминаетъ Штюрцваге: бѣлый лобъ и нѣжные, чуть влажные пальцы, какъ цвѣты; они ходятъ въ тихомъ вдохновеніи по клавіатуркѣ инструмента; и эти звуки медленно вьются, слабо-слабо плывутъ. А за роялью старая учительница музыки, къ которой каждый день ходитъ матово-бирюзовый поручикъ—точно горитъ къ ней скрыто-глубокимъ огнемъ; такъ вздыхаютъ они, томятся и услаждаютъ весенніе вечера гармоніями.

Скоро Штюрцваге вышелъ, со всегдашнимъ своимъ концертино подъ мышкой и обычнымъ ровнымъ, слегка непонятнымъ ходомъ зашагалъ въ боковую улицу.

«Это ты, Коля?» «Я». «Все такось, боюсь я ночью: не ровенъ часъ...» Тетя слегка ковыляетъ больной ногой, въ свѣтлой кофточкѣ и пенснэ. Только что она молилась передъ сномъ и сейчасъ опять пойдетъ молиться. Такъ бываетъ каждый вечеръ — каждый вечеръ съ пламенными слезами, стоя на твердомъ полу на колѣняхъ, молится она о душѣ своего Жорженьки, далекаго и безцѣннаго, съ кѣмъ предстоитъ ей встрѣча за предѣломъ жизни. Въ голубой мглѣ склоняетъ она свое древнее сердце къ Божьей лампадѣ; и слезы, стекая ровными потоками, омываютъ тетину душу, насаждая надежду и миръ. Все тогда ясно въ тетиной груди—одного она понять не можетъ: какъ-же они узнаютъ тамъ другъ друга?

Когда Коля взобрался уже къ себѣ въ свѣтелку и собирается раздѣваться, къ нему по крутой лѣсенкѣ вдругъ тащится тетя,—съ усиліемъ, стукая огромнымъ каблукомъ. Въ глазахъ ея волненіе и слезы. «Ну, Коля, вотъ ты умный человѣкъ, скажи мнѣ... какъ-же Жоржъ тамъ будетъ... похожъ на здѣшняго?» А Колино сердце терзаетъ сладкая любовь. Изъ дальней дали киваетъ ему кто-то, въ душевномъ трепетѣ чуетъ онъ нисхожденіе чудеснаго, и

снова, какъ не разъ нынче днемъ, ему хочется пасть на тетину шею и вмѣстѣ рыдать и стенать, и въ безумномъ восторгѣ бормотать что-то.

«Узнаете, тетя, узнаете!»

Забѣлѣло на востокѣ, зарозовѣло,—дымится утро. Спущены занавѣси у тети, у Коли, только ласковый вѣтеръ, какъ утренній сторожъ, посмѣивается и колышетъ; пахнетъ въ лицо сладкой сиренью. Розовыя пятна ярче, скоро приходъ огненнаго гостя изъ-за горизонта, и въ этотъ поздній часъ тихъ и глубокъ сонъ людей. Спятъ Машура, Комарикъ, Штюрцваге, Проничка, Соня, луна, тетя и Коля. Ихъ сонъ покоенъ и легокъ—точно одна, общая вуаль накинута на всѣхъ. И выше,—розовѣй и радостнѣй—встаетъ красный май, дивный и цѣлительный, огненный, свѣтлый, летитъ надъ землей легкимъ летомъ, — напѣваетъ на людскихъ душахъ, какъ на ясныхъ свирѣляхъ свои пѣсни: пѣнирозовѣющія и любовныя.

ИВАНЪ БУНИНЪ
СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ
АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ПЕТРОВЪ ДЕНЬ

Дѣвушки русалочки, нынче нашъ послѣдній день!
Свѣтъ за лѣсомъ занимается, поблѣднѣли небеса,
Собираются съ дубинами мужики изъ деревень
На опушку у зеленаго холоднаго овса.

Мы изъ рѣчки—на долину,
Изъ долины—по отвѣсу,
По березовому лѣсу—
На равнину
На востокъ, на ранній свѣтъ,
На серебряный разсвѣтъ,
На овсы—
Вдоль по жемчугу по сизому росы!

Дѣвушки русалочки, звонко стало по лугамъ.
Забѣлѣла рѣчка въ сумракѣ, въ алѣющемъ пару.
Пнями пахнетъ лѣсъ березовый по откосамъ, берегамъ,
Густъ и зеленъ онъ, кудрявый, по утру!

По утру вода тепла,
Холодна трава сѣдая—
А въ лѣсахъ она густая—
Да ужъ скоро соберутся изъ села!
Мы изъ рѣчки—на откосы,
На опушку—изъ березъ,
На бѣгу растреплемъ косы,

Упадемъ съ разбѣгу въ росы—
И до слезъ
Щекотать другъ друга будемъ,
Хохотать и, на зло людямъ,
Мять овесъ.

Дѣвушки русалочки, стойте, поглядите на разсвѣтъ!
Бѣлъ востокъ алѣетъ, ширится,—широко зарей въ поляхъ.
Ни души-то нѣту, милыя,—только ранній алый свѣтъ,
Да холодный крупный жемчугъ на стебляхъ.

Мы, нагія,
Всѣмъ чужія,
На опушкѣ, на полянѣ,
Блѣдны, по поясъ въ пару...
Намъ пора, сестрицы, къ нянѣ,
Ко двору!
Жарко въ небѣ солнце божье
На Петровъ играетъ день;
До Ильи сулитъ бездождье,
Пыль, сухмень.
Ночью омутъ нашъ, сестрицы,
Теменъ, слѣпъ.
Ночью знойныя зарницы
Зарятъ хлѣбъ.

Иванъ Бунинъ.

ПРОВОДЫ

Забилъ буграми жемчугъ, заклубился,
Взрывая малахиты подъ рулемъ.
Земля плыветъ. Отходитъ, отдѣлился
Высокій бортъ. И мы назадъ плывемъ.

Молъ опустѣлъ. На соръ и зерна жита,
Свистя, слетѣлись голуби. А тамъ
Дрожитъ корма, и длинный жезлъ бугшприта
Отходитъ и чертитъ по небесамъ.

Вотъ онъ закрылся мачтами, трубою,
Вотъ показался слѣва. Вдалекѣ
Онъ ужъ завидѣлъ море. Надъ водою
Уноситъ якорь въ глинѣ и пескѣ.

Прощай, прощай! Знакомые, чужіе—
Всѣ на кормѣ, и всѣхъ, какъ близкихъ, жаль...
И день, и ночь—безбрежная стихія,
И день, и ночь—за синей далью даль.

А мнѣ куда? Мартъ, сумерки... Къ вечернѣ
Звонятъ въ порту... Душа весной полна,
Полна тоской... Вонъ огонекъ въ таверне...
Но нѣтъ, домой! Я пьянъ и безъ вина.

Иванъ Бунинъ.

ГЕЙМДАЛЬ

«Геймдаль пилъ изъ источниковъ мудрости и слышалъ ростъ мховъ».

Геймдаль искалъ родникъ божественный.
Геймдаль, ты мудрости алкалъ—
И вотъ насталъ твой часъ торжественный
Въ лѣсахъ, среди гранитныхъ скалъ.

Они молчатъ, лѣса полночные,
Ручьи, журча, едва текутъ,
И звѣзды поздния, восточныя
Ихъ вѣщій говоръ стерегутъ.

И шлемъ ты снялъ—и холодъ счастія
По волосамъ твоимъ прошелъ:
Мигъ обрученья, мигъ причастія,
Какъ смерть, былъ сладокъ и тяжелъ.

Теперь ты мудръ. Ты жаждалъ знанія—
И все забылъ. Великъ и простъ,
Ты слышишь мховъ произрастаніе
И дрожь земли при свѣтѣ звѣздъ.

Иванъ Бунинъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТѢ

Къ оракулу и капищу Сиваха
Шелъ Александръ. Дыханіемъ костра
Дулъ вѣтеръ изъ пустыни. Тучи праха
Темнили свѣтъ и рвали ткань шатра.

Изъ-подъ шатра съ верблюда, въ тучахъ пыли,
Онъ различалъ своихъ проводниковъ:
Два ворона на синихъ крыльяхъ плыли,
Борясь съ косыми вихрями песковъ.

И вдругъ упали вихри. И верблюды
Остановились: медленно идетъ
Песками змѣй, весь черный. Изумруды
Горятъ на немъ. Глаза—какъ мутный ледъ.

Идетъ—и вотъ ихъ двое: онъ, Великій,
И змѣй, дрожащій въ солнечномъ огнѣ,
Рогатый, мутноглазый, черноликій,
Весь въ самоцвѣтахъ пышныхъ, какъ въ бронѣ.

«Склони чело и дай дорогу змѣю!»
Вѣщаетъ змѣй. И замеръ царь... О, да!
Кто назоветъ вселенную своею?
Кто властелиномъ будетъ? И когда?

Онъ, символъ и зловѣщій стражъ Востока,
Онъ тоже царь: кто жъ приметъ власть боговъ?
—Не вы, враги. Грядущій богъ далеко,
Но онъ придетъ, другъ темныхъ рыбаковъ!

Иванъ Бунинъ.

РУСЬ

Русь! Что больше, и что ярче,
Что сильнѣй, и что смѣлѣй!
Гдѣ сіяетъ солнце жарче,
Гдѣ сіять ему милѣй?

Поле, поле! Все—раздолье,
Вся душа—кипучій ключъ,
Вѣковой вспѣненный болью,
Напоенный горемъ тучъ.

Да, бѣдна ты и убога,
И несчастна и темна.
Горемычная дорога
Все еще не пройдена.

Но и нѣтъ тебя счастливѣй
На стремительной землѣ,
Нѣту счастья молчаливѣй,
Нѣту доли горделивѣй,
Больше свѣта на челѣ.

У тебя въ глуши родимой
Не народъ, а яръ-кремень,
Гнетъ терпѣлъ невыносимый
Въ темной жизни деревень.

У тебя по чернымъ хатамъ
Потомъ жилистой руки

Днямъ раздольнымъ и богатымъ
Копятъ силу мужики.

У тебя по вешнимъ селамъ
Ходятъ дѣвушки-цвѣты,
Днемъ не смаяны тяжелымъ,
Правдой юности святы.

Горе горькое изжито!
Вся омытая въ слезахъ,
Плугомъ тягостнымъ разрыта,
Солнцу грудь твоя открыта,
Счастье добыто въ бояхъ!

Много воплей запѣвали
Горя русскаго пѣвцы
И терновые сплетали
Бѣдной родинѣ вѣнцы.

Стало небо загораться,
И пора уже, пора
Бодрой пѣснѣ разыграться,
Звякнуть звонче серебра.

Изъ неволи да на волю,
Въ золотыя времена!
Покидай глухую долю,
Подошла твоя весна.

Здравствуй, міру засіявшій
Алый свѣтъ, огонь-летунъ!
Надъ тобой горитъ возставшій,
Небо заревомъ обнявшій
Богъ побѣды, яръ Перунъ!

Сергѣй Гордецкій.

ВЕСНЯНКА

Жутко мнѣ отъ вешней радости,
Отъ воздушной этой сладости,
И отъ звона и отъ грома
Ледолома
На рѣкѣ—
Сердце бьется налегкѣ.

Сердце дѣвичье узывчиво,
Солнце вешнее улыбчиво.
Ржа парного чернозема
И знакома
И страшна—
Пала на душу весна.

Верба, ягода пушистая,
Верба ласковая, чистая!
Я бы милаго вспугнула,
Хлестанула,
Обожгла,
Въ лѣсъ кружиться увела.

Я бы, встрѣтивши кудряваго,
Изъ-за облака дыряваго
Вѣтромъ волосы раздула,
И прильнула:
Милый, на!
Чѣмъ тебѣ я не весна?

Сергѣй Городецкій..

Н. Н. ВОЛОХОВОЙ

I.

Я въ дольній міръ вошла, какъ въ ложу.
Театръ взволнованный погасъ.
И я одна лишь мракъ тревожу
Живымъ огнемъ крылатыхъ глазъ.

Они поютъ изъ темной ложи:
—Найди. Люби. Возьми. Умчи.
И всѣ, кто властенъ и ничтоженъ,
Опустятъ предо мной мечи.

И всѣ придутъ, какъ волны въ море,
Какъ за грозой идетъ гроза.
Пылайте, траурныя зори,
Мои крылатые глаза!

Взоръ мой—факелъ—къ высямъ кинутъ,
Словно въ небо опрокинутъ
Кубокъ темнаго вина.

Тонкій станъ мой шелкомъ схваченъ.
Темный жребій вамъ назначенъ!
Люди! Я стройна!

Я—звѣзда мечтаній нѣжныхъ,
И въ вѣнцѣ мятелей снѣжныхъ
Я плыву, скользя...

Въ серебрѣ мятелей кроясь,
Ты горишь, мой узкій поясъ,
Млечная стезя!

II.

Я былъ смущенный и веселый,
Меня дразнилъ твой темный шелкъ,
Когда твой занавѣсъ тяжелый
Раздвинулся—театръ умолкъ.

Живымъ огнемъ разъединило
Насъ рампы свѣтлое кольцо.
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вотъ опять сіяютъ свѣчи...
Душа одна. Душа слѣпа.
Твои блистательныя плечи...
Тобою пьяная толпа...

Звѣзда, ушедшая отъ міра,
Ты надъ равниной, вдалекѣ...
Дрожитъ серебряная лира
Въ твоей протянутой рукѣ.

III.

Вотъ явилась, заслонила
Всѣхъ нарядныхъ, всѣхъ подругъ.
И душа моя вступила
Въ предназначенный ей кругъ,

И подъ знойнымъ, снѣжнымъ стономъ
Расцвѣли черты твои.
Только тройка мчитъ со звономъ
Въ снѣжно-бѣломъ забытьи...

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня въ поля...
Душишь черными шелками...
Распахнула соболя...

И о той ли вольной волѣ
Вѣтеръ плачетъ вдоль рѣки?
И поютъ и гаснутъ въ полѣ
Бубенцы, да огоньки...

Золотой твой поясъ стянутъ,
Нагло скроменъ дикій взоръ.
И мгновенья всѣ обманутъ,
Канутъ въ пламенный костеръ...

Но за темною вуалью
Мнѣ на мигъ открылась даль...
И надъ бѣлой, снѣжной далью
Пала темная вуаль.

IV.

ЛЕГЕНДА

Въ весеннюю полночь колдунья увела дѣвушку за городъ и тамъ сдала съ рукъ на руки Чорту. Но Ангелъ Утренней Грозы восхитилъ ее къ себѣ.

Изъ латинской рукописи.

Господь! Ты слышишь? Господь! Простишь ли?
Весна плыла высоко въ синевѣ.
На глухую улицу въ полночь вышли
Веселыя дѣвушки. Было—двѣ.

Но третій за ними... за ними слѣдомъ
Мелькалъ неслышный въ лучѣ фонаря.
Онъ былъ невѣдомъ... одной невѣдомъ...,
Ей казалось... казалось—близка заря.

Но синѣй и синѣе полночь мерцала,
Тая, млѣя, сгорая полношумной весной.
И одна сказала... Ты слышишь?.. Сказала:
—О, какъ страшно, подруга!.. быть съ тобой.

И была эта дѣвушка въ бѣломъ, въ бѣломъ...,
А другая—въ черномъ... Твоя ли дочь?
И одна дрожала слабенькимъ тѣломъ,
А другая смѣялась—бѣжала въ ночь...

Ты слышишь, Господи? Сжалься! О, сжалься!..
Другая, смѣясь, убѣжала прочь...
И на улицѣ мертвой, пустынной остались...,
Остались: Третій, она и ночь.

Но казалось близко... казалось близко
Трепетно бродитъ, чуть бѣлѣетъ заря...
Но синій пологъ упалъ такъ низко
И задернулъ послѣдній свѣтъ фонаря.

Былъ синій пологъ. Былъ сумракъ дологъ,
И ночь прошла мимо нихъ—пьяна.
И когда въ травѣ заблестѣлъ осколокъ,
Она осталась совсѣмъ одна...

И первыхъ лучей протянулись нити.
И слабыя руки схватили нить...
Но ужъ городъ, гудя чредою событій,
Гдѣ-то тамъ, далеко—началъ жить...

Подходили сосѣди и шептались докучно.
Дымно-сизый старикъ оперся на костыль,
И кругомъ стало душно. А въ поляхъ—однозвучно
Хохоталъ Невидимка, и разбрасывалъ пыль...

Въ этомъ огненномъ смерчѣ обняла она крѣпче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь...
Боже правый! Содѣлай, чтобы твердь стала легче!
Отврати Твой грозящій и пылающій мечъ!..

И откликнулось Небо: среди пыли и давки
Появился Архангелъ съ убѣленной рукой.
Всѣмъ казалось: Онъ вышелъ изъ маленькой лавки,
И казалось, что былъ онъ перепачканъ мукой.

Но ужъ твердь разрывало. И земля отдыхала.
Подъ дождемъ умолкала пѣсня дальнихъ колесъ.
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангелъ бѣлую дѣвушку въ Домъ Свой унесъ.

Александръ Блокъ.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ

БИБЛІОТЕКА

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ... ЦЕРКОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

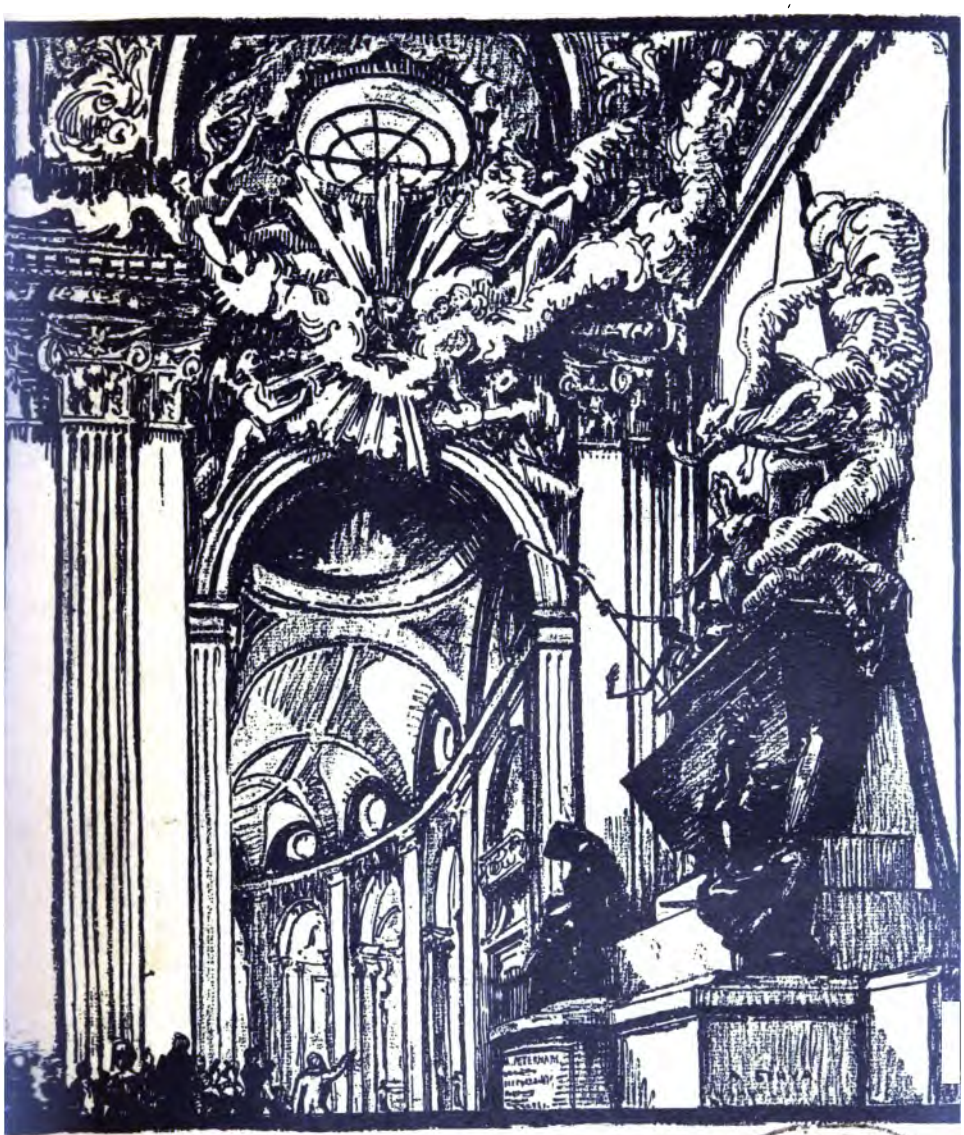
БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

ПОЕДИНОКЪ

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ



СТО ЛѢТЪ СПУСТЯ

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО ... АКАДЕМІИ

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

ДВѢСТИ ЛѢТЪ СПУСТЯ

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

СЕНТЪ·ЖОРЖЪ·ДЕ·БУЭЛЬЕ

КОРОЛЬ БЕЗЪ ВѢНЦА

ПЬЕСА·ВЪ·ПЯТИ АКТАХЪ

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЧЕРНЫЙ.
ГАСПАРЪ КЛАРИ.
ЗАХАРІЙ, каменоломъ.
ИЛЬЯ—могильщикъ.
ОВИДЪ—нищій, однорукій.
ПОМПЕЙ—полицейскій офицеръ.
ЛЕОНАРДЪ—студентъ.
БУКРОНЪ—каменоломъ.
ГАЗЕТНЫЙ РЕПОРТЕРЪ.
СТАРЫЙ ДИКЪ—слѣпой.
ЛАПОММЪ—полицейскій.
ВОЗЧИКЪ.
АНДРЭ—студентъ.
КАМЕНОЛОМЪ.
БРОДЯГА.
КРЕСТЬЯНИНЪ.
ЧЕЛОВѢКЪ.
1-й СООБЩНИКЪ.
2-й СООБЩНИКЪ.
ЛЮБОПЫТНЫЙ.
РЫБОЛОВЪ.
РАБОЧІЙ.
ЧЕЛОВѢКЪ ИЗЪ НАРОДА.
ПЬЯНИЦА.
СТАРЫЙ РЫБАКЪ.
ЛАВОЧНИКЪ.
РАЗНОСЧИКЪ ГАЗЕТЪ.
УЛИЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА.
1-й ИСЦѢЛЕННЫЙ.
2-й ИСЦѢЛЕННЫЙ.

МАТРОСЪ.
ГОРОДСКОЙ ЖИТЕЛЬ.
ЖИТЕЛЬ МѢСТЕЧКА.
СТУДЕНТЪ.
РАБОЧІЙ.
УЛИЧНЫЕ ТОРГОВЦЫ.
ЛЮДИ на крышахъ домовъ.
НЕИЗВѢСТНЫЙ.
ГОРОДОВОЙ, раненый.
2-й ГОРОДОВОЙ.
3-й ГОРОДОВОЙ.
НЕЛЛИ КЛАРИ.
МАРІЯ ЛАПУЙЛЬ.
Г-жа КЛАРИ.
ЛИЗА.
Г-жа РОЗЪ.
ЖАКЛИНА—изувѣченная нищая.
РОЗАЛИ.
ЖЕНЩИНА съ ребенкомъ на рукахъ.
КУМУШКА.
СВЯТОША.
ЖЕНЩИНА въ желтомъ платьѣ.
РАБОТНИЦА у окна.
МОЛОДЕНЬКАЯ МѢЩАНКА.
ТОЛСТАЯ ДАМА.
МОДИСТКА.
ИЗЛЕЧЕННАЯ ЧУДОМЪ.
ГОРОЖАНКА.
ЖЕНА РЫБАКА.
ПРОСТИТУТКА.
ДѢВОЧКА съ красивыми щеками.
1-я ГРИЗЕТКА.
2-я ГРИЗЕТКА.

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

Внутренность небольшого домика въ предмѣстьи. Альковъ съ постелью, въ которой спитъ молодая дѣвушка. Окно заперто. Черезъ стекла виденъ на другой сторонѣ улицы фасадъ дома; въ одномъ изъ оконъ свѣтится лампа. Наступила полная ночь.

Въ моментъ поднятія занавѣса на сценѣ видна женщина-служанка, которая разговариваетъ чрезъ пріотворенную дверь съ кѣмъ-то за сценой. Г-жа Клари сидитъ подлѣ кровати; общее впечатлѣніе большой грусти.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Лиза, г-жа Клари, Нелли.

Голосъ за сценой.

Лиза.
(говоритъ черезъ пріотворенную дверь).

Что такое?.. Кто тамъ? Это вы, господинъ Гаспаръ?

Голосъ.

Да нѣтъ же. Скажите, пожалуйста: онъ еще не вернулся?

Лиза.

А... Я знаю, кто вы... вы тотъ человѣкъ, который уже приходилъ съ часъ тому назадъ.

Голосъ.

Да, тотъ самый... Почему онъ такъ долго не возвращается?

Лиза (сердито).

А я почемъ знаю? Да на что онъ вамъ?

Голосъ (очень рѣзко).

У меня къ нему дѣло... васъ это не касается.

Г-жа Клари (подходя, очень тихо).

Нельзя ли не шумѣть.

Голосъ.

Если бы вы топтались, какъ я, на камняхъ, по крайней мѣрѣ, три четверти часа...

Г-жа Клари.

Потише, прошу васъ... У насъ въ домѣ больная.

Голосъ (мягче).

Больная? Простите, пожалуйста.

Г-жа Клари.

Не то бы васъ давно уже попросили... войти.

Голосъ.

Хорошо, хорошо... Я уйду и буду ждать на дорогѣ.

Г-жа Клари.

Вы бы лучше пришли завтра утромъ.

Голосъ (насмѣшливо).

Спасибо за совѣтъ. Я не по сосѣдству съ вами живу. (удаляется).

Г-жа Клари (Лизѣ).

Это, кажется, рабочій?

Лиза.

Да... тоже изъ тѣхъ, которыхъ разсчитали... пришелъ жаловаться (она запираетъ дверь. Молчаніе; затѣмъ слышенъ издали рѣзкій фальшивый звукъ охотничьяго рожка).

Г-жа Клари (нервно).

Вотъ несчастіе!.. Точно онъ не могъ бы трубить днемъ.

Лиза (примирительно).

Днемъ онъ работаетъ. (Слышенъ голосъ съ постели).

Нелли.

Мама! мама!..

Г-жа Клари.
(быстро подходитъ къ постели дочери).

Это она во снѣ. Она не проснулась...
(Лиза садится за вязанье ближе къ окну. Г-жа Клари подходитъ къ ней очень тихо и садится подлѣ нея).

Лиза.

Посмотрите—рабочій... вотъ онъ... прямо противъ окна стоитъ; ужъ не замышляетъ ли онъ чего-нибудь?..

Г-жа Клари.

Гаспаръ его не испугается... Не такъ-то легко нагнать на него страхъ.

Лиза.

Да... Господинъ Гаспаръ не трусливаго десятка.

Г-жа Клари.

Всѣ они лѣнтяи; имъ бы только получить деньги...

спустить ихъ въ кабакѣ, а когда дѣло доходитъ до работы, они отлыниваютъ. Не мудрено, что выходятъ скандалы.

Лиза (презрительно).

Если бы господинъ Гаспаръ былъ такой какъ они...

Г-жа Клари.

Пришлось бы уѣхать и покинуть на произволъ судьбы каменоломни... (задумчиво) Возможно, что дѣло этимъ и кончится.

Лиза.

Конечно, если они не хотятъ работать...

Г-жа Клари.

Ахъ, Лиза. Не въ одномъ только этомъ горе... (больная тяжело вздыхаетъ). Нелли, Нелли! Дѣточка моя!.. Ты слышала?

Лиза.

Да... кажется, она стонетъ.

Г-жа Клари (наклонясь къ дочери).

Она дышитъ ровнѣе.

Лиза.

Ей, кажется, лучше сегодня.

Г-жа Клари.

Лучше? Ты думаешь? Ужъ не знаю... Вспомни, какая она была недѣлю тому назадъ. А теперь какая стала блѣдная... Точно сто лѣтъ спала подъ снѣгомъ... Когда же, наконецъ, вернется Гаспаръ? (подходитъ къ окну и выглядываетъ на улицу). Этотъ человѣкъ все ходитъ подъ окнами... Который часъ? Должно быть, очень поздно.

Лиза (посмотрѣвши на часы).

Скоро одиннадцать.

Г-жа Клари.

Уже одиннадцать! (опять раздаются звуки охотничьяго рожка, приводящіе въ ужасъ г-жу Клари). Ахъ этотъ человѣкъ... Лиза!.. Это ужасно—вѣдь ужъ вся деревня спитъ... (звукъ рожка продолжается и не прекращается до конца сцены).

Лиза.

А вотъ г-жѣ Розъ вѣрно пріятно слушать музыку.

Г-жа Клари
(поворачиваясь къ окну, освѣщенному лампой, насупротивъ).

Она, бѣдная, все шьетъ... Навѣрно опять будетъ работать до глубокой ночи. Когда я подумаю, что заказала ей такъ еще недавно кружевной шарфъ для Нелли... А теперь все кончено!.. Всѣ несчастья сразу обрушились на насъ. (Въ эту минуту слышны шаги наверху, въ верхнемъ этажѣ; затѣмъ шумъ, точно наливаютъ воду изъ крана).

Лиза.

Ну вотъ... Теперь верхніе жильцы завозились!

Г-жа Клари (нервно).

Хоть бы они постѣснялись; они вѣдь знаютъ... (Она направляется къ кровати. Лиза тоже видимо раздражена. Слышно, какъ окно въ верхнемъ этажѣ открывается и затѣмъ оттуда выливаютъ на улицу воду. Г-жа Клари быстро подходитъ къ постели). Боже мой!.. Боже мой!.. Какъ не стыдно такъ не думать о другихъ. Слава Богу... не проснулась. Посмотри на нее. Она кажется еще меньше на большой постели... Такое крошечное существо... А какъ къ нему привязываешься... оно дороже мнѣ всего на свѣтѣ! Нелли—красавица моя! (отходитъ отъ постели; молчаніе).

Лиза.

Вы утомлены... вы бы легли спать.

Г-жа Клари.

Что ты, Лиза, съ ума сошла? Чтобы я... пошла...

Лиза.

Вы совсѣмъ выбились изъ силъ... На васъ лица нѣтъ.

Г-жа Клари.

Но подумай. Если бы Нелли случайно...

Лиза.

Господинъ Гаспаръ и я будемъ при ней. Этого достаточно.

Г-жа Клари.

Но вѣдь ты знаешь, Лиза, что она никого не выноситъ. Она такъ измѣнилась во время болѣзни.

Лиза.

Вы ужъ очень ее балуете.

Г-жа Клари.

Какая ты строгая... Видно, что говоришь не о своемъ ребенкѣ.

Лиза.

Вѣдь вы уже шесть ночей не спите... Кончится тѣмъ, что сами...

Г-жа Клари (живо).

Я совсѣмъ не устала... Меня гораздо больше утомляетъ бездѣйствіе, чѣмъ уходъ за дѣвочкой. Когда дѣлаешь что-нибудь для своего ребенка, то кажется, что приносишь пользу, и это поддерживаетъ силы. Но когда видишь, какъ она томится и страдаетъ и не можешь ничѣмъ помочь... облегчить боль... когда думаешь, что вотъ вотъ рѣшится ея

судьба... и нѣтъ возможности ее спасти... вотъ чего нельзя вынести!

Лиза.

Да не мучьте вы себя такъ.

Г-жа Клари.

Скажи мнѣ, что она скоро выздоровѣетъ... (задумчиво) Страшный холодъ сдѣлаетъ ее неподвижной, сгонитъ всю краску съ лица... Боже! ты слышишь!.. (поворачивается къ постели, услыхавъ стонъ Нелли). При каждомъ ея вздохѣ у меня сердце разрывается отъ горя. (Снова шумъ шаговъ наверху; тамъ передвигаютъ какую-то тяжелую мебель).

Нелли (во снѣ).

Мама!.. Онъ проситъ подаянія... проситъ подаянія!

Г-жа Клари.

О чемъ это она?

Нелли.

Безъ плаща... и безъ вѣнца!

Лиза (подойдя къ постели).

Она со сна... Опять, вѣрно, приснилось что-нибудь.

Г-жа Клари.

Это она про ту сказку... Знаешь, сказку о принцѣ... (подойдя къ постели) Нелли, крошка моя, успокойся! (отходитъ отъ постели и подходитъ къ окну). Если бы хоть не было опять бури... какъ вчера...

Лиза.

Небо все въ черныхъ тяжелыхъ тучахъ.

Г-жа Кларп.

Пусть бы пошолъ дождь... онъ разогналъ бы бродягъ. А тотъ человѣкъ не ушелъ, Лиза?

Лиза.

Онъ ходитъ передъ домомъ...

Г-жа Кларп.

Боже мой! Какъ долго Гаспаръ не приходитъ...

Лиза.

Его вѣрно задержали.

Г-жа Кларп.

Но онъ знаетъ, что сестра больна... Удивляюсь ему...

Лиза.

Вы бы взяли книгу, почитали бы до его прихода.

Г-жа Клари (взявъ книгу).

Да, я почитаю... (начинаетъ читать, но вскорѣ поднимаетъ голову) Какъ темно... Не видать дорогу на десять шаговъ... (пауза, затѣмъ слышенъ шумъ наверху).

Лиза (глядя чрезъ окно).

Посмотрите. Господинъ Гаспаръ...

Г-жа Клари
(вскакиваетъ и также смотритъ въ окно).

Онъ говоритъ съ этимъ человѣкомъ, (пріоткрываетъ дверь и высовываетъ голову). Гаспаръ! Лиза, не отходи отъ Нелли... Гаспаръ! Иди же скорѣй домой.

Голосъ Гаспара (за сценой).

Отъ тебя и твоихъ товарищей требуютъ одного: работайте.

Г-жа Клари.

Гаспаръ! Гаспаръ! Да иди же, наконецъ. (Слышенъ гулъ голосовъ; затѣмъ, наконецъ, появляется Гаспаръ, чрезвычайно взволнованный).

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Лиза, Г-жа Клари, Нелли, Гаспаръ.

Гаспаръ
(говоритъ, обращаясь то къ человѣку за сценой, то къ присутствующимъ).

Скалы сами что ли обвалятся... какъ при Іерихонѣ?.. Такъ вы требуете, чтобы я ушелъ! Посмотримъ, чья возьметъ!.. (затворяетъ дверь и входитъ въ то время, какъ человѣкъ за сценой продолжаетъ ворчать). — Ну и народъ, нечего сказать. Не могу же я одинъ работать за всѣхъ нихъ! (Онъ замѣчаетъ, наконецъ, мать, которая выражаетъ жестами большое безпокойство). Бѣдная мама, ты безпокоилась... А какъ Нелли? Мы ее, вѣрно, разбудили.

Г-жа Клари.

Какъ ты сегодня поздно вернулся, Гаспаръ.

Гаспаръ (съ мрачнымъ видомъ).

Не веселье меня задержало.

Г-жа Клари.

У тебя были опять непріятности? Когда, наконецъ, они оставятъ тебя въ покоѣ... Бездѣльники!

Гаспаръ.

Они требуютъ моей отставки.

Г-жа Клари.

Какъ? Твоей...

Гаспаръ.

Да.

Г-жа Клари.

А этотъ человѣкъ... который только что приходилъ?..

Гаспаръ (рѣзко).

Онъ приходилъ... отъ нихъ... опять... ставить мнѣ условія. Въ сущности, онъ хочетъ выжить меня и ни болѣе ни менѣе какъ занять самъ мѣсто начальника... Оно вѣдь недурное.

(Пауза. Всѣ задумались. Наверху уже тихо. Охотничій рожокъ смолкъ. Полная тишина. Гаспаръ садится. Его мать сидитъ въ креслѣ. На столѣ горитъ лампа. Мирная семейная картина).

Г-жа Клари (тихо).

А хозяинъ? Онъ-то, надѣюсь, за тебя?

Гаспаръ.

Да, онъ меня отстаиваетъ... Въ немъ я увѣренъ. Но что, если начнется стачка? Имъ вѣдь главное — подъ какимъ угодно предлогомъ сидѣть въ кабакахъ. А тутъ еще проявился этотъ... Черный. Давно бы слѣдовало запретить ему жить здѣсь и смущать народъ.

Г-жа Клари.

Бродяга какой-то—никто не знаетъ, откуда онъ.

Гаспаръ.

Онъ тащитъ за собою разный сбродъ... какую-то тварь, которую зовутъ Лапуйль... могильщика, который заявляетъ, что ему надоѣло закапывать мертвецовъ въ землю... и что онъ хочетъ ихъ разбудить... И есть люди, которые идутъ на эту удочку. Одинъ изъ моихъ старыхъ каменоломовъ уже...

Г-жа Клари.

Ахъ да—Захаріанъ? Что съ нимъ сталось?

Гаспаръ.

Онъ приходитъ на работу только для того, чтобы ораторствовать. А вѣдь былъ хорошій рабочій...

Г-жа Клари (задумчиво).

Все это плохо кончится.

Гаспаръ.

Они ужъ стали откровенно проповѣдывать праздность. Не нужно работать въ каменоломняхъ, учатъ они. Камни служатъ только эгоизму людей... Все строится для мертвыхъ... Всѣ дома могилы. Настоящая жизнь тамъ, гдѣ просторъ... гдѣ свобода... (задумчиво). Свобода... Чертъ возьми, кто бы не хотѣлъ свободы!

(Въ то время, какъ онъ говоритъ, Нелли приподнимается, садится на постели и со страннымъ, взволнованнымъ видомъ слушаетъ его. Вдругъ она поворачивается къ пораженному ея видомъ Гаспару).

Нелли (возбужденно).

Это онъ такъ говоритъ?.. Онъ это сказалъ?

Гаспаръ
(смотритъ на нее, не понимая).

Да, онъ, Черный, и другіе. Всѣ они такъ говорятъ...

Нелли
(обращаясь къ Гаспару, съ затаенной враждебностью).

А ты... ты это слышалъ?

Гаспаръ.

Да... Я разъ случайно слышалъ.

Нелли.

И что же? Что ты почувствовалъ при этихъ словахъ?

Гаспаръ (безпокойно).

Да ничего... Почему ты такъ волнуешься? (онъ хочетъ ее приласкать, успокоить; но она быстро отворачивается, чтобы не видѣть его).

Нелли (почти плача).

И вѣдь ты все-таки не злой...

Гаспаръ (стараясь ее успокоить).

Нелли, милая, ну что ты сердишься? (къ матери). Мама, мама! Взгляни на нее...

Г-жа Клари
(встревоженная, подойдя къ постели).

Нелли, моя дорогая, дитя мое!.. закрой глазки, дѣточка, и не разговаривай со старшими.

Нелли (очень холодно).

Хорошо. Я буду молчать... (ложится; слышно какъ она тяжело стонетъ)... Боже!..

Гаспаръ (тихо г-жѣ Клари).

Что съ нею, мама?

Г-жа Клари (также тихо).

Это такъ, пройдетъ. У нея разстроены нервы отъ всего, что дѣлается кругомъ. Не обращай вниманія на каждое ея слово.

Гаспаръ.

Но сегодня она какая-то совсѣмъ странная... Развѣ ты не находишь? Она меня почти оттолкнула...

Г-жа Клари.

Ты вѣдь видишь, какая она стала нервная. Зачѣмъ ты съ ней споришь? Ты ее утомляешь.

Гаспаръ.

Я?.. Это я ее утомляю?

Г-жа Клари.

Отойди. Твоя близость волнуетъ ее... (Гаспаръ отходитъ къ Лизѣ, которая сидитъ у окна).

Гаспаръ.

Что я ей сдѣлалъ? Не знаешь ли ты, Лиза?

Лиза.

Да вамъ все это только кажется.

Гаспаръ.

Я ее такъ люблю... я смотрю на нее какъ на дочь.

Лиза.

Развѣ можно огорчаться тѣмъ, что говоритъ больная?..

Гаспаръ.

Самое обидное — это, что она молчитъ, когда я подхожу къ ней и хочу ее поцѣловать...

Лиза.

Все это одно воображеніе...

Гаспаръ.

Нѣтъ... Я это ясно вижу... Она была моей единственной отрадой въ жизни... Произошло что-то странное... (онъ задумывается, потомъ говоритъ, какъ будто отвѣчая самому себѣ). Впрочемъ, можетъ быть, дѣйствительно, она просто

нервничаетъ... Неужели я ошибаюсь, Лиза? (онъ смотритъ на мать, сидящую у постели; она очень блѣдна и печальна. Онъ говоритъ тихо, указывая на нее Лизѣ). Бѣдная мама! Какая она измученная!

Лиза.

Еще бы! Вотъ уже сколько дней она не спитъ. Вы бы уговорили ее прилечь. Можетъ быть, она васъ послушается.

Гаспаръ.

Она думаетъ, что ея долгъ не отходить отъ ребенка, пока она можетъ еще держаться на ногахъ.

Лиза.

Приготовить питье для больной можно бы и безъ нея... Она напрасно изводитъ себя. (Она видитъ въ окнѣ, что сосѣдка взяла лампу со стола, и что тѣнь ея мелькаетъ за занавѣской). Вотъ уже швея унесла лампу... Она также собирается лечь спать...

Гаспаръ.

Она обыкновенно дольше сидитъ за работой.

Лиза
(удивленная, смотритъ, прижавъ плотно лицо къ оконному стеклу).

Странно... Что это она дѣлаетъ?

Гаспаръ.

Она подошла къ двери...

Лиза.

Она, кажется, видитъ что-то, чего намъ не видно...

Гаспаръ.

Я пойду посмотрѣть (отвѣчая на испуганный жестъ г-жи Клари). Чего ты боишься? (выходитъ въ то время, какъ Лиза продолжаетъ слѣдить изъ окна. Нелли проснулась).

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Тѣ же, безъ Гаспара.

Нелли.

Мама... Кто это вышелъ? Гаспаръ?

Г-жа Клари.

Да... Онъ сейчасъ вернется.

Лиза.

Онъ вышелъ поговорить съ сосѣдкой...

Нелли
(дѣтскимъ тономъ, печально).

А что же мой шарфъ? Когда она его принесетъ? Почему онъ такъ долго не сшитъ?

Г-жа Клари.

На что онъ тебѣ, дорогая, пока ты больна и лежишь въ постели?

Нелли.

Она вѣдь обѣщала.

Г-жа Клари.

Она очень занята; у нея много работы.

Нелли (значительно).

Какой? Она шьетъ черныя платья.

Г-жа Клари (испуганно).

Черныя платья?

Нелли (неумолимо)..

Да, для тѣхъ, у кого кто-нибудь умеръ.

Г-жа Клари.

Что это тебѣ взбрело на умъ? Я не знаю никого, у кого бы...

Нелли.

Если пока никто не умеръ—то значитъ скоро умретъ...

Г-жа Клари.

Она съ ума сошла... Боже мой! Откуда у нея такіе кошмары? Нелли, дитя мое! это Гаспаръ такъ взволновалъ ее.

Нелли.

Мама! мама! Мнѣ дурно. Я очень больна.

Г-жа Клари
(съ лихорадочнымъ возбужденіемъ).

Очень больна? А я еще смѣюсь. Дитя мое дорогое, не тревожься. Какая ты странная... Вотъ видишь, я спокойна. Малѣйшее безпокойство измѣнило бы мое лицо... Такъ и ты не бойся. Ты вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю... Вся моя радость въ тебѣ... Успокойся, молю тебя!

Нелли (съ отчаяніемъ).

На меня напала такая страшная слабость.

Г-жа Клари.

Боже, я никогда не видѣла ее такой взволнованной... (зоветъ служанку) Лиза, дай мнѣ ея питье. Посмотри... она вся въ огнѣ... мечется, ни на минуту не лежитъ спокойно. Постарайся заснуть, дѣточка!

Нелли (съ ужасомъ въ голосѣ).

Я боюсь, что уже больше не проснусь.

Г-жа Клари.

Я тутъ, подѣ тебя... Ты только слушайся меня—я тебя

вылѣчу! (смѣясь сквозь слезы). А потомъ какая у тебя будетъ чудная блестящая птичка...

Нелли.

Навѣрное? ты это серьезно?

Г-жа Клари.

Ну да... только... не двигайся.

Лиза.

Полежите спокойно—хоть немножко. (Она приноситъ въ чашкѣ питье, которое г-жа Клари протягиваетъ къ губамъ Нелли. Она выпиваетъ, и мать, смѣясь сквозь слезы, гладитъ ее по щекѣ).

Нелли.

Все меня волнуетъ, Лиза... все! Что мнѣ дѣлать? Гаспаръ все еще не вернулся?

Лиза.

Онъ гуляетъ по дорогѣ.

Нелли.

Вѣдь уже глубокая ночь... Не говорите, что нѣтъ. Я вѣдь слышала... (вдругъ лицо ея становится радостнымъ, какъ у ребенка, который ждетъ чего-то пріятнаго). Мама, если хочешь доставить мнѣ удовольствіе, разскажи мнѣ сказку о Принцѣ-Нищемъ.

Г-жа Клари.

Еще разъ?

Нелли (живо).

Да, да, мамочка. Потомъ я буду очень послушной (начинаетъ сама разсказывать). Такъ какъ же это было? Онъ убѣжалъ...

Г-жа Клари (покорно продолжая).

И бродилъ среди сосенъ, на берегу моря...

Нелли (увлеченная грезами).

На берегу туманнаго сѣвернаго моря...

Г-жа Клари.

Онъ промѣнялъ свой королевскій скипетръ...

Нелли.

На суковатую палку бродяги...

Г-жа Клари.

И онъ жилъ подаяніемъ...

Нелли (продолжаетъ).

Бѣдныхъ рыбаковъ (прерываетъ себя, встревоженно и печально). Нѣтъ, подумай только, мама! Принцъ—подаяніемъ рыбаковъ!

Г-жа Клари (стараясь ее успокоить).

Какъ все это ее волнуетъ... Положи головку сюда, спокойно... и усни. И если приснится страшный сонъ...

Нелли.

Мама! А что если самъ принцъ...

Г-жа Клари.

Принцъ? Не бойся... я его приму...

Нелли (засыпая).

Ты мнѣ обѣщаешь? Ты его примешь... по царски?

Г-жа Клари.

да... По царски... (къ Лизѣ) Наконецъ то она закрыла

глазки. Жемчужина моя... принцесса моя! Она стала ровно дышать. (Дверь отворяется, и появляется Гаспаръ, въ сопровожденіи женщины). А, вотъ Гаспаръ... и сосѣдка.

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Гаспаръ, г-жа Клари, Нелли, г-жа Розъ.

Г-жа Розъ (въ сильномъ волненіи).

Я ихъ видѣла... Я въ этомъ увѣрена...

Гаспаръ.

Что жъ? Это возможно... (смѣясь) Но ихъ почему-то не стало.

Г-жа Клари.

Мало развѣ тутъ бродягъ шляется.

Лиза.

И какъ разъ теперь у насъ тутъ...

Г-жа Розъ.

Ну да. А я одинокая женщина...

Г-жа Клари.

Вы совершенно правы, что безпокоитесь. Присядьте, пожалуйста... Если послушать Гаспара...

Г-жа Розъ.

Я вся дрожу отъ страха.

Гаспаръ (стараясь ее успокоить).

Но вѣдь вы видѣли, я тщательно всюду смотрѣлъ.

Г-жа Розъ.

Ночь темная... не разглядѣть.

Лиза.

Да... со всѣхъ сторонъ облака набѣгаютъ на луну.

Г-жа Клари (тихо Лизѣ).

Не говори такъ громко... Слава Богу, Нелли заснула... Я такъ рада. Какъ вы ее находите, г-жа Розъ?

Г-жа Розъ.

Она спокойнѣе...

Г-жа Клари.

Не правда ли? (радуясь, точно дѣвочка совсѣмъ выздоровѣла). Теперь уже вы можете сшить шарфъ...

Г-жа Розъ
(вынимаетъ весело шарфъ, радуясь, что дѣлаетъ пріятный сюрпризъ).

Вотъ онъ—я его принесла... Надѣюсь, что скоро она сможетъ надѣть его.

Г-жа Клари (взявъ у нея шарфъ).

Какая вы милая!

Г-жа Розъ.

Какъ я рада, что вы довольны.

Г-жа Клари (разворачивая шарфъ).

Какая красота—точно райская одежда! Настоящій уборъ для богини... (пауза; онѣ разсматриваютъ шарфъ и разговариваютъ; вдругъ шумъ за сценой)..

Лиза (встаетъ, испуганная).

Это оттуда, съ дороги. Вы развѣ не слышите?

Гаспаръ (спокойно).

Кто-то идетъ по дорогѣ... есть чего пугаться.

Лиза
(прижавшись лицомъ къ окну).

На дорогѣ стоитъ кучка людей.

Г-жа Розъ.

Вотъ видите—я была права...

Г-жа Клари.

Лишь бы только они не разбудили ее. (Она съ безпокойствомъ направляется къ кровати. Гаспаръ, Лиза и сосѣдка, чрезвычайно взволнованные, подходятъ къ окну и безпокойно выглядываютъ изъ него).

Гаспаръ.

Гдѣ же они прежде скрывались? Притаимся, чтобы они насъ не увидѣли.

Г-жа Розъ.

Напротивъ... иначе...

Гаспаръ.

Я желалъ бы знать, что они замышляютъ...

Лиза.

Ихъ четверо... одна женщина... Развѣ вы ихъ знаете?..

Гаспаръ
(стараясь получше разсмотрѣть).

Что? Я бы хотѣлъ ихъ разглядѣть... Но такъ темно...

Лиза.

Почему они стоятъ на мѣстѣ?

Гаспаръ (къ г-жѣ Розъ).

Осторожно... Не высовывайте голову.

Г-жа Розъ.

Боже мой! Боже мой! Неужели вы думаете...

Гаспаръ.

Однако... Вотъ странно.

Лиза.

Развѣ вы знаете, кто это?.. Они направляются къ намъ...

Гаспаръ.

Да... да... Неужели они въ самомъ дѣлѣ хотятъ...

Лиза.

Они подходятъ къ дому.

Гаспаръ (про себя).

Какъ!.. Они навѣрно думаютъ...

Г-жа Розъ.

Нѣтъ, они отошли...

Лиза.

Они сворачиваютъ съ дороги и направляются въ деревню.

Г-жа Клари.

Лишь бы только имъ не вздумалось...

Гаспаръ.

Кажется, они меня замѣтили чрезъ окно...

Г-жа Клари (грустно).

Такъ это опять недовольные тобой?

Гаспаръ.

И что за сбродъ! Хуже, чѣмъ нищіе, которые сидятъ при дорогѣ и выставляютъ на показъ свои раны... Я очень хотѣлъ бы поглядѣть на нихъ поближе... Если бы не наша Нелли...

Г-жа Клари.

Ахъ, Гаспаръ! Сколько людей тебя ненавидятъ!..

Гаспаръ (презрительно).

Кабацкій болтунъ... Черный... какъ они его называютъ...

Г-жа Клари.

Какъ... это онъ!..

Гаспаръ.

И его шайка...

Лиза.

Чего они бродятъ вокругъ нашего дома?

Гаспаръ.

Вѣроятно ищутъ пристанища на ночь... Надвигается гроза.

Лиза.

Такъ пусть пойдутъ переночевать въ корчму.

Гаспаръ.

Они привыкли спать въ оврагахъ, гдѣ попало... въ амбарахъ, на соломѣ... въ конюшняхъ, у добрыхъ людей...

Г-жа Розъ (испуганно).

Видѣли, какая молнія сверкнула тамъ... на западѣ?

Гаспаръ.

Да, все небо освѣтилось.

(Громъ).

Всѣ.

Какой страшный громъ!

Нелли (вскакивая).

Что случилось? Мнѣ страшно...

Г-жа Клари.

Дѣточка моя! Какъ ты закричала...

Нелли (слабымъ голосомъ).

Мама...

Г-жа Клари.

Что, милая?

Нелли (дрожа, стуча зубами).

Мнѣ холодно... Вѣрно сильный дождь.

Г-жа Клари.

Какъ ты дрожишь... Что съ тобой?

Нелли.

Я такъ ослабла...

Г-жа Клари.

Молю тебя, не бойся! Боже, ты такъ волнуешься—я не могу этого видѣть... (обращаясь къ другимъ) Она становится все блѣднѣе и блѣднѣе... Дитя мое.

Нелли (вдругъ очень серьезно).

Я хотѣла бы знать...

Г-жа Клари (не понимая).

Что?

Нелли.

Если бы меня не стало...

Г-жа Клари
(потрясенная ея словами).

Тебя не стало? Да ты не знаешь, что говоришь...

Нелли (твердо).

Скажи, мама... Что бы стало съ тобой, если бы твоя дѣвочка покинула тебя?.. совсѣмъ... навсегда?

Г-жа Клари.

Ты меня убиваешь, когда такъ говоришь...

Нелли.

Бѣдная мама... Ты уже теперь плачешь!..

Г-жа Клари.

Какая ты жестокая! Неужели тебѣ пріятно мучить меня... ты всячески стараешься причинить мнѣ страданіе.

Нелли (суровымъ тономъ).

Только ты одна будешь страдать...

Г-жа Клари (испуганно).

Только я? А твой братъ?.. Боже мой! Что съ нею?..

Нелли (смѣясь).

Они всѣ споютъ пѣсенку... а потомъ забудутъ.

Г-жа Клари.

Они не...

Нелли
(дѣлаетъ утвердительный знакъ головой; затѣмъ, думая о другомъ).

Слышишь, какъ дождь стучитъ въ окна? Какой страшный громъ. Слышишь?..

Г-жа Клари.

Поднялась настоящая буря.

Нелли.

А онъ, мама... онъ вѣдь подъ бурей... и у него нѣтъ плаща.

Г-жа Клари.

О комъ ты говоришь, дитя мое?

Нелли.

Ты знаешь... ты знаешь... о прекрасномъ принцѣ...

Г-жа Клари.

Ахъ да. Онъ...

Нелли (съ упрекомъ).

Вотъ видишь... ты уже забыла о немъ... Уже...

Г-жа Клари (смѣясь).

Но вѣдь ты помнишь... этого достаточно. (Стукъ въ дверь).

Всѣ.

Что это? вы слышали?

Нелли
(подымаясь на своей постели).

Это онъ. Это навѣрное онъ!..

Лиза
(смотритъ сквозь замочную скважину).

Господинъ Гаспаръ... это они... они стоятъ за дверью...

Гаспаръ (совершенно спокойно).

Они вѣдь не пришли убивать насъ... Нужно узнать, что имъ нужно...

Голоса (за дверью).

Послушайте. Есть тутъ кто-нибудь?

Гаспаръ (отвѣчая подлѣ двери).

Есть... Только потише... Нечего поднимать такой шумъ.

Нелли (очень взволнованная).

О мама! мама!

Голоса (за дверью).

Отворите... мы промокли до костей...

Гаспаръ (холодно).

Постучитесь въ другія двери.

Голоса.

Это единственный домъ, гдѣ виденъ свѣтъ,

Гаспаръ.

Что это они—не знаютъ развѣ? (тихо и очень быстро людямъ, стоящимъ за дверью) У насъ въ домѣ больная...

Нелли
(которая слышала слова Гаспара).

Впусти ихъ... я тогда воскресну.

Г-жа Клари.

Боже мой! Скажи имъ, чтобы они ушли. Какъ она волнуется.

Гаспаръ.

Нѣтъ... Я не буду ничего больше отвѣчать. Имъ надоѣстъ стучать... Не стану пускать къ себѣ бродягъ. Они не знаютъ, видно, кто я.

Голоса.

Знаемъ... Поэтому...

Гаспаръ (сердито).

Что поэтому?..

Лиза.

Они уходятъ.

Нелли.

Вы уходите? Господи Боже мой... они не хотятъ спасти меня отъ смерти... Мама, верни ихъ... молю тебя!

Гаспаръ.

Ну вотъ... они довели ее до бреда! (Снова стукъ).

Голоса.

Это безчеловѣчно! Послушайте...

Гаспаръ
(людямъ, которыхъ невидно).

Я вамъ сказалъ...

Голоса.

Пустите насъ хоть въ погребъ.

Гаспаръ.

Нѣтъ. На что дома? Ихъ нужно разрушать—такъ вѣдь?

Голоса.

Да—если они построены изъ жесткаго, бездушнаго камня.

Гаспаръ.

Бездушнаго! Слышишь, что они говорятъ?

Нелли.

Какая дивная музыка! Ангелы... они окружаютъ принца!

Голоса.

Да... принца, у котораго нѣтъ крова... который голоденъ...

Гаспаръ.

Вмѣсто хлѣба я могу накормить его свинцомъ, а помѣщеніемъ ему будетъ большой деревянный ящикъ... Убирайтесь скорѣй, не то плохо будетъ...

Нелли.

О, мама! Что онъ говоритъ?

Г-жа Клари (плача).

Они ее убьютъ... Они ее убьютъ!

Нелли (внѣ себя).

Мама! мама! Не давай ему уйти.

Голосъ.

Пожалѣйте насъ. Мы измокли до костей...

Другой голосъ.

Если насъ не впустятъ... я выломаю дверь...

Третій голосъ.

Отворите... Отворите... отворите же!..

Четвертый голосъ.

Впустите... Просимъ васъ именемъ Господа... (стукъ кулаками въ дверь. Нелли подымается на постели, стаскиваетъ одѣяло, тяжело дыша. Женщины сбились кучкою въ уголъ, страшно испуганныя. Гаспаръ ходитъ отъ дверей къ окну, сжимая кулаки).

Гаспаръ.

Негодяи!.. Стоятъ за дверью... кричатъ... не думая о другихъ... (становится возлѣ окна и кричитъ). Если бы вы

не были бродягами съ большой дороги... шайкой мошенниковъ... (въ это время слышны шаги и громкіе голоса сверху; тамъ, очевидно, проснулись).

Сосѣдъ (сверху, чрезъ окно).

Госпожа Клари!

Г-жа Клари.

Что вамъ нужно?

Сосѣдъ.

Что у васъ такое? Что случилось? (въ это время изъ-за дверей слышны угрозы бродягъ).

Гаспаръ (съ бѣшенствомъ).

Тамъ, за дверью, шайка бродягъ, которые грозятъ ворваться къ намъ... (сосѣди наверху отворяютъ окна, и слышно, какъ они ругаютъ бродягъ и Чернаго. Въ этотъ моментъ Нелли соскакиваетъ съ постели, пользуясь тѣмъ, что всѣ подошли къ окну и не видятъ ее. Она однимъ прыжкомъ подбѣгаетъ къ двери, страшно блѣдная).

Лиза (испуганная).

Куда вы?

Гаспаръ (поворачивается).

Мама!... Нелли!...

Г-жа Клари (къ Нелли, обнимая ее).

Нелли! Нелли! Ты не...

Нелли (вырываясь).

Пусти меня!.. Пусти меня!.. Я должна... Ты слышишь... (наконецъ, Нелли вырывается, подбѣгаетъ къ двери и старается открыть ее).

Г-жа Клари (рыдая).

Нелли! Нелли! Она сошла съ ума! (Нелли, наконецъ, открываетъ дверь. Молнія освѣщаетъ сцену. Появляются: Черный, Лапуйль, Захаріанъ, Илья).

Всѣ.

А! А! Нѣтъ... Развѣ... Развѣ..

Нелли
(у ногъ Чернаго, которыя она покрываетъ кружевами своего шарфа).

Мой бѣдный принцъ! Бѣдный принцъ!...

Черный (улыбаясь).

И они могли подумать, что она умретъ... Когда въ ней одной только... здѣсь... жизнь! (Сверху крики встревоженныхъ сосѣдей).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II-е.

Небольшая голая полянка въ лѣсу, на высотѣ. Вдали видны крыши Парижа. На зарѣ.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Марія и Нелли (выходятъ изъ лѣсу).

Марія
(указывая рукой на кого-то въ лѣсу).

Смотри... онъ опять погрузился въ думы.

Нелли.

Онъ точно слушаетъ что-то.

Марія.

Мнѣ всегда кажется, что онъ слышитъ голоса...

Нелли (таинственно улыбаясь).

Должно быть, онъ бесѣдуетъ съ какимъ-нибудь ангеломъ.

Марія.

Мы слишкомъ ничтожны для него... Онъ такъ прекрасенъ, такъ чистъ... Когда я подумаю, съ какими людьми ему приходится жить...

Нелли.

Ты ихъ тоже не любишь, Марія?

Марія.

Они не понимаютъ его... Они тупы... грубы...

Нелли
(съ выраженіемъ дѣтскаго ужаса).

А я ихъ боюсь.

Марія.

У нихъ на умѣ одно только зло... Они теперь тоже ушли тайкомъ къ рабочимъ... Они надѣятся взбунтовать каменоломовъ... во время сегодняшняго праздника... Имъ хотѣлось бы, чтобы стачка разросталась.

Нелли (грустно).

Они больше всего, кажется, ненавидятъ Гаспара. Бѣдный Гаспаръ! Съ какой ненавистью они говорятъ о немъ.

Марія (смущенно).

Ну, конечно... Если бы не онъ... каменоломы... не бросили бы работу.

Нелли (грустно).

Это правда: онъ былъ жестокъ съ ними. Я вспоминаю теперь, когда я была еще дома... къ нему часто приходили съ жалобами и угрозами...

Марія.

Твой уходъ вѣрно еще больше разозлилъ его.

Нелли.

Это говоритъ Захаріанъ. Онъ меня не любитъ...

Марія.

Онъ находитъ, что Черный слишкомъ внимателенъ къ тебѣ — и ко мнѣ тоже. Не придавай значенія его словамъ.

Нелли (серьезно).

Нѣтъ—словамъ дурныхъ людей слѣдуетъ придавать значеніе...

Марія (нѣжно).

Какая ты славная!

Нелли (восторженно).

Я тебѣ нравлюсь?.. Я такъ счастлива... Сегодня ночью я спала на землѣ, и мнѣ было хорошо... какъ богинѣ на облакахъ... Какъ только я проснулась, я, какъ пѣтухъ, привѣтствовала солнце звонкимъ крикомъ (она указываетъ на Чернаго, невидимаго зрителямъ, въ лѣсу). Вся моя душа славитъ его въ пѣсняхъ!

Марія (ласково).

И пѣніе твое прекрасно.

Нелли.

О, Марія! Какъ я перемѣнилась... Я не узнаю себя... Помнишь, какъ я слушала его въ каменоломнѣ? Это было не очень давно... И какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ... Въ ту страшную волшебную ночь, когда ревѣла буря, я вѣдь чуть не умерла.

Марія.

Но вошолъ охотникъ и похитилъ тебя...

Нелли.

И я не сопротивлялась...

Марія.

Какъ сопротивляться его чарамъ?..

Нелли.

Онъ позвалъ меня, и я пошла за нимъ. Я буду слѣдодовать за нимъ всюду...

Марія (задумчиво).

И со мной было тоже самое.

Нелли.

Вѣдь ты не ревнуешь ко мнѣ?

Марія.

Что ты, Нелли?.. Откуда у тебя такая мысль?

Нелли.

Но вѣдь ты его знала раньше насъ... На твоемъ мѣстѣ я, кажется...

Марія.

Мы любимъ его каждая по-другому. Ты всею силою твоей чистой души... А я...

Нелли.

А ты?

Марія (сурово).

А я — сознаюсь — всей страстью моего дикаго сердца... Онъ завладѣлъ всей моей душой. Мнѣ кажется, что я живу только съ того часа, когда онъ явился... и засталъ меня... въ слезахъ... въ позорѣ...

Нелли.

Почему въ позорѣ?

Марія.

Потому что... потому что... Ты этого не можешь понять. Видишь ли, въ то время я еще его не знала. И въ ожиданіи его... я стояла цѣлыми часами среди мрака, по дорогѣ прося любви... низкой... жалкой любви. И часто я рыдала, думая, что никогда не увижу его... надежду моего сердца...

Нелли.

А я, Марія... Ты думаешь, что у меня не было горя?

Марія (ласково).

Но все твое горе теперь прошло?

Нелли.

О да, Марія! Мнѣ такъ нравится наша жизнь... Какая радость бродить по дорогамъ! Какая прелесть въ свободѣ... И какъ отрадно быть подлѣ него... Стоитъ ему появиться— чтобы стало легко на душѣ.

Марія.

Онъ умѣетъ обласкать несчастныхъ...

Нелли.

Онъ точно изливаетъ свѣтъ на насъ...

Марія.

Да... Я чувствую, что, наконецъ, стала жить. (Онѣ дѣлаютъ нѣсколько шаговъ вмѣстѣ, обнявшись, и кажутся очарованными собственными мечтами. Вдругъ Марія подымаетъ глаза по направленію къ лѣсу, гдѣ между камнями и пескомъ сверкаютъ яркіе цвѣты).

Марія.

Какъ красива эта роща. Какое спокойствіе...

Нелли.

Да. А эти цвѣты... Какъ они пахнутъ!

Марія.

А ты знаешь, что это за цвѣты?

Нелли (указываетъ на нѣкоторые).

Вотъ эти, что бѣгутъ по травѣ и тихо покачиваютъ своими хорошенькими серебрянными чашечками... ихъ зовутъ колокольчиками. (Въ то время, какъ онѣ тихо разговариваютъ и разсматриваютъ цвѣты, появляется Черный, который выходитъ изъ чащи; у него тихій, ласковый видъ. Онѣ не замѣчаютъ, какъ онъ подходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Черный, Марія, Нелли.

Черный
(заставъ ихъ наклоненными надъ цвѣтами).

А на что этимъ цвѣткамъ ихъ невинные колокольчики ты знаешь, маленькая Нелли?

Нелли (очень взволнованная).

Ахъ, это опять ловушка, чтобы заставить меня говорить глупости...

Черный.

Да что ты, Нелли? Откуда ты это взяла? (поворачивается къ Маріи). Вотъ Марія не боялась бы этого.

Марія (смѣясь).

Ты намъ загадываешь всегда загадки!

Черный
(таинственно, точно прислушиваясь къ музыкѣ).

Слушайте внимательно... слушайте. Простыя полевыя лиліи... а какъ онѣ поютъ подъ росою и вѣтромъ... Вы не слышите? И маленькіе колокольчики наполняютъ ароматомъ всю лазурь... Лѣсъ полонъ чистыхъ молитвъ, которыя возносятся изъ цвѣтовъ къ небу... Все въ природѣ славословитъ Бога... и прославляетъ жизнь... Все, вѣрьте мнѣ, дѣти мои. И струи фонтановъ возносятъ пѣснопѣнія къ небу... И среди людей... нѣкоторые танцуютъ ритмично, другіе подымаютъ къ небу съ мольбой страдальчески искаженныя лица... И многіе изъ тѣхъ, которые насмѣхаются надъ любовью, быть можетъ, молятся горячѣе всѣхъ. Есть много разныхъ молитвъ... И солнце... взгляните на него... И солнце выражаетъ свое ликованіе въ золотомъ гимнѣ. (Въ этотъ моментъ на дорогѣ показываются нищіе; они не замѣчаютъ Чернаго и его спутницъ). Смотрите... даже эти нищіе...

(Среди появившихся на сценѣ нищихъ видны: одна горбатая, другая слѣпая; одинъ безрукій. У Чернаго и его спутницъ такой видъ, точно они внимаютъ какой-то таинственной гармоніи. Нищіе останавливаются недалеко отъ нихъ; подсматриваютъ за ними, разговариваютъ другъ съ другомъ съ недовѣрчивымъ видомъ; присутствіе Чернаго ихъ видимо безпокоитъ. На груди у слѣпого привѣшена дощечка, на которой большими буквами напечатано: СЛѢПОЙ ОТЪ РОЖДЕНІЯ).

Овидъ (нищимъ).

Ужъ не хотятъ ли они занять наше мѣсто... эти проходимцы? (Другіе соглашаются съ нимъ).

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Тѣ же, Овидъ, Дикъ, Жаклина.

Овидъ
(отходя отъ спутниковъ и дѣлая шагъ къ Черному, недовѣрчиво).

Кто вы такіе?

Черный (не поднимая головы).

Прохожіе.

Жаклина (недовѣрчиво и сердито).

Это что за отвѣтъ? Вы, кажется, насмѣхаетесь надъ нами? Если вы собираетесь расположиться здѣсь, приходите въ другое время.

Марія (удивленно).

Что это съ ней?.. Чего она взбѣсилась?

Овидъ.

Она права... Всякій заботится о себѣ. Мы вотъ тутъ уже сколько дней мѣсимъ грязь ногами... а поживы никакой... По этой чортовой дорогѣ никто не проходитъ, кромѣ крестьянъ по утрамъ въ базарные дни... да такихъ бродягъ, какъ вы. А ужъ если сегодня намъ можетъ перепасть нѣсколько грошей...

Черный.

То вы не согласны раздѣлить ихъ ни съ кѣмъ...

Овидъ.

Конечно нѣтъ... Чего захотѣлъ!.. Мы и сами не больно разживемся.

Черный.

Вы надѣетесь на сегодняшній праздникъ?

Овидъ (оживляясь).

Да. Со всѣхъ сторонъ собирается народъ посмотрѣть на новую церковь... на процессію... послушать пѣніе... потанцовать... покутить.

Марія (смѣясь).

Пусть хоть одинъ изъ десяти дастъ вамъ су... и у васъ будетъ на что купить хлѣба и сыра.

Овидъ.

А тебѣ смѣшно... Глупая дѣвчонка!

Жаклина (завистливо шипя).

Еще бы! Ей не трудно нажиться.

Овидъ (сжимая кулаки).

Проклятіе!..

(Овидъ и Жаклина приблизились и подступаютъ съ сжатыми кулаками къ Черному, который стоитъ, спокойно улы-

баясь, около своихъ спутницъ. Но вдругъ лицо его становится глубоко скорбнымъ).

Черный (спутницамъ).

Увы... Почему они не предъявляютъ съ такимъ жаромъ свое право на свободу... на настоящую жизнь... на любовь? Они думаютъ только о желудкѣ. Какъ наши друзья каменоломы... Они возвышаютъ голосъ только тогда, когда голодны.

Овидъ (грубо).

Всякому надо жить... А въ карманѣ ни гроша.

Черный.

Да, ты правъ... Когда въ животѣ пусто... (онъ поворачивается къ городу, разстилающемуся въ глубинѣ, внизу, и указываетъ тамъ на невидимые дворцы). Какъ позорна нищета... для всѣхъ этихъ богачей.

Дикъ
(очарованный, мечтательнымъ голосомъ).

Какъ онъ хорошо говоритъ!

Черный (мягко Дику).

Сыграй намъ что-нибудь на флейтѣ. Страданіе рождаетъ прекрасные звуки... Твоя флейта навѣрное очаруетъ насъ всѣхъ. А потомъ мы опять пойдемъ... по невѣдомымъ дорогамъ... Ты получишь награду за игру.

Овидъ (грубо).

Не вѣрь ему, Дикъ. Если бы ты видѣлъ, что это за человѣкъ. Онъ бродяга.

Черный (улыбаясь).

Какъ ты ошибаешься. Ты вѣрно не знаешь, что Юпитеръ принималъ образъ пастуха?

Овидъ.

Я не знаю того, о комъ ты говоришь... Но Ротшильдъ не ходитъ въ дырявыхъ башмакахъ.

Черный.

Однако... У меня есть въ сумѣ...

Жаклина (покатываясь со смѣху).

Булыжники...

Христосъ (просто).

Одинъ только камень.

Овидъ (насмѣшливо).

Что же это за камень?

Марія (подходя на шагъ къ Овиду).

Подойди, посмотри.

Овидъ (издали).

Стану я утруждать себя... Не дуракъ, тоже!

Черный (старому Дику).

Не слушай его, другъ мой... У меня есть чѣмъ тебѣ заплатить, повѣрь мнѣ.

Жаклина.

Какъ же, заплатитъ онъ!.. Въ часъ святого Іуды.

Черный.

А ты думаешь, что этотъ часъ не наступаетъ... по крайней мѣрѣ, разъ въ день.

Марія
(стараясь привлечь нищихъ).

Да подойдите же, не упирайтесь.

Овидъ.

Нечего дурачить насъ. Отъ нищаго щедротъ не дождешься.

Марія.

Можетъ быть, онъ хоть мѣдный грошъ дастъ.

Жаклина (не трогаясь съ мѣста).

Напрасно—насъ не проведешь.

Черный
(вынимаетъ изъ сумы сверкающій алмазъ, нищіе, совершенно растерявшись, молча глядятъ на него).

Черный (своимъ спутницамъ).

Всѣ люди одинаковы... Они смотрятъ только на платье. Для того, чтобы лохмотья внушали почтеніе и довѣріе, нужно, чтобы они были на императорѣ... Если бы я обладалъ тайной мудрости... Я бы ее вручилъ самому жалкому идіоту... для того, чтобы міръ возродился черезъ его посредство. Я

бы окружилъ ореоломъ святости головы гнуснѣйшихъ негодяевъ... Я бы возстановилъ честь всѣхъ... безъ исключенія. Я облагородилъ бы лохмотья... Развѣ не позоръ, что люди такъ слѣпы?.. что во всякомъ человѣкѣ они видятъ только его обманчивую внѣшность? (указываетъ на нищихъ). Даже эти жалкіе бѣдняки... Они прежде всего чувствуютъ презрѣніе къ тому... на комъ рваное платье—какъ у нихъ. Они только за это и высмѣивали меня сначала... А теперь они поражены... опомниться не могутъ (обращается къ нищимъ съ ироніей въ голосѣ). Чего это съ вами?.. Такъ васъ поразило—мое стеклышко?

Овидъ (ошеломленный).

Вѣдь это...?

Черный (равнодушно).

Алмазъ.

Овидъ.

Гдѣ же вы его... украли?

Черный (спокойно).

Нашелъ его въ грязной канавѣ... по дорогѣ. Такъ всегда бываетъ со всѣмъ рѣдкостнымъ... Его находишь неожиданно... въ грязи.

Овидъ (тревожно).

А вамъ не приходила мысль... продать его?

Черный.

Нѣтъ... Я его... хранилъ.

Жаклина.

Вы намъ его...

Черный.

Да... Я думалъ, что самый драгоцѣнный камень долженъ быть достояніемъ самыхъ бѣдныхъ.

Овидъ (съ тревогой).

Вы такъ думали... А теперь?

Черный (холодно).

Теперь я передумалъ.

Дикъ

(въ отчаяніи протягиваетъ впередъ руки).

Проклятіе!.. Дуракъ Овидъ! Если бы не ты...

Овидъ и Жаклина

(окаменѣвъ отъ ужаса отвѣчаютъ ему только жестами, выражающими отчаяніе. Молчаніе).

Марія (тихо).

Неужели это правда... Ты не дашь имъ? Послѣ того, какъ пробудилъ надежду?

Черный (съ проніей).

Какъ хочешь... (колеблется съ минуту, кому дать алмазъ, несчастной ли калѣкѣ, которая съ жадностью протягиваетъ руки, безрукому ли нищему, или слѣпому. Онъ протягиваетъ камень то одному, то другому и выжидаетъ. Наконецъ, онъ бросаетъ алмазъ, и нищіе начинаютъ отнимать его другъ у друга, ругаться и драться).

Жаклина.

Я его схватила первая!.. Онъ мой!

Овидъ.

Ахъ, вотъ какъ... Посмотримъ!

Жаклина

(которую Овидъ хватаетъ за горло).

Пусти... Онъ меня задушитъ... Ай!

(Овидъ и Жаклина повалили другъ друга на землю, дерутся и ругаются; видна только груда лохмотьевъ и сплетенныхъ тѣлъ, которыя катятся по землѣ и исчезаютъ въ глубинѣ сцены, по дорогѣ. Черный съ грустью обращается къ Маріи, какъ бы говоря ей: вотъ видишь!)

Дикъ (въ отчаяніи).

Они меня обобрали!

Черный.

Этотъ несчастный ползетъ ощупью и считаетъ себя ограбленнымъ. Онъ страдаетъ.

Марія (испуганно).

Они убьютъ его.

Черный.

Птички пѣвчія, думали ли вы о томъ, чѣмъ кончится ваше пѣніе?

Нелли.

Куда они идутъ? Пойдемъ за ними.

(Она увлекаетъ Чернаго и Марію за нищими, которые исчезли въ глубинѣ. Старый Дикъ идетъ ощупью и кричитъ).

Дикъ (въ ужасѣ).

Никого нѣтъ... Они меня бросили.. Я одинъ, совсѣмъ одинъ! (Онъ падаетъ на землю и рыдаетъ. Вскорѣ слышится приближающійся шумъ съ дороги, потомъ раздаются голоса, и вскорѣ выходятъ на сцену Захаріанъ и Илья и выталкиваютъ впередъ Гаспара; ихъ окружаютъ рабочіе, женщины и т. д. Слѣпой нищій машинально протягиваетъ руку за подаяніемъ, но его отталкиваютъ, и онъ растерянно и жалобно хнычетъ).

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Гаспаръ, Илья, Захаріанъ, Букронъ. Рабочіе и женщины.

Гаспаръ.

Да оставьте меня...

Захаріанъ (продолжая толкать его).

Дери глотку, сколько угодно, только подвигайся!

Гаспаръ (упираясь).

Куда вы меня тащите?

Букронъ.

Къ Черному... Онъ будетъ твоимъ судьей.

Захаріанъ.

Это вѣдь тутъ, Илья?

Илья.

Да, но его нѣтъ.

Захаріанъ (оглядываясь).

Вѣрно гдѣ-нибудь... мечтаетъ... или спитъ.

Гаспаръ (злобно).

Навѣрно спитъ... лѣнтяй! Я радъ встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу.

Захаріанъ (со злостью).

Да и маленькую Нелли ты бы вѣрно не прочь повидать, Гаспаръ?

Гаспаръ.

Молчи, не смѣй говорить мнѣ о ней!

(Захаріанъ хочетъ ему отвѣтить; рабочіе злобно глядятъ на Гаспара и шепчутся; одинъ изъ нихъ, Букронъ, останавливаетъ Захаріана).

Букронъ (Захаріану).

Оставь, каждый изъ насъ можетъ зажать ему ротъ.

Розали (къ Гаспару).

Такихъ негодяевъ, какъ ты, свѣтъ не видалъ... Ну, да мы съ нимъ разсчитаемся... Правда вѣдь, могильщикъ?

Илья.

Поймали его, такъ уже не отпустимъ... Вѣдь сколько дней подстерегали.

Рабочій.

Онъ все время изъ дому не выходилъ.

Гаспаръ.

Ничего! Я васъ не боюсь.

Захаріанъ.

Напрасно.

Гаспаръ.

У васъ не хватитъ смѣлости убить меня... здѣсь.

Женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

Ты думаешь?.. Если я околѣю съ голоду, такъ не по твоей винѣ, что ли?.. Посмотри на моего ребенка... Онъ блѣдный какъ смерть... худой... кожа да кости. Постыдился бы!

Гаспаръ

Ты хотѣла жить въ свое удовольствіе, сложа руки.

Женщина.

(спокойно и презрительно).

Онъ еще разговариваетъ! Безстыжій!.. Не даетъ прохода ни одной женщинѣ... Сердце злое, какъ у палача.

Гаспаръ.

Не ругайся. Ты еще за это поплатишься.

Женщина.

Ничего, не испугаешь меня... Всѣ знаютъ, какой ты поганецъ!

Букронъ (угрожающимъ голосомъ).

Нагружаешь женщинъ, какъ мѣшки... Кто этого не знаетъ!

Каменоломъ.

А какъ только начнутъ пухнуть—гонишь вонъ.

Возчикъ (сиплымъ голосомъ).

Онѣ потомъ ходятъ изъ магазина въ магазинъ, ищутъ мѣста... и нигдѣ не могутъ пристроиться... ихъ гонятъ, точно въ нихъ холера сидитъ... Имъ только и остается, что выбирать кости изъ мусора на улицахъ и грызть ихъ.

Гаспаръ.

Глупости!.. неужели вы этому вѣрите?

Розали.

Доказательствъ сколько угодно...

Букронъ.

А вотъ теперь... когда мы тебя встрѣтили, ты куда шелъ?

Женщина съ ребенкомъ (злобно)

Вѣрно къ какой-нибудь невинной дѣвочкѣ... уроки ей давать!

Захаріанъ.

Не первую погубитъ...

Гаспаръ.

Я просто шелъ въ соборъ св. Антонія.

Возчикъ (грубо).

Къ попамъ... На освященіе церкви... Молчалъ бы лучше! Мы тутъ песокъ гложемъ, а онъ отправляется нарядъ свой показывать приходу.

Розали.

Прельщать красавицъ!..

Гаспаръ.

Молчи... Ты изъ ревности шипишь.

Розали.

Изъ ревности... Это къ кому?

Гаспаръ.

Можетъ, скажешь, что не вѣшалась мнѣ на шею?.. и не разъ!

Розали (въ бѣшенствѣ).

Врешь... Какъ ты смѣешь?

Захаріанъ (Розали).

Брось... Не оправдывайся! Все равно ему никто не вѣритъ... Всѣ его штуки давно извѣстны.

Гаспаръ.

Вы пользуетесь моей слабостью и тѣмъ что васъ много.

Захаріанъ
(тихо подступаетъ къ Гаспару).

Когда мы... подъ ливнемъ и грозой умоляли тебя... Ты какъ тогда поступилъ?

Гаспаръ (тоже тихо).

Вы тогда униженно молили... какъ нищіе, просящіе милостыню... Мнѣ слѣдовало отвѣтить пулями... Вы бы присмирѣли на всегда.

Захаріанъ (рабочимъ, грозно).

Вы слышите, что онъ говоритъ.

Гаспаръ.

Скоро вѣдь всѣ вы явитесь въ каменоломню... Придете молить о работѣ... Теперь вы куражитесь... а тогда, небось, по иному заговорите. Но берегитесь—достанется вамъ за сегодняшнія угрозы... Не думайте, что я сжалось надъ вами... Хоть околѣвайте на моихъ глазахъ...

Букронъ.

Разбойникъ!

Женщина съ ребенкомъ.

Что вы за мужчины... если позволяете ему такъ говорить?

Гаспаръ
(въ неистовствѣ отъ угрозъ).

Я васъ всѣхъ вытолкаю вонъ, когда вы придете!

Возчикъ.

Проклятый!.. Негодяй!..

Гаспаръ (въ бѣшенствѣ).

Всѣ вы будете землю грызть...

Возчикъ
(поваливъ его на землю кулакомъ).

Вотъ какъ... Будемъ землю грызть... А ты ее погрызи спачала самъ!

Женщина съ ребенкомъ
(плюетъ ему въ лицо).

А вотъ этимъ умойся!

(Въ то время, какъ удары сыплются на Гаспара и толпа съ криками окружаетъ его, Нелли, привлеченная шумомъ, возвращается вмѣстѣ съ Чернымъ и Маріей. Она видитъ, что происходитъ, и кидается впередъ, дрожа отъ ужаса).

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Тѣ же, Черный, Нелли.

Нелли (съ отчаяніемъ и ужасомъ).

Посмотри... Они схватили моего брата... Они его убьютъ!

(Рабочіе оставляютъ Гаспара, поворачиваются къ Черному и указываютъ ему на плѣнника, какъ на жертву).

Слесарь.

Онъ негодяй!

Букронъ.

Разбойникъ.

Возчикъ.

Виновникъ всѣхъ нашихъ несчастій.

Захаріанъ.

Пока его не пристукнутъ... эту гадину...

Гаспаръ
(увидавъ Чернаго, хочетъ броситься на него и отбивается отъ ударовъ удерживающихъ его рабочихъ; онъ задыхающимся голосомъ ругаетъ и клянетъ Чернаго).

Гаспаръ.

Такъ вотъ, ты фокусникъ... предводитель всѣхъ лѣнтяевъ и мошенниковъ. Это вѣрно: ты царь надъ ними... Не будь ты только такой трусъ. Какъ ты смѣешь показаться мнѣ на глаза!.. Ты соблазнилъ бѣдную дѣвочку и увелъ ее изъ дому... Прятался бы хоть отъ стыда!.. И ты еще смѣешь стоять предо мной и смѣяться...

Черный
(спокойно выслушиваетъ оскорбленія; онъ нѣсколько печаленъ и поддерживаетъ Нелли, потрясенную, пораженную гнѣвомъ брата противъ того, кого она любитъ).

Каменоломъ.

Довольно болтать...

Черный (народу).

Его оскорбленія... не трогаютъ меня. Тотъ, на кого онъ нападаетъ... не я.

Гаспаръ.

Болтай!.. Я знаю, что ты... хитеръ. Умѣешь сказать, что надо, чтобы выгородить себя... Да что тамъ... Факты на лицо.

Рабочіе.

Не слушай его. Такого подлеца свѣтъ не видалъ.

Гаспаръ (продолжаетъ отбиваться).

Проклятый воръ! Сманивать дѣвушку—на это ты гораздъ!

Черный (съ ироніей).

Я не знаю тебя... Кто ты? Ты навѣрное совсѣмъ измѣнился.

Гаспаръ.

Ну вотъ... представляйся сумасшедшимъ! Такъ тебѣ и повѣрю.

Захаріанъ (гнѣвно).

Но я то, Гаспаръ, помню тебя.

Голоса.

Онъ насъ вытолкалъ на улицу. Мы изъ-за него страдаемъ.

Черный (помолчавъ).

Въ такомъ случаѣ... онъ вамъ принадлежитъ... (Онъ дѣлаетъ жестъ, точно говоря: я вамъ его отдаю. Толпа подходитъ къ Гаспару съ угрожающимъ видомъ и толкаетъ его вглубь дороги. Гаспаръ стоитъ совершенно уничтоженный. Наконецъ, онъ поднимаетъ голову и съ печалью смотритъ на сестру).

Гаспаръ.

О, Нелли!.. Такъ вотъ тотъ, кого ты избрала... кого предпочла намъ. И вотъ какова наша встрѣча... Они навѣрное для того и привели меня сюда, чтобы доставить мнѣ эту муку... Чтобы я увидалъ тебя... тутъ.

Женщина съ ребенкомъ (презрительно).

Теперь онъ начнетъ хныкать!

Илья.

Онъ стоитъ, какъ быкъ на бойнѣ.

Черный.

А между тѣмъ онъ человѣкъ.

Захаріанъ (строго).

Это еще увеличиваетъ его вину.

Черный.

Но и вы тоже... берегитесь... Легко сдѣлать зло, но не такъ легко его исправить.

Захаріанъ.

Ты слишкомъ жалостливъ. Ты уже готовъ ему простить!

Гаспаръ (въ бѣшенствѣ).

Прежде всего... по какому праву онъ вмѣшивается? Наши дѣла касаются только насъ однихъ... Рѣшайте, какъ хотите... только не выбирайте такихъ совѣтчиковъ? Несчастные! Неужели вы не умѣете дѣйствовать на свой страхъ? Вѣчно вамъ нужны совѣтчики... Если бы хоть вы выбирали стоющихъ, а то вѣдь это послѣдній бродяга... Обманщикъ...

никто его не знаетъ. Черный... Развѣ это имя? Бѣдная моя Нелли! (Толпа, окружающая Гаспара, поднимаетъ шумъ, но Нелли бросается къ брату въ сильномъ волненіи, Поднятыя руки рабочихъ опускаются; чувствуется, что драма сосредоточивается между Нелли и Гаспаромъ).

Нелли (съ смущеніемъ).

Почему ты меня жалѣешь... Гаспаръ?

Гаспаръ.

Онъ тебя похитилъ изъ дому.

Нелли (энергично).

Я съ радостью за нимъ послѣдовала.

Гаспаръ.

Съ радостью? Ты не краснѣешь?

Нелли.

Ничуть, клянусь тебѣ.

Гаспаръ.

Какъ, Нелли, ты не жалѣешь бѣдную маму, которая осталась одна?

Нелли.

Она хотѣла запереть меня.

Гаспаръ.

Ты прямо съ ума сошла... Этотъ человѣкъ... грязный... въ лохмотьяхъ.

Нелли (страстно).

О, Гаспаръ, онъ весь любовь... весь надежда... радость!

Гаспаръ (въ ужасѣ).

Да... онъ тебя въ этомъ убѣдилъ. Почему ты лучше не молчишь... Я бы думалъ, что ты невинна... И сердце мое, любя тебя, сохранило бы иллюзію; но ты лишаешь меня и этого... Гордиться своимъ позоромъ—значитъ увеличивать его. Ахъ, Нелли... Какъ ты меня обманула!

Захаріанъ.

Она была права, что убѣжала изъ дома, оскверненнаго твоимъ присутствіемъ.

Гаспаръ
(къ Нелли, не глядя на Захаріана).

А ты ему ничего не отвѣчаешь? Ты точно чужая... смотришь на меня равнодушнымъ взглядомъ.

Нелли (въ слезахъ).

Ахъ, Гаспаръ... Что дѣлать?.. Вѣдь ты самъ... своей жестокостью...

Гаспаръ
(съ сдержаннымъ гнѣвомъ).

Что ты говоришь? Кто тебя научилъ такъ судить обо мнѣ?

Нелли (рѣшительно).

Ты оскорбляешь все, что я люблю.

Гаспаръ (живо).

А меня? Ты меня ненавидишь? Бѣдная моя сестра, какъ ты измѣнилась... А я тебя любилъ всей душой... Неужели твой братъ такой... нехорошій? Ты забыла развѣ мои нѣжныя заботы о тебѣ? Я былъ мягкимъ, кроткимъ съ тобой... Я смотрѣлъ на тебя, какъ на маленькое существо, которому нужны ласки... Когда дыханіе цвѣтка... или птички... или какая-нибудь тѣнь касались тебя... я поддерживалъ тебя, не давая упасть. Ты была такимъ маленькимъ, трепетнымъ существомъ... Мы, мама и я, заботились о тебѣ, не отступали отъ тебя... А ты насъ бросила Богъ вѣсть для кого... Мнѣ такъ горько, что даже не хочется отвѣчать имъ...

Нелли.

Гаспаръ, Гаспаръ!.. не плачь!..

Гаспаръ.

Нелли, прошу тебя, отойди къ нимъ... Скажи имъ, что ты въ первый разъ видишь, какъ я рыдаю.

(Онъ умолкаетъ, отворачиваетъ голову и рыдаетъ. Толпа молчитъ).

Черный (толпѣ).

Посмотрите на него... Силы покинули его, какъ въ смертный часъ... Сжальтесь, друзья мои... Онъ достоинъ великой жалости.

Букронъ (растроганный).

Если бы можно было... предположить... что онъ раскаивается... Но онъ навѣрное не раскается.

Черный.

Успокойтесь. Онъ почувствуетъ, что неправъ.

Захаріанъ (рѣзко).

Вспомни, какъ онъ имъ грозилъ.

Чорный.

Развѣ онъ теперь тотъ, который пугалъ васъ своими угрозами? У него голова на плахѣ, а вы еще дрожите...

Женщина съ ребенкомъ.

Онъ только что оскорблялъ тебя.

Черный.

Нѣтъ, онъ уже сталъ другимъ. Развѣ вы не знаете, до чего человѣкъ мѣняется?

Захаріанъ (непоколебимо).

Онъ завтра вернется къ прежнему.

Черный.

Завтра!.. Гдѣ мы будемъ завтра? И вы сами...

Илья (насмѣшливо).

Въ дырѣ, въ дырѣ... въ землѣ!

Рабочіе (совѣтуясь между собой).

Нужно все-таки на чемъ-нибудь порѣшить. Нельзя же... отпустить его. Нѣтъ... мы его не выпустимъ. (Черный считаетъ, что долженъ уступить настояніямъ рабочихъ. И дѣйствительно, онъ для вида уступаетъ имъ, обращаясь съ ними какъ съ дѣтьми).

Черный.

Ну хорошо... Уведите его отсюда куда-нибудь въ глухое мѣсто, куда не придутъ любопытные. Привяжите его къ дереву. Онъ останется въ такомъ положеніи до вечера. А тогда мы его отвяжемъ. Вы согласны съ такимъ наказаніемъ?

Голоса.

Да, да, отлично придумано.

(Всѣ апплодируютъ съ торжествующимъ видомъ, довольные

тѣмъ, что жертва отдана въ ихъ руки. Нелли подходитъ къ Черному въ ужасѣ, не понимая его поступка).

Черный (тихо).

Не безпокойся, Нелли. Его тюремщиками будемъ мы.

Нелли.

Они опять будутъ его бить. Смотри, какъ они толкаютъ его.

(Гаспаръ не говоритъ ни слова. Среди криковъ толпы, Захаріанъ и могильщикъ толкаютъ его въ лѣсъ направо. Нелли и Марія слѣдуютъ за нимъ. Остаются Черный и нищіе, которые за нѣсколько минутъ до того вернулись на сцену и смотрятъ съ удивленіемъ на то, что происходитъ. Когда рабочіе уходятъ, они подходятъ къ Черному съ виноватымъ видомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Черный, нищіе.

Черный.

Это вы?.. Что жъ съ алмазомъ?

Овидъ (смущенный).

Ахъ, господинъ...

Черный (притворно изумленный).

Какъ, господинъ?.. Вы стали говорить со мной почтительнымъ тономъ.

Овидъ.

А то какъ же!

Черный (смѣясь).

Ахъ да, изъ-за алмаза... Достаточно владѣть маленькимъ камнемъ, чтобы люди стали относиться съ почтеніемъ... Это тоже образчикъ жизненныхъ превращеній. Простой кусокъ кристалла... и все мѣняется, какъ по волшебству.

Овидъ.

Увѣряю васъ, господинъ...

Черный (съ ироніей)

Кстати... Господинъ!.. Что вы съ нимъ сдѣлали?

Жаклина.

Онъ потерянъ!

Черный.

Ну вотъ—какъ же это вы его потеряли?

Жаклина (растерянно).

Онъ хотѣлъ взять его себѣ... я стала отнимать...

Овидъ.

Мы покатились внизъ, толкая другъ дружку.

Жаклина.

То онъ, то я выхватывали другъ у дружки камень.

Овидъ.

А потомъ онъ вѣроятно выскользнулъ изъ рукъ и попалъ въ трещину водосточной трубы.

Жаклина.

Мы потомъ искали его вмѣстѣ, не ссорясь.

Овидъ.

Но уже не могли найти.

Дикъ (сквозь зубы).

Идіоты... Ослы... Стоило давать имъ!

Жаклина (грозя кулакомъ Овиду).

Это онъ виноватъ.

Овидъ
(поднимая кулаки на Жаклину).

Это ея вина!

Черный.

Мнѣ жаль васъ, друзья мои.

Жаклина (хныча).

Какой вы добрый!.. Ангельская душа!

(Черный протестуетъ жестомъ).

Овидъ.

Нѣтъ, нѣтъ... это она правду говоритъ.

Черный.

Я только говорю отъ сердца—вотъ и все. (Слышны пѣніе и смѣхъ въ лѣсу, потомъ появляются рабочіе, танцуя).

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

Тѣ же, Марія, Захаріанъ, Илья, рабочіе, женщины и т. д.

Марія (входя).

Его привязали къ дереву... И взгляни на нихъ... они пляшутъ, какъ безумные.

Рабочіе.

Тру-ла-ла! тру-ла-ла!

Черный.

А Нелли тамъ осталась?

Марія.

Она плачетъ.

Черный.

Бѣдная дѣвочка... Тяжело видѣть слезы на ея щекахъ... на ея херувимскомъ личикѣ.

Розали (выходя изъ лѣсу)

Скотина! Онъ и подъ ударами еще продолжалъ ругаться.

Черный
(глядя, какъ рабочіе скачутъ и смѣются).

Вы тоже, кажется, друзья мои, устраиваете процессію?

Захаріанъ (напыщенно).

Да, но то, во имя чего она устраивается — свято. Мы ликуемъ, славя «свободу»!

Возчикъ.

Нашъ праздникъ стоитъ того, который готовится въ честь святого Антонія Падуанскаго.

Женщина съ ребенкомъ.

Когда же, наконецъ, мы отправимся туда?

Илья.

Да, ужъ пора бы поплестись. А ты, Черный, съ нами? Пора двинуться.

Черный.

Я не пойду съ вами.

Захаріанъ (удивленно).

Не пойдешь?

Черный.

Вѣдь вы мнѣ здѣсь оставляете дѣло... Я буду караулить нашего плѣнника. Онъ принадлежитъ мнѣ болѣе, чѣмъ кому-либо. Онъ меня такъ ненавидитъ.

Захаріанъ
(подозрительно и печально).

Еще одинъ предлогъ, чтобы остаться съ Нелли.

Черный.

Что ты, Захаріанъ? Что у тебя за мысли.

Захаріанъ.

Ты не можешь отрицать, что предпочитаешь ее... Ты только ее и любишь... Это слишкомъ ясно.

Черный.

Она слушается меня, Захаріанъ... А вы... А вы...

Захаріанъ (съ упрекомъ).

Мы? Что мы безъ тебя?

Марія (съ пламенной страстью).

Что мы всѣ безъ тебя?

Черный.

Да, Марія, ты, я знаю... Ты мнѣ вѣрна... Ты меня любишь.

Захаріанъ.

Право, ты съ каждымъ днемъ становишься все болѣе страннымъ.

Черный (взволнованно).

О, если бы ты зналъ, какая у меня жажда любви... Зачѣмъ желать иного, чѣмъ жизни въ нѣжности?... А у васъ есть желанія, которыхъ я не раздѣляю.

Захаріанъ.

А твоя чрезмѣрная терпимость...

Каменоломъ (изъ глубины сцены).

Ну, что жъ, двинемъ мы когда-нибудь? Идемте.

Возчикъ.

А что мы тамъ будемъ дѣлать?

Женщина съ ребенкомъ.

Полюбуемся на ихъ церковь.

Букронъ (громовымъ голосомъ).

Если бы мы были настоящими людьми, мы бы снесли ее... Ты что объ этомъ думаешь, Захаріанъ? Пораскидаемъ-ка ихъ камушки заступами!

(При этомъ призывѣ Захаріанъ оставляетъ Чернаго и, точно охваченный внезапнымъ порывомъ, становится на возвышеніе и обращается съ рѣчью къ рабочимъ).

Захаріанъ.

Конечно, чортъ возьми!.. Какая польза отъ этихъ кирпичей и камней? Стоитъ строить такіе дворцы для того, чтобы помѣщать въ нихъ... ничто (смѣясь). Старикъ Богъ предоставляетъ намъ околѣвать на улицѣ, а у самого жилищъ-то сколько угодно...

Илья (насмѣшливо).

Конечно! это несправедливо!

Черный.

Захаріанъ... Захаріанъ! Опрокидывать нужно не камень, а то, что поддерживаетъ его—ложь въ мысляхъ.

Рабочіе.

Да, да, месть капиталу!

Захаріанъ
(воодушевленно и гнѣвно).

А это развѣ не позоръ, что народъ ходитъ почти нагишемъ... безъ сапогъ... А идолы одѣты въ шелка и золото!

Голоса.

Разобьемъ идолы!

Черный (горячо).

То, что перестало быть живымъ, само собой разсыпается въ прахъ.

Илья.

Но все, что живо, должно требовать себѣ мѣста... Возстаньте—не то худо будетъ!.. Если хотите гнить подъ землей, я готовъ зарыть васъ заступомъ... Но я бы предпочелъ дѣйствовать имъ противъ богатыхъ.

Возчикъ (съ хохотомъ).

Противъ богатыхъ!.. Хорошо сказано, могильщикъ

Черный.

Богатые, друзья мои, это не только имущіе. Нѣтъ, не только они!

Букронъ (обезпокоенный).

Вотъ какъ... А кто же еще?

Черный.

Это тѣ, въ комъ нѣтъ зависти.

Букронъ.

Ну да... А пока люди жирѣютъ на нашъ счетъ... Нищета какъ ковшемъ выцѣживаетъ кровь изъ людей... Насъ убиваютъ.

Захаріанъ.

Прежде всего, все должно стать общимъ достояніемъ.

Черный.

Да оно такъ и есть, Захаріанъ... Мудрость общее достояніе... Стоитъ захотѣть...

Захаріанъ.

Однако... земля-то принадлежитъ имъ... По какому праву они дѣлятъ ее между собой?

Илья.

На кладбищахъ можно ходить по всѣмъ могиламъ... Всякій можетъ топтать ногой груду костей, подпиравшихъ самыхъ гордыхъ и властныхъ. А почему же... здѣсь... никто пикнуть не смѣетъ?

Розали.

Довольно униженій!

Возчикъ
(нѣсколько пьянымъ голосомъ).

Нужно, чтобы всѣ были равны. И тѣ, что наверху, и тѣ, что внизу.

Захаріанъ.

И да падетъ нашъ позоръ на ихъ головы... Нельзя больше терпѣть такую нужду! Воспрянемъ... Проснемся... Пора воскреснуть!

Черный
(съ пламеннымъ воодушевленіемъ).

Да... вотъ чудо, которое должно свершить. Воскресить мертвыхъ. (Рабочіе хотятъ уйти, но онъ ихъ удерживаетъ знакомъ руки). Знайте,... безъ любви человѣкъ ничто... А какъ вы живете? Что вы такое? Рабы, которые хотятъ столкнуть съ мѣста хозяина... и быть такими же жестокими тиранами на его мѣстѣ... Пусть каждый уважаетъ ближняго... Пусть смотритъ на себя какъ на короля... среди королей... Помните, что заступъ и лопата, пила и стругъ такъ же благородны, какъ мечъ воина. Вы съ вашими мирными инструментами — хозяева міра... Если вамъ кажется, что въ какомъ-нибудь зданіи живетъ зло, предоставьте этому зданію распасться на куски... Оно само рушится. Пусть никто изъ васъ не добываетъ камней и не участвуетъ въ постройкѣ замковъ, казармъ и тюремъ... но не дѣлайте ни одного движенія, вызваннаго гнѣвомъ. На землѣ все исчезаетъ только само собой, только подточенное собственнымъ гніеніемъ. Сдѣлайте изъ своей жизни геройскій подвигъ, сдѣлайте изъ нея праздникъ...

Рабочіе.

Праздникъ! Браво! Браво!

(Они думаютъ, что ихъ зовутъ пить и плясать и радостно бросаются впередъ, но Черный ихъ снова удерживаетъ).

Черный.

Праздникъ... праздникъ любви!

(Рабочіе обнимаютъ женщинъ, цѣлуютъ ихъ, смѣются).

Захаріанъ (увлекая рабочихъ)

Идемъ—прощай, Черный! (уходятъ).

Черный (очень взволнованный).

Захаріанъ... Захаріанъ... Образумься... ты слишкомъ жестокъ.

Захаріанъ (издали).

Будь спокоенъ... Ты вѣдь знаешь... (уходитъ).

Черный (Маріи).

Пойди съ ними, умѣрь ихъ неистовство.

Марія.

Постарайся хоть... потомъ придти къ намъ.

Черный.

Ахъ, Марія, со мною ли или безъ меня... (тихо Маріи). Но я все-таки приду.

(Рабочіе уходятъ съ криками: смерть капиталистамъ! долой буржуазію! по дорогѣ, ведущей въ Парижъ. Черный остается одинъ. Нищіе послѣдовали за рабочими, Черный смотритъ имъ вслѣдъ удрученный; потомъ имъ овладѣваетъ глубокая печаль. Онъ выходитъ снова на авансцену, взволнованный, погруженный въ мысли).

Черный
(какъ бы говоря самъ съ собой).

Воля у нихъ направлена на добро... но у нихъ нѣтъ души... Какъ дѣйствовать заодно съ такими жалкими людьми...

они превратятъ божественную поэму въ грубый фарсъ... въ самую вульгарную трагедію... Они ремесленники, подготовляющіе, сами не зная того, неминуемую катастрофу... Катаклизмъ или радость?.. (слышится смѣхъ нищихъ, которые, вернувшись на перекрестокъ въ глубинѣ сцены, поджидаютъ прохожихъ). Даже вотъ эти нищіе иногда смѣются (дѣлаетъ шагъ по направленію къ лѣсу). Нелли, ты здѣсь? Гдѣ ты? Откликнись, Нелли.

(Онъ идетъ искать Нелли, и вскорѣ они возвращаются вдвоемъ; у Нелли грустное, встревоженное лицо. Она успокаивается, видя, что рабочіе ушли).

Нелли (поглядѣвъ на дорогу).

Они ушли?

Черный.

Да, только что.

Нелли (съ облегченіемъ).

Слава Богу... Что же мы теперь будемъ дѣлать?

Черный.

Будемъ опять создавать прекрасную грезу.

Нелли.

Отъ каждаго твоего слова мнѣ уже радостно.

Черный (грустно).

Но что будятъ мои слова въ твоемъ сердцѣ?

Нелли (возбужденно).

Только любовь... самую нѣжную... самую смиренную.

Черный (довѣрчиво).

Знаешь ты, кто я?

Нелли (восторженно).

Ты мой богъ.

Черный.

Говори... говори еще... я люблю твой нѣжный голосъ... Ужъ не прячешь ли ты въ горлѣ соловья? А, плутовка, ты смѣешься!..

(Нищіе становятся вдоль дороги, протягивая свои чашки; начинаютъ проходить люди, направляясь въ городъ. Дикъ играетъ на флейтѣ).

Нелли.

Ты слышишь слѣпца? Какъ жалобно онъ играетъ.

Черный.

Бѣдный... онъ рыданіями зарабатываетъ себѣ на хлѣбъ. Однако... онъ не хотѣлъ играть за безцѣнный камень.

Нелли.

Онъ не вѣрилъ.

Черный (съ горечью).

Вотъ въ томъ-то и дѣло... Всѣ они таковы: всѣ ждутъ до самаго конца. А счастье проходитъ мимо, незамѣтно для нихъ.

Нелли.

Развѣ нельзя растолковать имъ?

Черный (изумленно).

Растолковать?

Нелли (робко).

Вотъ напримѣръ... Гаспаръ...

Черный (смѣясь).

У тебя что-то на умѣ, маленькая Нелли.

Нелли.

Ну, да, будь добрымъ... обѣщаешь? Мой Гаспаръ... въ сущности... не злой... Ты обращалъ гораздо худшихъ.

Черный (направляясь къ лѣсу).

А ты думала, ради чего я остался? Послушай, Нелли, только что ты выказала недовѣріе мнѣ...

Нелли.

О чемъ ты говоришь?

Черный (ласково).

Знаешь, дѣтямъ говорятъ: хью!.. хью!.. и они думаютъ, что свиститъ вѣтеръ. А когда зашелохнется занавѣска, имъ кажется, что близится какой-то невѣдомый врагъ... И людей можно брать такими же хитростями. Такимъ именно образомъ я высвободилъ твоего брата изъ рукъ каменоломовъ. А теперь... можетъ быть... можетъ быть...

Нелли
(радостно увлекая его къ лѣсу).

Такъ ты скажешь ему?... скажешь?... И я увѣрена, совсѣмъ увѣрена...

(Конецъ фразы теряется. Они исчезаютъ въ лѣсу. Слышна флейта).

ДѢЙСТВІЕ III-е.

Площадь, прорѣзанная тремя улицами. За домами слѣва надъ крышами, спускающимися съ высотъ Монмартра, виденъ бѣлый круглый верхъ новой церкви.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

На площади толпа зѣвакъ.

Помпей, старшій полицейскій чинъ, Лапоммъ, его подчиненный, городовые.

Работницы съ любопытствомъ выглядываютъ на улицу изъ оконъ. На улицахъ за сценой проходятъ торговцы и кричатъ: лимонадъ, программы и т. д, отъ времени до времени выходя на сцену. Праздничное настроеніе. Дома украшены коврами и флагами.

Рабочій.

Какъ долго приходится ждать!

Любопытный.

Да... Чего они такъ долго торчатъ въ своей пекарнѣ просвирокъ... Сами ими объѣдаются, что ли?

Святоша (сердито).

Развѣ можно говорить такія вещи!

Любопытный (насмѣшливо).

Вамъ то что. Ужъ и пошутить нельзя... Предоставьте всякому думать и говорить, что угодно.

Свитка.

Чего же вы сюда пришли? Сидѣли бы дома!

Любопытный.

Вотъ какъ!.. Вы, небось, во время карнавала тоже дома не сидите... А если они тамъ дѣло наряжаются — то какъ тамъ за ихъ вечеръ.

Свитка.

Ахъ!

(Ругань и смѣхъ).

Кумушка.

Послушайте... Вы меня задаете... Старая хрычовка!

Женщина въ желтомъ.

Грубиянка! какъ вы смѣете!

Кумушка.

Конечно, хрычовка... И попрошайка къ тому же!

Работницы (у оконъ).

Ой, подерутся!.. Ой, подерутся!

Помпей.

Лапоммъ... это что за безпорядокъ? Прогоните этихъ бабъ!..

Лапоммъ

(кумушкѣ, которую схватываетъ за рукавъ).

Убирайся, толстуха!.. Отвяжись отъ нея!

Кумушка.

Она первая выругала меня!

Женщина въ желтомъ.

Чего она пристала ко мнѣ?

Буржуа

(котораго толкаетъ городовой).

Господинъ городовой... Я пришелъ сюда раньше всѣхъ.

Помпей.

Если бы вы хоть цѣлую ночь стояли тутъ, не спавши... Мнѣ что за дѣло?

Буржуа.

Ахъ—ахъ—ахъ!

Помпей.

Вы за мѣста не заплатили... Такъ нечего скандалить.

Голосъ въ толпѣ.

Денегъ не платили.... Но достаточно поработали локтями, чтобъ попасть въ первый рядъ... А вы гоните съ мѣстъ!

Помпей.

Тутъ не циркъ.

Голосъ въ толпѣ.

Скорѣе всего, тутъ звѣринецъ... Мы звѣри и есть.

Помпей (Лапомму).

Дурачье!... Тряпкамъ обрадовались... Точно тряпки на стѣнѣ красивѣе, чѣмъ бѣлье, развѣшанное на веревкахъ у прачекъ... Я бы всѣхъ ихъ прогналъ къ чорту, чтобъ дѣло дѣлали, а не зѣвали... А еще болтаютъ о восьмичасовомъ трудѣ.

Лапоммъ.

До седьмого пота довели меня... Силъ нѣтъ!

Помпей.

Бѣда, главное, что ихъ такъ много. Одинъ уйдетъ — и на его мѣсто является двадцать.

Лапоммъ.

А прогнать ихъ прямо невозможно.

Помпей.

У нихъ ноги точно вросли въ мостовую. Стоятъ, какъ вкопанные. А тронешь ихъ, мычатъ, какъ стадо. Если бы

хоть предстояло что-нибудь дѣйствительно интересное, а то—шествіе крикуновъ... Подумаешь, какая невидаль!

(Шумъ по лѣвую сторону площади. Какая-то маленькая женщина старается пробраться впередъ. Слышно, какъ она жалобно пищитъ).

Женщина.

Какъ вамъ не стыдно... невѣжи!.. У меня родственница въ процессіи, говорю вамъ... А я чтобы топталась позади васъ?.. Слыханное ли это дѣло!

Помпей (галантно).

Ваша родственница... одна изъ исцѣленныхъ?

Женщина.

Да. А мнѣ мѣшаютъ смотрѣть на нее!

Помпей
(съ напускной суровостью).

Сможете потомъ повидать ее... Адресъ вѣдь знаете... (но онъ все-таки отталкиваетъ толпу, какъ бы невзначай, и очищаетъ мѣсто для женщины). Пожалуйте, пожалуйте. Отступите немного, господа!

(Вокругъ женщины поднимается крикъ).

Любопытный.

Вонъ ее!

Женщина въ желтомъ.

Какая наглость!

Лавочникъ.

Проныра!

Святоша.

Все вѣдь выдумала... чтобъ пробраться впередъ.

(Маленькая женщина старается остаться въ первомъ ряду, но ее понемногу оттѣсняютъ, несмотря на сопротивленіе, пока, наконецъ, не отталкиваютъ въ глубь площади).

Лапоммъ
(прохаживается вдоль рядовъ).

Проходите... проходите.

Лавочникъ.

Не становитесь предо мной! Я ничего не вижу.

Лапоммъ.

Я становлюсь, куда могу.

Лавочникъ.

Я не для того ждалъ три часа... чтобы въ концѣ концовъ разглядывать... вашу спину.

Лапоммъ.

Я васъ сведу въ участокъ, если вы будете грубить.

Лавочникъ.

Ишь вѣдь важничаютъ! Только потому, что на васъ блестящіе мундиры...

Лапоммъ (уводя его).

Вотъ какъ... Обзывать меня фараономъ! въ участокъ...

Лавочникъ (отбиваясь).

Да я ничего не сказалъ, ничего не сказалъ! (гулъ, пока его уводятъ).

Буржуа.

Онъ ничего не сказалъ.

Уличный мальчишка (насмѣшливо).

Ахъ, господинъ городовой... Зачѣмъ вы увели моего дядюшку?

Голосъ.

Долой полицію!..

(Четыре послѣднихъ возгласа одновременные).

Женщина въ желтомъ.

Вы какъ сюда попали? Развѣ вы тутъ стояли раньше?

Кто-то (издалека).

Стоишь, стоишь—и ровно ничего не видать!

Помпей
(ходитъ вдоль рядовъ, взбѣшенный).

Дурачье! давятъ, толкаютъ другъ друга... Надрываютъ силы больше, чѣмъ на работѣ... Всѣ они, кажется, только и трудятся... что въ праздники!

Репортеръ
(который пришелъ и слушаетъ его).

Обожаю его философію!

Помпей
(оборачивается съ удивленіемъ и досадой).

Какъ, это вы?.. И сюда попали... Какъ здоровье?

Репортеръ.

Отлично. А у васъ такое свѣжее лицо, что и спрашивать нечего.

Помпей.

Да, ничего... Существую... Постоянно на воздухѣ...

Репортеръ.

Движеніе полезно для здоровья... А также физическія упражненія... на спинахъ согражданъ. Вы вѣдь предаетесь этому моціону довольно часто.

Помпей (скромно).

Иногда—при случаѣ.

Репортеръ (конфиденціально).

Только ужъ, пожалуйста... пощадите нашихъ друзей. Сегодня придутъ сюда каменоломы. Такъ ужъ, пожалуйста, не притѣсняйте ихъ.

Помпей (льстиво).

Положитесь на меня... Я не дамъ ихъ въ обиду.

Репортеръ (удаляясь).

Пожалуйста... Они славные ребята. Оставьте ихъ въ покоѣ.

Помпей (глядя ему въ слѣдъ)

И такому идіоту приходится льстить!.. Только потому,

что онъ пишетъ въ газетѣ, гдѣ ругаютъ полицію. Ну, я ему отплачу (Лапомму). Если произойдетъ драка, вы, точно невзначай, схватите его вмѣстѣ съ другими... Пусть прохлаждается въ кутузкѣ со своими друзьями (замѣчаетъ, что толпа снова заняла середину площади). А пока, очистите площадь отъ этой шайки мальчишекъ. Или они тоже члены какого-нибудь синдиката?

Лапоммъ

(газетчику, продающему газеты на площади).

Убирайтесь туда, откуда пришли.

Газетчикъ (уходя).

А вы... за обратный билетъ заплатите?

Лапоммъ (уличному мальчишкѣ).

Ты куда? съ которыхъ поръ уличные фонари стали мѣстами для публики?

Мальчишка.

Такъ сойти?.. Жалко!

Лапоммъ.

Сію же минуту слѣзай. Не то я за уши стащу.

Мальчишка.

Сейчасъ, сейчасъ... (спускается по фонарному столбу и, проходя мимо Лапомма, напѣваетъ:)

Наши бравые агенты
Мастера ловить моменты.
Все они зѣваютъ...
Все они зѣваютъ...

Лапоммъ

(дѣлаетъ угрожающій жестъ, и мальчишка убѣгаетъ среди общаго смѣха. Черезъ короткое время онъ снова взлѣзаетъ на фонарь).

Помпей (толстой дамѣ).

Послушайте... матушка. Вы загораживаете собой мѣсто процессіи.

Толстая дама.

Грубіянъ, какъ вы смѣете!

Пьяница (хватая толстую даму).

Будь моей женой!

Толстая дама.

Ахъ, какой ужасъ!

Пьяница.

Ты будешь моей женой.

Толстая дама.

Ай, пустите меня!.. Убери руки, обезьяна!
(Голоса въ толпѣ; полицейскіе водворяютъ порядокъ).

Святоша.

Не кричите!

Буржуа.

Не толкайтесь!

Молоденькая модистка
(переходя площадь).

Оставьте... Нахалы!

(Полицейскіе оттѣсняютъ толпу. По улицѣ на первомъ планѣ, почти пустой, показывается Черный).

Работницы (у оконъ).

Посмотрите-ка... Какой странный человѣкъ пришелъ!

Черный
(не слыша ихъ и глядя на полицейскихъ).

Три негодяя, вооруженные палками, держатъ въ страхѣ всю толпу... Самые отчаянные драчуны, рослые бездѣльники, способные на что угодно... всѣ отступаютъ передъ ними... Но если бы на площадь явилась и заговорила мудрость... (смѣется). А послѣ этого еще увѣряютъ, что не сила правитъ міромъ.

Голоса въ толпѣ.

Студенты! студенты!..

(Шумъ, пѣсни. Нѣкоторые играютъ на разныхъ инструментахъ, серпентахъ и дудкахъ).

Студенты

(поютъ торжественнымъ голосомъ какъ псаломъ).

Laudamus femines
Pro magnificis...

(Они входятъ на площадь съ улицы направо; ихъ сопровождаютъ ихъ подруги въ студенческихъ шапочкахъ и вмѣстѣ поютъ подъ звуки серпентъ и дудокъ. Получается пестрый гулъ).

Помпей

(останавливая рукой группу студентовъ).

Позвольте, позвольте, господа... Сюда нельзя.

Леонардъ (студентъ, Лапомму).

Будьте добры, господинъ полицейскій, очистите намъ дорогу.

Лапоммъ (останавливая ихъ).

Да нѣтъ... Простите... Велѣно не пускать.

Андрэ (студентъ).

Не пускать студентовъ? Этого недоставало!

Помпей (подходя).

Пустите ихъ, Лапоммъ. Дайте имъ пройти.

Студенты (хоромъ).

Наконецъ-то...

Андрэ (Помпею).

Вотъ вы, по крайней мѣрѣ...

Леонардъ (съ комической важностью).

Вы знаете полицейскія правила.

(Они заполняютъ площадь; ропотъ въ толпѣ. Всѣ говорятъ: что за безобразіе! все имъ позволяется).

Помпей (студентамъ).

Только не стойте по серединѣ, не загораживайте дорогу. Съ минуты на минуту можетъ выйти процессія.

Андрэ (Леонарду).

Посмотри-ка! (Указываетъ на окно, откуда выглядываютъ работницы съ веселыми лицами).

Леонардъ (кланяясь имъ).

Привѣтъ красоткамъ! (Андрэ) Знаешь, почему онѣ стоятъ у оконъ? (толпѣ, указывая на Андрэ). Онъ вѣрно думаетъ, что для того, чтобы любоваться... его ангельскимъ личикомъ!

(Толпа смѣется надъ Андрэ).

Андрэ.

Вовсе нѣтъ! (весело) Онѣ просто... хотятъ доставить намъ удовольствіе.

Леонардъ.

Нѣтъ, не то (говоритъ мрачно, декламаторскимъ тономъ, обращаясь къ толпѣ). Мрачные шуты... плохо одѣтые... грязные... бормочащіе сквозь зубы латинскіе стихи... Вотъ что привлекаетъ этихъ богинь!

(Работницы начинаютъ смѣяться, смущенныя множествомъ взглядовъ, обращенныхъ на нихъ).

Андрэ (къ работницамъ).

Пойдемте съ нами!

Подруга

(толкнувъ Андрэ точно изъ ревности),

Какая наглость!

1-й Студентъ

(подойдя къ окну работницъ говоритъ торжественно).

Мы веселы!

2-я Подруга (оттаскивая его).

Не въ день платежа за квартиру.

Леонардъ

(въ свою очередь выступая впередъ).

Мы очаровательны!

Женщина (выходящая изъ толпы).

А главное... у нихъ много денегъ!

(Люди въ толпѣ разговариваютъ).

Святоша.

Это положительно невыносимо... Какъ это допускается...

Буржуа.

А полиція? Почему она терпитъ такое безобразіе?

Кумушка.

Такіе нахалы!

Буржуазка (крикливо).

Эстель, не смѣй... Не смѣй дѣлать имъ глазки!

Хоръ.

Вонъ студентовъ!

Работницы.

Что они дѣлаютъ! Милая, милая! Они съ ума сошли.

(Въ это время студенты подошли къ стѣнѣ дома, въ которомъ работницы стоятъ у оконъ, и Леонардъ взбирается на плечи своихъ товарищей, становится въ позу и изображаетъ на палкѣ игру на гитарѣ).

Леонардъ

(стоя, студентамъ, играющимъ на серпентахъ и дудкахъ).

Эй, оркестръ!

(Звуки дудокъ и серпентъ).

Леонардъ

(выходитъ изъ круга и оставляетъ модистку).

Органъ? Начинается... (дѣлаетъ жестъ, какъ бы благословляя толпу. Затѣмъ студенты опять становятся гуськомъ, держа другъ друга за плечи). Благословляю... А теперь... (Студенты начинаютъ снова играть на своихъ инструментахъ, другіе запѣваютъ языческій гимнъ напѣвомъ церковныхъ пѣвчихъ. Студенты хоромъ).

Laudamus femines
Pro magnificis...

Работницы (у оконъ).

Да здравствуетъ латинскій кварталъ!

Толпа.

Скатертью дорога! До свиданія!

Студенты (хоромъ за сценой).
Gloria feminibus...

(Уходятъ. Вдали слышны ихъ голоса и далекіе звуки органа. Вдругъ на улицѣ справа раздается пѣніе Карманьолы).

Лапоммъ (Помпею, въ ужасѣ).

Слышите! Это еще что такое?

Помпей.

Карманьола. Это каменоломы...

Лапоммъ.

Вотъ те на! Быть бѣдѣ...

Помпей (тихо Лапомму).

Не связывайся съ ними, слышишь?

Любопытный, святоша, мальчишка.

А, вотъ забастовщики!

Рабочіе

(выходятъ изъ улицы на площадь справа съ краснымъ знаменемъ во главѣ шествія).

Пропляшемъ карманьолу
Подъ звукъ, подъ грохотъ пушекъ...

Помпей.

Господа, тутъ прохода нѣтъ.

Захаріанъ.

Нѣтъ? почему?

Помпей.

Сейчасъ выйдетъ процессія.

Захаріанъ (съ пафосомъ).

Когда идутъ рабочіе со знаменемъ... полиція не очищаетъ передъ ними путь... Напротивъ того, она преграждаетъ дорогу.

Помпей.

Господа, вы нарушаете порядокъ. Мнѣ строго приказано не пускать никого на площадь.

Захаріанъ.

Имъ можно завывать... а намъ...

Илья.

Улица принадлежитъ и намъ... Мы тоже платимъ налоги.

Букронъ.

Поповскіе холопы!

Помпей.

Господа, прошу васъ, пройдите другимъ путемъ.

Рабочіе, каменоломы, возчики.

Уступить имъ мѣсто... пойти на попятный!

Помпей.

Будьте любезны не шумѣть.

Лапуйль.

Не скандаль, Захаріанъ.

Захаріанъ

(въ бѣшенствѣ бормочетъ сквозь зубы).

И народъ стоитъ и ждетъ, среди всѣхъ этихъ зѣвакъ. (рабочимъ) Прорвемся впередъ! (Рабочіе наступаютъ, собираясь вступить въ драку съ полиціей).

Помпей

(останавливая ихъ жестомъ).

Что вы, господа... съ ума сошли?

Любопытный и буржуа.

Тише! Тише! (слышно церковное пѣніе).

Захаріанъ.

Совсѣмъ точно похоронное пѣніе.

Илья.

Это они... такъ славятъ жизнь! (голоса въ толпѣ).

Буржуа и газетчикъ.

Довольно. Замолчите!

Кумушка (другой).

Вы уже видите ихъ?

Пѣвчіе (еще за сценой):

Sanctus quoque proclitus!

(Во время процессіи, послѣ вступленія на сцену пѣвчихъ, слышны изъ-за кулисъ, съ нѣсколькими перерывами, крики уличныхъ торговцевъ, нестройные и веселые звуки тромбона и трубы).

Голосъ (со смѣхомъ).

Надоѣла эта ихъ латинская чепуха!

Захаріанъ (насмѣшливо).

Церковные клоуны!.. Теперь они будутъ продѣлывать фокусы намъ на потѣху.

Илья.

Посмотри... посмотри на этого—пузатаго! (входитъ процессія).

Святоша.

Самъ архіепископъ идетъ во главѣ... Его священство!..

Илья

(горячо своимъ товарищамъ).

Съ какой гордостью онъ носитъ свое брюхо! Ходитъ и покачивается отъ важности.

Голосъ (съ боку).

Нельзя ли безъ грубыхъ штукъ!

Пѣвчіе.

Tu as liberandum!

(Голоса быстро смѣняются одинъ другимъ).

Женщина въ желтомъ.

Боже мой! Какое великолѣпіе!

Любопытный (другому).

Тебѣ видать архіепископа?

Модистка.

Не щекочи меня, невѣжа!..

Буржуа.

Что за костюмы! Какая роскошь!

Илья

(указывая на платья участниковъ процессіи).

Все это... и полотно и шелкъ... годится на саваны.

Голоса.

Замолчи, довольно!

Марія (тихо Ильѣ).

Ты насъ впутаешь въ бѣду.

Захаріанъ (тихо Маріи).

Убирайся, если ты трусишь.

Марія (тихо).

Я не за себя боюсь... Ты самъ знаешь, Захаріанъ... Но подумай о томъ, кого ты можешь погубить.

Захаріанъ (тихо).

Я дѣйствую на свой страхъ... Развѣ можно смотрѣть на все это безъ гнѣва? (громче) нужно... нужно... смести ихъ всѣхъ!

Черный

(въ глубинѣ, среди толпы, невидимый).

Нужно только истребить ложь... въ себѣ самомъ, и больше нигдѣ.

Илья (тихо).

Кто это сказалъ? Какъ будто...

Пѣвчіе.

Tu gloria Patris, judex crederis, esse venturum...

Пьяница.

Рому! Гдѣ можно достать рому? Скажите—я пойду и украду...

Захаріанъ (рабочимъ).

Пока живешь на землѣ, околѣваешь съ голоду... И некуда голову приклонить на ночь.

Возчикъ.

Долой собственниковъ!

Помпей.

Тише, тише, господа!

Захаріанъ.

Мы замолчимъ, когда захотимъ... Что они, святые, ваши попы?

Буржуа (къ толпѣ).

Ничуть не святые... Но вы мѣшаете намъ всѣмъ смотрѣть и слушать.

Илья (тихо и торопливо).

Слышишь, Захаріанъ... Что это за вой?

Захаріанъ.

Да... Что это такое?

(Слышны быстро чередующіеся, возвышающіеся голоса).

Святоша, Буржуа, Газетчикъ.

Это чудесно исцѣленные!.. Боже мой... вотъ чудеса!

(Исцѣленные кричатъ: Чудо! Чудо! Потомъ они выходятъ на сцену: одинъ машетъ по воздуху костылями, другой палкой и т. д.; издали пѣніе латинскихъ гимновъ).

Букронъ.

Взгляни на этихъ бѣсноватыхъ!

Захаріанъ (тихо).

Еще бы имъ не вопить... Каждому платятъ по сорокъ су. Съ голоду и не на то пойдешь. Что за мошенники эти попы!

Женщина

(чудесно исцѣленная, проходя).

Благословенъ Господь, вернувшій мнѣ зрѣніе!

Илья.

Хорошъ подарокъ! Можешь теперь наслаждаться всѣмъ этимъ безобразіемъ.

Первый чудесно исцѣленный (проходя).

Я хромалъ... Теперь я хожу. Чудо!

Захаріанъ (насмѣшливо).

Вѣдь ты, пріятель, скорѣе подохнешь съ голоду безъ костылей. Я тебя знаю. Ты просилъ милостыню. Съ чего же ты теперь будешь жить?

Пьяница.

Это правда. Онъ стоялъ на паперти Сенъ Луи.

Святоша.

Такъ значитъ онъ не лжетъ!

Второй чудесно исцѣленный (проходя).

Слава Господу! Я былъ глухъ... а теперь я слышу.

Святоша (восторженно).

Онъ... слышитъ!

Илья.

Пусть бы онъ хоть... услышалъ правду!

Илья и Захаріанъ

(возвышая голосъ, хоромъ).

Ты лжешь! Обманщикъ! Поповскій прихвостень!

Помпей (обращаясь къ Захаріану).

Если вы... будете скандалить... я уведу васъ силой!

Захаріанъ.

Они насъ задержали на цѣлыхъ четверть часа.

Рабочіе (женщины и мущины).

Вонъ!... вонъ ихъ!

(Въ толпѣ возмущеніе противъ забастовщиковъ).

Любопытный.

Замолчите, вы наконецъ!

Кумушка.

Убрать бы ихъ съ площади.

Захаріанъ (насмѣшливо).

Да. Дольше это длиться не можетъ!

Буржуа.

Нужно положить этому конецъ!

(Къ счастію процессія поворачиваетъ, и толпа, освободившись, начинаетъ двигаться по площади и смѣяться).

Работницы (у оконъ).

Эвоэ!

Люди (на крышѣ).

Оге!

Буржуазка (другой).

А мы пойдемъ за процессіей.

Модистка.

Да, ужъ лучше подальше отсюда.

Буржуа.

Леонъ, ты съ нами?

Мальчишки.

Нини!

(Процессія прошла, и рабочіе наполняютъ всю опустѣвшую площадь. Люди, стоявшіе у оконъ, понемногу расходятся).

Черный

(выходитъ изъ своего угла и подходитъ къ Захаріану, который направляется черезъ площадь къ церкви).

Куда ты ихъ ведешь, Захаріанъ?

Захаріанъ (удивленно).

Это ты? Ты все-таки пришелъ? Куда же ты дѣлъ своего Гаспара?

Черный.

Онъ остался на горѣ... съ Нелли.

Захаріанъ.

А ты не боишься, что она освободитъ его?

Черный (съ ироніей).

Не боюсь... а надѣюсь!

Захаріанъ (насмѣшливо).

Однако... Смѣшной ты, право!

Черный (серьезно).

Куда ты ихъ ведешь?

Захаріанъ.

Куда ихъ веду? Вотъ увидишь сейчасъ (онъ становится на скамейку и обращается къ рабочимъ) Товарищи!.

Каменоломы и возчики.

Мы слушаемъ... Говори!

Захаріанъ

(декламаторскимъ тономъ).

Скажите, почему бы и намъ... не устроить себѣ праздникъ? Вотъ они всѣ ходятъ по городу и веселятся... а мы тутъ стоимъ... подъ палками полиціи... Вотъ какъ обращаются съ народомъ!

Рабочіе.

Браво, Захаріанъ!.. Правда!

Захаріанъ.

Кто, спрашиваю я, построилъ ихъ соборъ?

Рабочіе.

Кто, какъ не мы!

Захаріанъ.

Конечно, мы! (со смѣхомъ). Правда, хвастать этимъ нечего... Камни, изъ которыхъ построена церковь, добыты изъ земли нашими заступами... Мы работали... изо всѣхъ цѣлые мѣсяцы отъ зари до зари (смѣется). Хотѣлъ

бы я знать, какъ бы они справились... если бы пришлось строить все это безъ нашей помощи.

Розали, каменоломы, возчикъ.

Такъ и видишь, какъ бы они потѣли! (представляютъ жестами, какъ поднимаютъ камни, задыхаясь отъ напряженія).

Захаріанъ (гнѣвно).

Такъ справедливо ли, что на ихъ праздникѣ мы не при чемъ? Рабочіе должны были бы шествовать впереди всѣхъ.

Илья.

Впереди всѣхъ... Совершенно вѣрно!

Захаріанъ.

Такъ слушайте же, товарищи... мы всѣ, съ женщинами и дѣтьми... войдемъ съ музыкой въ церковь и будемъ танцовать какъ на балу... въ знакъ радости... послѣ оконченной работы.

Возчикъ (рабочимъ).

Почему бы этого не сдѣлать?

Илья.

Да и вообще... всѣ церкви нужно обратить въ дома для рабочихъ.

Черный (съ горечью).

Или въ больницы... въ чердаки, въ конюшни! Главное, во что-нибудь практичное, полезное. Развѣ не величайшее доказательство человѣческаго величія... нашего безсознательнаго благородства, что у людей явилась мысль воздвигать зданія, предназначенныя для того, чтобы оставаться пустыми... куда приходили бы только души въ слезахъ... которыя были бы кровомъ только для... мечты. И если бы они дѣйствительно оставались жилищемъ мечты... вмѣсто того, чтобы служить какъ теперь на пользу...

Букронъ (недоумѣвая).

У тебя всегда какія-то странныя мысли... Церкви нужно обратить на пользу намъ.

Толпа.

Онъ правъ... Идемъ!

(Но уже въ теченіе нѣсколькихъ минутъ началось странное волненіе; рабочіе перешептываются съ волненіемъ и изумленіемъ. Изъ устъ въ уста переходитъ имя Гаспара).

Розали

(съ крикомъ указывая на кого-то, кого еще не видно, въ улицѣ справа)

Послушайте... тамъ Гаспаръ!

Женщина съ ребенкомъ.

Гаспаръ?.. Да, это онъ... И съ нимъ Нелли.

Каменоломъ (указывая на Гаспара).

Безстыжій!.. Мы думаемъ, что онъ тамъ... на горѣ, а онъ расхаживаетъ какъ принцъ... Это можно было ожидать!

Илья

(издали, съ насмѣшкой, Гаспару).

Пожалуйте сюда... Мы всѣ тутъ!..

Захаріанъ (Черному, съ упрекомъ).

Вотъ видишь, чего ты достигъ твоей жалостью.

(Черный ничего не отвѣчаетъ. Какъ только показывается Гаспаръ, двадцать человѣкъ тянутся къ нему съ кулаками; изо всѣхъ устъ раздаются злобные возгласы).

Толпа.

Предатель... шпіонъ... продажная тварь!

(Гаспаръ пытается говорить, но слышны только испуганные крики Нелли).

Черный

Да оставьте его... оставьте! Если онъ пришелъ...

Гаспаръ
(кричитъ подъ сыплющимися на него ударами).

Выслушайте меня... Выслушайте!

Захаріанъ.

Что ты можешь сказать... подлый! (къ Нелли) А ты, негодяйка...

Нелли.

Меня задавятъ!.. Ай!..

Лавочникъ (изъ сосѣдней улицы).

Что тутъ происходитъ? Опять эти забастовщики...

Газетчикъ.

Они кого-то убиваютъ!

Работницы
(у окна, кричатъ въ испугѣ).

Вора поймали! воръ!..

(Всѣ эти голоса быстро чередуются одинъ за другимъ; появляются Помпей и Лапоммъ).

Помпей (не выходя на площадь).

Что это, чортъ возьми!

Розали (указывая на Лапомма).

Полиція...

Каменоломы и возчики

Долой полицію. Да здравствуетъ соціальная революція!

Лапоммъ.

Я пойду за подкрѣпленіемъ...

Помпей
(увлекая за собой Лапомма).

Оставимъ ихъ... Пусть сами распутываютъ дѣло. А то опять пойдутъ ругать въ газетахъ!

(Они уходятъ, но появленіе полиціи разсѣяло сплоченную толпу рабочихъ, чуть не задавившихъ Гаспара и Нелли.

Наступаетъ передышка, Гаспаръ пользуется этимъ, вскакиваетъ на скамейку и къ общему изумленію начинаетъ говорить).

Нелли.

Выслушайте его!

Гаспаръ (очень твердо).

Вы будете довольны тѣмъ, что я вамъ скажу.

Рабочіе и женщины
(угрожающимъ тономъ).

Довольны! Ха-ха! Подлецъ!

Гаспаръ (указывая на Нелли).

Это она... она меня...

Розали
(подскакивая съ кулаками къ Нелли).

Потаскушка!..

Марія
(становясь между Розали и Нелли).

Дайте ему сказать... Если его будутъ прерывать...

Гаспаръ (взволнованнымъ голосомъ).

Я нарочно пришелъ сюда... Она объяснила мнѣ... Я, кажется, былъ неправъ... Я хотѣлъ самъ поговорить съ вами. Чего вы требуете? Скажите, чего вы требуете.

Черный.

Они требуютъ твоей отставки.

Захаріанъ и рабочіе.

Да, мы требуемъ, чтобы ты отказался отъ мѣста.

Розали.

Чтобы ты убрался къ чорту!

Гаспаръ (спокойно).

Хорошо... нечего ругаться и угрожать... я уйду.

Захаріанъ (удивленно).

Ты не покажешься въ каменоломнѣ? Вѣдь вотъ чего они требуютъ.

Гаспаръ (добродушно).

Моей ноги тамъ не будетъ. Если я вамъ надоѣлъ... то вѣдь это взаимно (возбужденно). Вы всѣ мнѣ давно опротивѣли.

Розали.

Онъ еще ругается...

Гаспаръ
(все болѣе и болѣе возбужденно).

Я не потому вамъ уступилъ, что боюсь васъ. Стоитъ бросить вамъ кость... и вы успокоитесь... Да, теперь я понялъ, почему... я всегда васъ такъ презиралъ. Вы думаете только о томъ, чтобы набить брюхо и спихнуть съ мѣста своихъ начальниковъ.

Черный.

А ты, Гаспаръ, развѣ не такой же какъ они? Человѣкъ, который привязанъ къ землѣ и жадно зарывается въ нее... Какъ ты легко осуждаешь и оскорбляешь! Тебѣ не на что жаловаться. Вѣдь они не отвѣчаютъ ударами на твою злобу... на твои оскорбленія... хотя ты безоруженъ...

Гаспаръ.

Я ихъ не боюсь. Но я не могу больше выносить этого уродства. Меня тошнитъ... Я усталъ.

Черный.

Усталъ отъ жизни... А ты даже не знаешь ее. Если бы ты хотѣлъ... уйти далеко... ходить по дорогамъ... нищимъ и одинокимъ... ты бы вдыхалъ жгучую радость свободы. Но ты плѣнникъ своего дома... ты безнадежно похороненъ въ немъ. Если бы ты зналъ... если бы зналъ... какъ отрадно ходить, мечтать, смѣяться... ходить по золотистымъ нивамъ... по лѣснымъ дорожкамъ. Идешь куда вздумается... никому ничего не долженъ... то, что ѣшь, не отравлено горечью сожалѣній. А ты вмѣсто того живешь рабомъ, рабомъ твоей должности, твоей земли, твоего имущества, тво-

ихъ денегъ... ты болѣе порабощенъ, чѣмъ всѣ, отягченные трудомъ.

(Толпа сочувственно шумитъ, не понимая его словъ).

Гаспаръ
(просвѣтленный, но все еще съ сомнѣніемъ въ голосѣ).

Да... да... я все покину. Я пойду жить съ вами... жизнью нищихъ... бродягъ...

Черный (воодушевленно).

Ты будешь всегда ступать по родной землѣ... Ты станешь самъ своей родиной... своей цѣлью. Никакихъ привязанностей... никакихъ чувствъ. Освобожденный отъ могильной тяжести этихъ стѣнъ... не задыхаясь болѣе съ мертвыми... въ ихъ черныхъ жилищахъ. Если ты это сдѣлаешь, Гаспаръ, ты узнаешь новую, прекрасную жизнь.

Гаспаръ (восторженно).

Новую жизнь!.. Наконецъ-то! О, какъ я жажду этого. И, главное,—подальше отъ нихъ!.. Господи! Если работаешь, какъ вьючное животное, то вѣдь только для того, чтобы кто-нибудь да былъ счастливъ (указывая на Нелли). Любишь своихъ, близкихъ сердцу... и для ихъ блага часто безъ стыда готовъ заплатить горемъ другихъ людей... Это правда... Мы не замѣчаемъ, что принесенное имъ, любимымъ (указывая на Нелли), достается цѣной слезъ бѣдныхъ людей. Лишь бы ребенокъ улыбался, больше ничего не хочешь. Но если она сама не желаетъ радостей, купленныхъ такой цѣной...

Нелли.

Нѣтъ, не желаетъ, Гаспаръ... Радостей много совсѣмъ другихъ.

Черный (горячо Нелли).

Ты скажешь ему, въ чемъ эти радости... и ты также, Марія... И вы, его братья по нуждѣ (подходитъ къ Гаспару и беретъ его руки въ свои). Вѣдь мы всѣ братья... мой бѣдный Гаспаръ!

(Во время этой сцены, неожиданность которой изумляетъ и тревожитъ толпу, Захаріанъ нѣсколько разъ пытается заговорить, но Марія или Нелли каждый разъ мѣшаютъ ему; наконецъ, онъ больше не выдерживаетъ).

Захаріанъ (злобно смѣясь).

Развѣ онъ... этотъ гнусный человѣкъ... въ состояніи...

Женщина съ ребенкомъ.

Онъ съ ума сошелъ. Что съ нимъ такое?

Возчикъ.

Онъ взбѣшенъ... тѣмъ, что пришлось придти съ повинной.

Гаспаръ (рабочимъ).

Я ненавижу васъ всѣхъ... ненавижу! (Черному) Только ты... у тебя великая душа... Ты другой, чѣмъ они... Да, я каюсь передъ тобой, прости меня! Но они... Они тебя не понимаютъ, повѣрь мнѣ. Я вѣдь по ихъ словамъ... по ихъ рѣчамъ судилъ о тебѣ... Я думалъ, что ты жестокій, злой. Ты увидишь... Ты увидишь, куда они тебя приведутъ.

Черный (возбужденно).

Никуда, Гаспаръ... никуда, куда бы я не захотѣлъ пойти.

Захаріанъ
(смѣется съ торжествующимъ видомъ).

Ну что? Видишь каковъ онъ? (смѣхъ и гулъ въ толпѣ.

Гаспаръ.

Они рабы... дикіе рабы.

Каменоломъ.

Мы лучше тебя.

Гаспаръ.

Они только пока еще безсильны творить зло, вотъ и все (каменолому). Пусть тебя назначатъ на мое мѣсто.

Захаріанъ (Гаспару, прерывая его).

Обѣщай имъ прежде всего пойти къ хозяину и переговорить съ нимъ.

Гаспаръ.

Зачѣмъ?

Возчикъ.

Потребуй, чтобы никого не разсчитали и чтобы повысили плату.

Розали (рабочимъ).

Дурачье!.. Такъ онъ и заступится за васъ!

Илья (Гаспару).

Послушай, если ты съ нами хитришь...

(Гаспаръ дѣлаетъ отрицательный жестъ, и успокоенные рабочіе радостно говорятъ другъ съ другомъ).

Женщина съ ребенкомъ.

Значитъ, кончена стачка... Наконецъ-то!

Возчикъ (рабочему).

Все-таки добились, чего котѣли!

Букронъ (торжествуя).

Хорошо, что мы не уступали...

Розали (тихо).

Черный не дуракъ — онъ его (указывая на Гаспара) околдовалъ.

(Въ то время, какъ они радуются, Захаріанъ, раздраженный ихъ уступчивостью, и, можетъ быть, тѣмъ, что не удался его планъ, принимаетъ какое-то новое рѣшеніе. Онъ поднимаетъ голову и прерываетъ радостное возбужденіе гнѣвнымъ жестомъ).

Захаріанъ (властно).

Вотъ вы какіе!... Сейчасъ же размякли! А кто намъ поручится, что онъ не лжетъ?

Каменоломъ (нерѣшительно).

Да вѣдь онъ въ нашихъ рукахъ... онъ за насъ теперь.

Захаріанъ (громовымъ голосомъ).

Не отпускайте его, товарищи! Потащимъ его вмѣстѣ съ нами... въ церковь.

Гаспаръ (удивленно).

Въ церковь? Зачѣмъ?

Черный (серьезно).

Мы будемъ праздновать тамъ... праздникъ человѣка.

Захаріанъ
(съ ироніей и угрозой въ голосѣ).

А если полиція нападетъ на насъ... то тебя, Гаспаръ, возьмутъ перваго.

Черный.

Идемте, друзья. Пусть Гаспаръ дѣйствительно, идетъ во главѣ... Но не какъ намѣченная жертва, а чтобы провозгласить торжество новой и вѣчной истины.

Гаспаръ
(покоренный Чернымъ, взволнованный).

О какой истинѣ ты говоришь?

Черный
(среди общаго глубокаго молчанія задумывается на минуту, потомъ начинаетъ говорить пророческимъ тономъ).

Горе имущимъ!.. Кто строитъ себѣ домъ, строитъ свою тюрьму, роетъ себѣ могилу... воздвигаетъ военную крѣпость... Когда ты покупаешь кусокъ земли, ты уже закапываешь себя въ могилу... Проявлять власть, значитъ уйти отъ чистой жизни и стать чужимъ даже для своего лучшаго друга... Единственное благое состояніе — ничего не имѣть. Богатство души—единственная цѣль, достойная человѣка. Не желайте ничего иного и глядите беззаботно на будущее. Будьте

сами для себя своимъ достояніемъ... своимъ знаменемъ... своимъ престоломъ. Оказывайте почетъ одеждѣ нищихъ.... блузѣ рабочаго... платью въ дырахъ и заплатахъ... Если бы Господь посѣтилъ нашъ жалкій міръ, Онъ бы явился въ блѣдномъ образѣ нищаго... или бродяги, ибо слава должна стать удѣломъ смиренныхъ... нищихъ... униженныхъ въ жизни. Нужно, чтобы и они пировали на праздникѣ земли, чтобы и они испытали радость и торжество!

Народъ (апплодируя).

Браво! да здравствуетъ Черный!.. Браво!

(Въ концѣ его рѣчи Нелли и Марія берутъ съ уличныхъ алтарей розы и зеленыя вѣтви и вмѣстѣ съ присоединяющимися къ нимъ женщинами изъ толпы рабочихъ раздаютъ цвѣты товарищамъ; импровизируется народный праздникъ и процессія съ цвѣтами, очень величественная. Всѣ кричатъ: ура! да здравствуетъ Черный! Но въ это время у оконъ и вокругъ площади появляются люди, привлеченные крикомъ. Они видятъ похищеніе цвѣтовъ и начинаютъ кричать и возмущаться).

Люди (въ окнахъ и на улицѣ).

Злодѣи!.. Посмотрите!.. Скорѣй, позовемъ полицію!

(Входитъ Помпей и полицейскіе въ то время, какъ рабочіе, ничего не отвѣчая, собираются съ цвѣтами въ рукахъ очистить площадь).

Помпей (издали).

Эй, остановитесь, господа!

Голосъ (въ толпѣ).

Вонъ анархистовъ!

Гаспаръ
(глядя на толпу въ то время, какъ рабочіе останавливаются).

О, этотъ народъ... Онъ воздаетъ почести деревяннымъ статуямъ, а героевъ съ плотью и кровью...

Черный.

Онъ славитъ ихъ тоже, Гаспаръ,—по своему.

Толпа.

Это что за проходимцы!

Модистка.

Это начальникъ работъ изъ каменоломни... Вы вѣдь знаете... тамъ стачка.

Газетчикъ.

Вовсе это не онъ.

Каменоломъ.

Смерть тиранамъ!

Черный.

Внимайте только голосу любви... Любовь да будетъ вашей единой цѣлью.

Крики и смѣхъ въ толпѣ.

Ха-ха... любовь! Хорошо сказалъ!

Гаспаръ

(едва сдерживаясь, чтобы не кинуться на нихъ).

Жалкіе идіоты!

Илья.

Развѣ они когда-нибудь что-нибудь понимали?

Помпей

(появляется съ отрядомъ полицейскихъ, что вызываетъ въ толпѣ разные возгласы, то одобренія, то страха).

Помпей

(возвращаясь съ отрядомъ полиціи).

Расходитесь!.. Вотъ все, что отъ васъ требуется.

Захаріанъ.

Расходиться... почему?

Помпей (толкая Захаріана).

Вы производите безпорядокъ, убирайтесь!

Захаріанъ (упираясь).

Вотъ какъ... и унести съ собой на память ваши оскорбленія.

Голосъ (въ толпѣ).

Бродяги... бездѣльники!..

Мальчишка
(приставляя руку ко рту трубой).

Отправляйтесь на рбаботу!

Репортеръ
(указывая на толпу и дѣтей).

Вы бы лучше усмирили ихъ... вмѣсто того, чтобы приставать къ нашимъ друзьямъ.

Рабочіе (дразня полицейскихъ).

Пропляшемъ карманьолу!..

Толпа.

Чортъ знаетъ, что такое! А полиція... почему полиція бездѣйствуетъ?

Помпей.

Вонъ! вонъ! Очищайте площадь. У меня лопнуло терпѣніе...

(Полицейскіе бросаются на каменоломовъ, хватая нѣсколькихъ и отбиваясь отъ ударовъ).

Рабочіе.

Подъ шумъ... подъ грохотъ пушекъ!..

Репортеръ.

Вы арестовываете меня?.. представителя прессы... Я хроникеръ «Народной Газеты»... Я вамъ отомщу...

Лапоммъ.

Отомстишь!.. Ну, а пока, вотъ тебѣ...

Захаріанъ.

Я расколочу всѣ эти головы, какъ порожніе горшки.

Голосъ (въ толпѣ).

Заберите же ихъ! Они бросаютъ въ насъ камнями.

Илья
(дерется съ чудесно исцѣленнымъ).

Исцѣленные туда же... Такъ вотъ для чего святой Антоній вылѣчилъ твои руки.

Чудесно исцѣленный.

Да... теперь я тебѣ не спущу! (продолжаютъ драться).

Возчикъ.

Полиція уводитъ Букрона! Букронъ!..

Захаріанъ.

Чего и ожидать отъ такого правительства!—Арестовывать пролетаріевъ!.. Пора положить всему этому конецъ!

Букронъ.

На помощь! на помощь!

Захаріанъ.

Держись... не сдавайся!

Толпа (съ испугомъ).

Бьютъ стекла... берегитесь!

Помпей (возбужденно суетится).

Дѣло дрянь... Они бѣшеные какіе-то! А еще говори съ ними, какъ съ принцами крови.

(Уходитъ, продолжая драться. Черный и Марія остаются одни въ сторонѣ)

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Черный и Марія.

Черный
(отвѣчая, очевидно, на слова Маріи).

Ты въ этомъ увѣрена?.. Захаріанъ...

Марія.

Я слышала, какъ онъ сказалъ Ильѣ...

Черный (мрачно).

Если онъ задумалъ нѣчто подобное... я не могу удержать его. Тираны умѣютъ повелѣвать... но я!.. Если бы я даже на часъ проявилъ власть... А потомъ?.. Все равно, ничего не подѣлаешь... Если мнѣ не удается измѣнить ихъ душу...

Марія.

А развѣ это возможно?

Черный (съ отчаяніемъ).

Человѣкъ сотворенъ изъ праха... изъ тяжелаго праха земли... И ноги его увязаютъ въ грязи... Если онъ и поднимается... то скоро снова погружается... Его давитъ тяжелый... инстинктъ борьбы... природный, страшный!.. И противъ этого никто не властенъ. Ни я... ни кто-либо другой.

Марія.

Но полюбивъ тебя, можно стать лучшимъ... А Захаріанъ любитъ тебя.

Черный.

Да, какъ слѣпой рабъ... Зловредный... невѣрный по природѣ. Если онъ взорветъ церковь... это приговоръ мнѣ.

Марія.

Въ твоей власти приказать... Ты царь для всѣхъ насъ.

Черный.

Жалкій царь... Безъ вѣнца... безъ всякой власти... безъ всякой видимой силы.

Марія.

Молю тебя... попытайся еще разъ!.. еще одинъ только разъ!

Черный (удрученный).

Нѣтъ... Да свершится судьба!

Марія (стараясь увлечь его).

Ты не долженъ приходить въ отчаяніе... Ты, мой богъ... Ты, такой сильный...

Черный (съ ироніей).

Если хочешь... попытаемся.

(Изъ-за сцены слышны революціонныя пѣсни и шумъ драки. Черный и Марія направляются на улицу налѣво, но наталкиваются на Лапомма, который поддерживаетъ раненнаго полицейскаго; ихъ хотятъ арестовать, но имъ удается спастись. Движеніе толпы въ прилегающихъ улицахъ).

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Лапоммъ, Полицейскій.

Лапоммъ
(глядя вслѣдъ Черному и Маріи).

Бѣгите пока... Я васъ еще поймаю.

Раненный полицейскій
(останавливаясь на площади, стонетъ).

Во всемъ этомъ... виновато правительство.

Лапоммъ.

Да, конечно... теперь всѣ командуютъ, кромѣ насъ. А на насъ только сыплются удары.

(Вдругъ слышенъ страшный взрывъ. Церковь рушится. На сцену со всѣхъ сторонъ бѣгутъ люди съ воплями. Густой дымъ).

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Лапоммъ, Полицейскій, Голоса.

Голосъ мальчика.

О! о! о!

Голосъ женщины.

Боже мой, какъ больно!

Голосъ работницы.

Гдѣ ты! гдѣ ты?..

Буржуа.

Ничего не видно.

(Дымъ слегка разсѣялся. Люди бѣгутъ какъ съумасшедшіе черезъ площадь. Помпей, окруженный полицейскими, вбѣгаетъ ураганомъ на сцену).

Помпей.

Церковь... церковь взлетѣла на воздухъ! Вотъ тебѣ и праздникъ! (зоветъ) Лапоммъ!.. гдѣ вы, чортъ васъ побери!

(Продолжаются рѣзкіе крики).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ IV-е.

Крутой берегъ надъ моремъ. Въ глубинѣ направо ступеньки въ скалахъ. Слѣва тропинка, спускающаяся къ маленькому порту, отъ котораго смутно видны нѣсколько домовъ. Сумерки. Потомъ восходитъ мѣсяцъ. При поднятіи занавѣса, видны на утесѣ Илья и Захаріанъ, сидящіе почти на корточкахъ, около трупа рыбака, только что убитаго ими.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Илья, Захаріанъ и рыбакъ.

Илья (указывая на трупъ).

Прикончили наконецъ!

(Сбрасываютъ трупъ съ высоты утеса въ море).

Захаріанъ (помолчавъ).

Еще немного... и вѣдь онъ бы меня укокошилъ... А ты стоялъ, не двигаясь, за утесомъ.

Илья.

Нельзя же вдвоемъ идти противъ одного.

Захаріанъ (угрюмо).

По-твоему нельзя?.. Ну, а они... Вся деревня охотится на насъ... Съ тѣхъ поръ, какъ объявлена цѣна за наши го-

Илья.

Нѣтъ, безъ борьбы ничего не дѣлается... И чтобы убѣдить этихъ упрямцевъ...

Захаріанъ (рѣшительно).

Слишкомъ много съ ними разсуждаютъ... Пусть отправляются бесѣдовать въ елисейскія поля... А пока отберемъ у нихъ земли. Не то пройдутъ тысячи лѣтъ прежде, чѣмъ что-нибудь измѣнится.

Илья (мрачно).

Имущіе не могутъ быть заодно съ нами.

Захаріанъ.

Напримѣръ, такой человѣкъ, какъ этотъ Гаспаръ.

Илья.

Конечно, нѣтъ... Перемѣнить платье не значитъ сдѣлаться новымъ человѣкомъ.

Захаріанъ.

Такому другу я предпочитаю открытаго врага... Ты замѣтилъ, какъ Черный теперь дурно относится къ намъ?

Илья.

Ты это тоже видишь?

Захаріанъ.

Еще бы. Послѣ исторіи съ церковью онъ пересталъ говорить съ нами... Они его точно подмѣнили... И все потому, что мы не трусы... Если бы было побольше такихъ...

Илья.

Во всемъ виноваты женщины.

Захаріанъ.

Онѣ поклоняются Черному, какъ Богу... А съ тѣхъ поръ, какъ Гаспаръ присталъ къ нимъ... насъ совсѣмъ оттолкнули; мы точно не существуемъ.

Илья (глядя на дорогу слѣва).

Захаріанъ... ты видишь?

Захаріанъ.

Тамъ... по дорогѣ?..

Илья.

Кажется...

Захаріанъ (вскочивъ).

Да, конечно... неужели ихъ накрыли?

(Они прячутся за утесами въ то время, какъ появляются крестьяне съ фонарями, окружившіе Чернаго и другихъ).

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Тѣ же (спрятанные), Черный, Марія, Нелли, Гаспаръ, толпа.

Деревенскій житель
(Черному и женщинамъ).

Остановитесь!

Матросъ.

Какіе-то бродяги... входятъ въ деревню важно, точно короли. И никто не гонитъ ихъ прочь!

Женщина (грозя Нелли и Маріи).

А эти цыганки... Онѣ навѣрное приманиваютъ колдовствомъ мужчинъ и тащатъ у нихъ деньги.

Другая женщина.

Да... имъ отдаютъ наши послѣдніе гроши!

Старый рыбакъ.

Замолчите. Чего вы взбѣсились?

Жена рыбака.

Ну да... И такъ хлѣба мало... Не голодать же намъ самимъ ради нихъ!

Старый рыбакъ.

Нечего кипятиться... Вѣдь мы ихъ окружили и уже не отпустимъ.

Житель деревни (громко Черному).

Подъ страхомъ тюрьмы... пусть никто изъ васъ не трогается съ мѣста... Тутъ вы всѣ должны остаться до утра... И если кого-нибудь изъ васъ накроютъ въ какомъ-нибудь крестьянскомъ дворѣ..

Крестьянинъ.

Отъ нихъ всего станется!

Житель деревни

(оглядывая ихъ съ любопытствомъ).

Они говорятъ, что даютъ представленія... а у нихъ даже нѣтъ обезьянъ съ собой... Нѣтъ пляшущихъ медвѣдей.

Черный (съ притворной простотой).

Я вамъ объясню... Мы играемъ комедіи.

Крестьянинъ.

Такъ гдѣ же костюмы и декораціи?

Черный.

Наша труппа не вся пришла. Нѣсколько товарищей еще въ дорогѣ и багажъ съ ними.

Крестьянинъ (заинтересованный).

Такъ вы дадите намъ представленіе?

Черный (просто).

Да, когда придутъ остальные.

Крестьянинъ.

Что же вы намъ представите?

Черный

«Страсти Господни».

Крестьянинъ.

Да что вы, неужели? «Страсти Господа Іисуса Христа»?

(Онъ покатывается со смѣху. Другіе тоже хохочутъ вслѣдъ за нимъ. Гаспаръ хочетъ броситься на него. Черный его удерживаетъ).

Черный (крестьянамъ).

Разойдитесь и не бойтесь. Мы мирные комедіанты и такъ привыкли исполнять свои роли въ великой вѣчной драмѣ, что не умѣемъ спорить и драться... Мы не станемъ проливать кровь, устраивая безсмысленное побоище. Но, если вы придете черезъ нѣсколько времени, вы увидите насъ переодѣтыми въ героевъ... и мы будемъ произносить наши тирады... Можетъ быть, тогда вы оцѣните насъ.

Крестьянинъ
(въ то время, какъ его уводятъ).

Все-таки нельзя изображать Христа съ такими лицами.

Черный (съ ироніей).

И Аполлонъ въ кабакѣ Золотого Солнца изображаетъ же бога.

Крестьянинъ.

Что же это значитъ?

Черный.

То, что всякій дѣлаетъ, что можетъ.

Крестьянинъ (насмѣшливо).

Значитъ, если на васъ надѣть маску... то вамъ не возбраняется походить... на принца.

Черный (взявъ за руку ребенка).

Да, какъ этотъ маленькій цвѣтокъ съ красивыми щечками...

Крестьянинъ.

Можетъ изображать ангела, не правда ли?

Черный (разсмѣявшись).

Если только она не раскроетъ ротъ съ тѣмъ, чтобы плюнуть мнѣ въ лицо.

Голосъ.

Зачѣмъ?

Черный.

Какъ знать... (Останавливаетъ расходящихся крестьянъ). Подождите... Хотите я вамъ покажу Іуду?

Старикъ.

Гдѣ онъ?

Черный.

Вотъ.

(Показываетъ Захаріана, который вернулся съ Ильей въ то время, какъ крестьяне уходили; Захаріанъ подходитъ къ Черному, а мальчишки издали бросаютъ камни).

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Черный, Гаспаръ, Марія, Нелли, Захаріанъ, Илья.

Захаріанъ

(въ бѣшенствѣ идетъ за крестьянами).

Дурачье!.. Но зачѣмъ же ты сказалъ это про меня?

Черный.

Это я въ шутку, Захаріанъ.

Захаріанъ (возвращаясь).

Ты отдаешь насъ на посмѣшище толпы?

Нелли.

Безъ этой хитрости... мы бы попались.

Марія.

Какъ они глумились!.. Если бы они не были такъ тупы...

Черный (съ горькой терпимостью).

Они еще пресмыкаются во прахѣ... еще не отдѣлились отъ земли.

Гаспаръ (глухо).

И пусть снова идутъ въ нее... Мнѣ надоѣло преклонять голову передъ этими рабами.

Черный (съ ужасомъ).

А мнѣ надоѣло позорно бѣгать отъ нихъ... какъ разбойникъ.

Захаріанъ (смѣясь).

Ну, а если мы доставимъ вамъ возможность бѣжать?... Вы все еще будете говорить мнѣ и Ильѣ, что мы ни къ чему не пригодны?

Нелли (нетерпѣливо).

Что ты нашелъ такого драгоцѣннаго?

Захаріанъ.

Ничего особеннаго... лодку.

Гаспаръ (пораженный).

Да неужели?.. Оснащенную лодку?

Илья.

Остается только сѣсть въ нее и грести.

Марія.

Какъ же вы ее добыли?

Захаріанъ (смущенно).

Не все ли равно?.. Счастливая случайность... Воспользуемся ею.

Марія (радостно).

Наконецъ-то... Наконецъ-то кончится это ужасное существованіе.

Захаріанъ (радостно).

Не быть больше въ бѣгахъ... не испытывать вѣчнаго страха.

Черный (мрачно и строго).

Ты увѣренъ, что это возможно, Захаріанъ?

Нелли (не понимая его словъ).

Боже, какое счастье! А ты, Черный, ничего не говоришь?. Подумай, уѣхать... уѣхать...

Черный (выдавая свою скорбь).

О, Нелли... если бъ это значило уйти отъ людей!

Нелли (въ отчаяніи и тревогѣ).

Какой ты сегодня странный!

Захаріанъ (вспыльчиво).

Такъ вотъ какъ ты принимаешь то, что мы дѣлаемъ для тебя!

Черный (рѣзко).

Да, такъ, а не иначе!.. Я усталъ, Захаріанъ.

Гаспаръ.

Въ тебѣ точно что-то сразу надломилось.

Черный

(садится на выступъ скалы; остальные понемногу приближаются къ нему и окружаютъ его).

Я хотѣлъ бы не выдать своей печали, Гаспаръ, и принять вашу радость, какъ нѣжную, желанную сестру... Но достаточно, чтобы одна мечта потускнѣла, и вся душа издаетъ только фальшивые звуки... Я не могу болѣе лгать.

Захаріанъ (съ досадой).

Да... ты лжешь недостаточно искусно.

Черный

(поднимаетъ голову и оглядываетъ Захаріана съ холодной гордостью).

Что ты сказалъ?

Захаріанъ.

У тебя есть что-то противъ одного изъ насъ.

Черный
(съ возрастающимъ волненіемъ).

А ты знаешь что?

Захаріанъ.

Нѣтъ, не знаю.

Черный (строго и насмѣшливо).

Меня гложетъ тайна, страшная тайна... Лисица, скрытая на груди молодого спартанца, меньше терзала его, чѣмъ меня моя тайна. Но я бы до конца носилъ ее подъ грубой одеждой, не говоря ни слова... И если бы нужно было... я бы вынесъ муку... очень долго.

Гаспаръ.

Но чего жъ ты ждалъ, чтобы нарушить молчаніе...

Черный.

Я ждалъ момента, когда вы выходили бы изъ гавани.

Марія (съ любовью).

И были бы почти спасены.

Черный (спокойно).

Да, я хотѣлъ...

Илья (раздраженно).

Для того, чтобы испортить радость избавленія?

Захаріанъ (въ бѣшенствѣ).

И чтобы опять мы оказались виновными во всемъ... Сознайся, ты въ гнѣвѣ на насъ?

Черный (быстро поднимаясь).

А можетъ быть на себя самого, Захаріанъ.

Захаріанъ
(недовѣрчиво, почти смѣясь).

Ну ужъ на себя...

Черный (строго).

Да, Захаріанъ.

Захаріанъ (задумчиво).

Наши отношенія испортились.

Черный (возбужденно).

Среди насъ есть чужой.

Захаріанъ
(отступаетъ на шагъ, потомъ испуганно возвращается)

Чужой? какъ такъ?

Черный (упавшимъ голосомъ).

Да, человѣкъ, который уже не согласенъ съ другими, смущаетъ ихъ... и можетъ вызвать самыя ужасныя катастрофы.

Захаріанъ.

Что же изъ этого слѣдуетъ?

Черный (не глядя на него).

Что онъ долженъ уйти... одинъ!

Гаспаръ (охваченный жалостью).

Что ты? Вѣдь это значитъ послать его на смерть.

Черный
(рѣшительно, пророческимъ тономъ).

На нищету и безконечное страданіе... на долгія скитанія подъ дождемъ и вѣтромъ... Среди опасностей ночной поры... На остановки въ темныхъ лѣсахъ и въ трясинахъ и даже на худшее, на позоръ... И на еще болѣе страшное по твоимъ словамъ... на смерть. Ну такъ что же? Развѣ мы сами не знаемъ этихъ страданій, не переживали... болѣе страшныхъ,

чѣмъ смерть? За нами гонятся... У насъ нѣтъ ни крова, ни хлѣба... насъ всѣ ненавидятъ. Когда я подумаю о васъ всѣхъ, о вашихъ страданіяхъ... Кто въ нихъ виноватъ?.. Что если онъ! пусть же онъ останется здѣсь, вдали отъ всего... пусть его видятъ далеко съ моря... затеряннымъ въ скалахъ... воющимъ на луну...

(Произнеся эти слова, онъ поднялся на скалу, и спутники, оставшіеся у подножія, видятъ его стоящимъ и простирающимъ руки къ морю).

Захаріанъ

(въ ужасѣ, ударяя себя въ грудь).

Такъ значитъ это я?

Черный (съ усиліемъ).

Никто... Никто, Захаріанъ, не обвиняетъ тебя.

Захаріанъ

(перебѣгаетъ отъ одного къ другому, какъ человѣкъ, молящій о пощадѣ).

И вы считаете, что это справедливо?.. Конечно, вамъ это на руку... Вы всегда, всегда противъ насъ!

Гаспаръ.

Ты неправъ, Захаріанъ.

Захаріанъ

(злобнымъ, угрожающимъ тономъ, подходя къ Гаспару и глядя ему въ лицо).

Когда человѣка долго ненавидишь и держишь его въ своей власти, и когда вдругъ онъ оказывается болѣе сильнымъ, то этого нельзя забыть... Не правда ли, Гаспаръ?.. Ты не можешь этого отрицать.

Гаспаръ.

Я могъ бы питать злобу къ тебѣ, въ особенности послѣ того, какъ мнѣ пришлось... почти что противъ воли... бѣжать вмѣстѣ съ вами (онъ указываетъ на Нелли). Но я ни о чемъ не жалѣю... потому что я узналъ во время бѣгства истинную жизнь (онъ глядитъ на Чернаго, нѣжно положившаго ему руку на плечо. На минуту всѣ смолкаютъ).

Захаріанъ (болѣе спокойно).

Въ чемъ же собственно дѣло?

Черный (подходя къ Захаріану).

Захаріанъ... почему ты, не сказавъ мнѣ заранѣе...

Захаріанъ (задорно).

Что... взорвалъ эту клѣтку?

Черный (съ глубокой печалью).

И вмѣстѣ съ нею несчастныхъ людей... сотворенныхъ изъ плоти и крови... Не изъ камня... И въ которыхъ, быть можетъ, умерла частица духа Божія.

Захаріанъ (выпрямившись).

Такъ вотъ что тебя печалитъ! Этого еще недоставало.

Черный.

Я страдаю во всѣхъ, кто страдаетъ... и кто ранитъ моего брата, наноситъ рану мнѣ, Захаріанъ... Если ты этого не зналъ до сихъ поръ, то значитъ, никогда ни одно изъ моихъ словъ не перелетало черезъ пространство, отдѣляющее меня отъ тебя.

Захаріанъ.

Онъ угнетаетъ народъ.

Черный.

Нужно убивать то, что вызываетъ ихъ дѣйствія, а не ихъ самихъ.

Захаріанъ.

Ну, если бы они тебя захватили...

Черный.

Только духъ можетъ дѣйствовать на духъ.

Захаріанъ.

Ну да, конечно. Собирать кучеровъ и служанокъ и го-

воритъ имъ о всемірномъ братствѣ... Ты думаешь, что это что-нибудь измѣнитъ?

Гаспаръ.

Вотъ видишь, какъ онъ тебя понимаетъ!

Захаріанъ (возбужденно).

Все равно, понимаю ли я его или нѣтъ... И не у тебя, Гаспаръ, мнѣ учиться. Довольно съ меня Чернаго. Я не желаю быть слугой всякаго, кто пожелаетъ давать мнѣ приказы. И все, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ изъ добрыхъ побужденій.

Черный.

Я въ этомъ не сомнѣваюсь, Захаріанъ.

Захаріанъ (подходя къ Черному).

У меня не было намѣренія идти противъ твоихъ желаній, повѣрь мнѣ.

Черный (съ грустной ироніей).

Ты хотѣлъ исполнить ихъ, не правда ли?

Захаріанъ (подходя еще ближе).

Въ концѣ концовъ... кто внушилъ мнѣ то, что я совершилъ?

Черный.

Кто, какъ не я, конечно.

Захаріанъ
(становясь вплотную около Чернаго).

Да... только ты, и никто другой.

Марія (Захаріану).

Развѣ онъ... сотни разъ... не внушалъ намъ...

Захаріанъ (злобно и тупо).

Что... какъ не презрѣніе къ богатымъ и ненависть къ несправедливымъ законамъ?

Черный

Сама любовь, войдя въ него, вооружится кулаками и грозными криками.

Гаспаръ (восторженно).

Но вѣдь истина... истина существуетъ?

Черный (задумчиво и скорбно).

Истина, Гаспаръ... Истина, конечно, прекрасная богиня. Но развѣ достаточно служить ей, чтобы хорошо поступать? Развѣ Цирцея не превратила любившихъ ее въ стадо свиней?.. Гнусныя чары, скажете вы... Ну, а истина, что она сдѣлаетъ со своими приверженцами, или, вѣрнѣе, что они дѣлаютъ съ нею? Каждый изъ нихъ извращаетъ ее, дѣлаетъ ее пошлой и низкой... Ею пользуются, чтобы утаить свои житейскіе помыслы, чтобы замаскировать свои желанія. Стяжательство и развратъ, пьянство и жадность... все становится подъ ея защиту и прячетъ свою низость за ея божественной маской... Вакхъ качается у дверей кабаковъ, и Юпитеръ ласкаетъ Леду на грязныхъ стѣнахъ притоновъ. Хорошъ конецъ для героевъ призывать прохожихъ и укрывать воровъ, красуясь на вывѣскахъ!.. Истина... истина... гдѣ она, Захаріанъ?

Захаріанъ (иронически).

Ты это зналъ... прежде.

Черный (ослабѣвъ).

Прежде да... но теперь...

(Онъ отходитъ къ краю утеса и въ изнеможеніи опускается на камень).

Гаспаръ (тихо, Захаріану).

Тебѣ не стыдно, Захаріанъ?

Захаріанъ (презрительно).

Развѣ я обязанъ повиноваться ему? Если онъ хотѣлъ повелѣвать нами, какъ собаками, почему онъ не заявилъ объ раньше?

Илья (тоже презрительно).

А теперь онъ вздумалъ... отстаивать буржуа!..

Черный.

Какъ вы могли подумать, что слухъ мой будетъ наслаждаться стонами? Эти звуки острѣе ранили меня, чѣмъ тысячи ножей. Вы стали палачами... Мое имя возбуждаетъ ужасъ... и по чьей винѣ?.. Ты безчеловѣчно коваренъ, Захаріанъ: ты надѣлъ мое платье, свершая преступленіе... и меня же обвиняешь!

Захаріанъ.

Все это слова... Что они означаютъ?

Черный.

Они выражаютъ только мою скорбь... мой позоръ... и ничего другого.

Марія

(бросаясь къ Черному и становясь на колѣни).

Боже! Успокойся... успокойся.

Черный.

Марія... подъ твоимъ взглядомъ улеглись бы бурныя воды! Но другіе... пусть не подходятъ ко мнѣ.

Илья (Черному).

Ты во всемъ виноватъ.

Захаріанъ (подходя къ Черному).

Вѣдь это правда... сознайся. Ты причина всѣхъ нашихъ бѣдствій...

Черный (въ отчаяніи).

Несчастные!.. Несчастные!

Илья (задумчиво и грустно).

Когда я вспомню о моей прежней жизни... о погибшемъ навсегда спокойствіи... Вѣдь безъ него я жилъ бы спокойно...

Чѐрный (опускаясь на землю).

Я буду стоять на колѣняхъ передъ ними... пусть они кидаютъ мнѣ въ лицо грязью.

Гаспаръ
(грозя Захаріану и Ильѣ).

Ужъ пусть лучше скорѣе убираются отсюда!

Черный
(смѣясь какъ въ бреду).

Я буду голодать цѣлый мѣсяцъ... чтобы обратить мой желудокъ... если возможно... къ ученію поста...

Гаспаръ (Ильѣ и Захаріану).

Убирайтесь отсюда!..

Захаріанъ (добродушно).

А вы?

Гаспаръ
(внѣ себя отъ бѣшенства).

Лучше умереть на этихъ камняхъ... чѣмъ быть обязанными вамъ своей жизнью.

Захаріанъ (насмѣшливо).

Ты опять, кажется, чувствуешь себя хозяиномъ и распоряжаешься всѣми.

Гаспаръ (сжимая кулаки).

Захаріанъ... убирайся скорѣе... Не то я не отвѣчаю за себя.

Захаріанъ (уходя).

Ну такъ погибайте здѣсь... сумасшедшіе!

(Захаріанъ и Илья убѣгаютъ по ступенькамъ въ скалахъ. Гаспаръ идетъ за ними, поднявъ кулаки. Черный сидитъ на скалѣ обезсиленный. Марія и Нелли рыдаютъ около него. Наступила ночь и глубокая тишина).

ЯВЛЕНІЕ IV-ое.

Нелли, Марія, Черный, Гаспаръ.

Черный

(выходя наконецъ изъ оцѣпѣненія и видя Нелли дрожащую, испуганную).

О, Нелли... какъ она дрожитъ! Хочешь, позовемъ ихъ? Еще не поздно.

Гаспаръ (глядя на море).

Конечно, отчалили.

Черный.

Бѣдныя дѣти... вы погибли!

Марія (нѣжно).

Ничуть... мы съ тобой

Гаспаръ (слѣдя за лодкой).

Они выѣхали въ открытое море.

Черный (въ ужасѣ).

И оставили васъ... Почему они силой не втолкнули васъ въ лодку... Смотрите, что это мелькаетъ бѣлое?

Гаспаръ.

Это пѣна сверкаетъ при лунѣ.

Марія (глядя на брызги).

Точно ангелы летаютъ.

Черный (таинственно).

А если это дѣйствительно ангелы?

Нелли.

Тогда зачѣмъ столько страданій?

Черный.

Не знаю, моя Нелли... Послушайте! теперь нужно и

Черный (тревожно).

Я вѣдь говорилъ вамъ... Насъ захватятъ... Гаспаръ, уведи Нелли.

Гаспаръ.

Гдѣ же мы встрѣтимся?

Черный.

На островѣ постоянства.

Гаспаръ (довѣрчиво).

Это далеко... Какъ идти туда?

Черный (взволнованно).

По прямой дорогѣ. Идите вдоль берега и спрашивайте... Идите скорѣе.

(Нелли и Гаспаръ убѣгаютъ. Черный слѣдитъ за ними взглядомъ, лицо его отражаетъ глубокое страданіе. Марія приближается къ нему съ тревогой).

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Черный, Марія.

Марія.

На островѣ постоянства?

Черный
(взявъ ея руки въ свои).

Бѣдная моя Марія... они покинули его.

Марія (удивленно).

А ты имъ сказалъ...

Черный.

Острова этого нѣтъ нигдѣ... кромѣ того мѣста, гдѣ ты... Тамъ, гдѣ ты ступаешь...

Марія (наконецъ понявъ).

Боже, какъ ты добръ ко мнѣ!..

Черный.

Нѣтъ, Марія, ты заслуживаешь большаго... большаго!

Марія

(глядя на него восхищеннымъ взглядомъ).

Я всѣмъ обязана тебѣ... моей жизнью!

Черный

(увлекаетъ ее къ утесу; она садится у его ногъ, поднявъ къ нему лицо).

Вотъ мы опять одни съ тобой.

Марія.

Да, опять... совсѣмъ одни.

Черный.

Все мое странствіе... въ эту холодную пустыню... не было напраснымъ... потому что я встрѣтилъ тебя, Марія!

Марія.

О, мой кроткій король! Вспомни... Это было въ бурную ночь...

Черный.

Я торопился... была глубокая тьма...

Марія.

Я тотчасъ же замѣтила тебя.

Черный.

Въ то время я еще былъ полонъ надеждъ.

Марія.

Ты шелъ впередъ... какъ бы навстрѣчу побѣдѣ.

Черный
(вспоминая о прошломъ).

Да... да... я былъ полонъ великаго счастья!

Марія.

Ты сіялъ отъ счастья!

Черный (продолжая).

И ты сказала мнѣ: вотъ и вы!.. Точно ты ждала меня И ты пошла за мной... А вѣдь и ты, Марія, не знала, откуда я пришелъ.

Марія.

Навѣрное изъ прекраснаго мѣста... изъ страны, въ которой ты царствовалъ.

Черный (загадочно).

Ты скоро тамъ будешь.

Марія (восторженно).

Съ тобой?... Съ тобой?

Черный (пророчески).

Да. Но путь туда ведетъ черезъ великія страданія.

Марія.

Хотя бы даже туда вела... смерть!
(Слышны крики, шумъ, прерываемый рыданіями).

Черный.

Вотъ они, Марія!..

Марія (вздрагивая).

Ты слышишь... какъ они кричатъ.

Черный (въ ужасѣ).

Твои щеки поблекнутъ... твой взглядъ потухнетъ... и вся твоя нѣжная красота, волнующая мою душу...

Марія (обнимая Чернаго).

А ты? Ты, который...

Черный.

Молчи.

Марія

(поднимается, отходитъ отъ Чернаго и смотритъ по направленію къ берегу).

Посмотри... Почему они бродятъ по берегу?

Черный

(привлекая ее къ себѣ, чтобы она не глядѣла).

Ты... не боишься?

Марія

(въ приливѣ дикой любви).

Нѣтъ во мнѣ страха...

Черный.

И если бы даже разверзлась земля, мы остались бы... недвижно... здѣсь.

Марія.

Да... вмѣстѣ!.. О, Боже...

Черный (обнимая Марію).

О, королева моя!.. о, моя роза!.. Мое солнце во мглѣ...

(Врываются на сцену жители деревни; они несутъ трупъ рыбака, вѣроятно выброшенный на берегъ. Женщины плачутъ. Замѣтивъ Чернаго и Марію, они съ изумленіемъ останавливаются).

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Черный, Марія, крестьяне, женщины и т. д.

Голоса

крестьянъ, женщинъ, рыбаковъ.

Вотъ... вотъ они, разбойники!

Крестьянинъ.

Что они умерли, что ли, что съ мѣста не двигаются?..

Черный (улыбаясь).

Вы уже пришли...

Люди (бросаясь на него).

Злодѣй!

Черный.

Я не опущу голову передъ вами.

Крестьянинъ.

Мы выпотрошимъ тебя... и твою... (бросаются на него и Марію).

Черный (стараясь защитить ее).

Не трогайте ее... я одинъ... одинъ...

Крестьянинъ (трясетъ Чернаго).

А другіе... гдѣ они?

Черный

(съ пламенной рѣшимостью).

Этотъ человѣкъ... я его убилъ: И церковь... церковь...

Марія (задыхаясь).

Не слушайте его... не слушайте его!..

Черный (громовымъ голосомъ).

Я все это сдѣлалъ... Я Черный (шумъ). И если вы захватите меня, вы получите десять тысячъ франковъ...

Толпа

(бросаясь на него съ удвоенной яростью).

Смерть... смерть ему! Черный!

Старикъ (вступаясь).

Остановитесь... чортъ васъ возьми! не убивайте ихъ... Мы получимъ за него награду!

Женщина.

И все равно ему не миновать плахи.

Крестьянинъ.

Смерть... смерть убійцѣ!

Черный

(Маріи, какъ бы объясняя смыслъ ихъ самопожертвованія).

О, Марія, да будетъ это послѣднимъ искупленіемъ!

Крестьянинъ.

Какая разбойничья рожа!

Деревенскій житель.

Свяжите ихъ покрѣпче.

Городской житель.

Славную дичь поймали!

Марія (въ экстазѣ).

Послѣднее искупленіе!

(Ихъ уводятъ среди криковъ и проклятій).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Лѣсъ на холмѣ надъ Парижемъ.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Нелли, Гаспаръ.

(Оба они привязаны каждый отдѣльно къ дереву. Послѣ поднятія занавѣса слышится шумъ, который постепенно замираетъ въ лѣсу. Гаспаръ и Нелли стонутъ и пытаются разорвать путы. Платья ихъ въ лохмотьяхъ, какъ послѣ борьбы. У Нелли волосы свисаютъ на плечи, лицо въ крови, глаза красные, выколотые; она глухо испускаетъ жалобные стоны).

Нелли (со стономъ).

О!.. о!.. о!.. Гаспаръ... Я не вижу тебя...

Гаспаръ (убитый горемъ).

Нелли... бѣдная, дорогая Нелли!

Нелли.

Они ушли?

Гаспаръ.

Да. Слышишь ихъ голоса въ лѣсу... ихъ крики?

Нелли.

и тебя привязали?

Гаспаръ.

Да, меня крѣпко привязали... какъ звѣря. И совсѣмъ близко отъ тебя... Но я не могу двинуться съ мѣста.

Нелли.

Какъ тебѣ тяжело, Гаспаръ!..

Гаспаръ.

А многіе изъ нихъ знали тебя маленькой... и все-таки у нихъ хватило духу... Твои глаза... твои дивные глаза!..

Нелли (твердо).

А сегодня утромъ... Эта казнь на площади... была еще гораздо страшнѣе.

Гаспаръ.

Ужасъ!.. Но ты... тутъ!..

Нелли.

Мнѣ уже все равно теперь. Все кончено.

Гаспаръ (мрачно).

Я тоже не хочу жить.

Нелли.

Нѣтъ... ты сильный, ты долженъ жить, Гаспаръ.

Гаспаръ.

Для кого?.. Для людей?.. Они отвратительны... Человѣкъ жирная груда кишокъ и больше ничего... Я достаточно вдыхалъ запахъ этой гнили... Омерзеніе! Машина для набиванія себя ѣдой. Если бы земля сдѣлалась съѣдобной, если бы хватило для тѣла человѣка жира и костей, то ничего другого ему не нужно... И для этого... для этого!..

Нелли (съ упрекомъ).

А Черный развѣ не отдалъ... этому... свою жизнь?

Гаспаръ

(съ горечью качая головой).

Черный... Однако... (онъ вспоминаетъ ужасъ казни, и голосъ его становится глухимъ). Ты видѣла толпу, стоявшую на его пути къ казни? Она была точно живымъ доказательствомъ тщетности его надеждъ.

Нелли (тоже думая о казни).

Какъ они вопили, какъ они осыпали его ругательствами!.. И если бы они могли добраться до Маріи и до него...

Гаспаръ.

Я этого никогда не забуду... Какіе они были оба прекрасные, спокойные... А противъ нихъ вся эта толпа съ поднятыми кулаками... охваченная судорожной злобой...

Нелли (пламенно).

А когда ихъ святыя лица...

Гаспаръ.

Эти головы, болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ золотые вѣнцы... когда онѣ покатились...

Нелли.

Помнишь... какіе крики ликованія...

Гаспаръ.

Нѣкоторые плясали отъ радости... Другіе поднимали на рукахъ дѣтей и показывали имъ издали... на площади... красную плаху... и толпа, какъ на праздникѣ, бросала шапки на воздухъ... вмѣсто того, чтобы рыдать, стонать... каяться... пѣть похоронныя пѣсни... и молить о ниспосланіи мрака на землю!

Нелли.

Они все потеряли... и смѣялись!

Гаспаръ (скорбно).

и бы было достаточно одного слова... чтобы спасти астрофы цѣлый народъ...

Нелли.

Неужели ты бы не произнесъ его?

Гаспаръ
(въ бѣшенствѣ отъ своего безсилія).

Нѣтъ... хотя бы они тутъ же умирали на моихъ глазахъ... Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ твоего дыханія... Трусы... жестокіе... глупые!

Нелли.

Они не знаютъ...

Гаспаръ (съ горечью).

Какъ всегда! (молчаніе).

Нелли.

О чемъ ты думаешь?

Гаспаръ
(съ безпощаднымъ упрекомъ).

О Черномъ. Онъ спасъ только виноватыхъ.

Нелли.

Да, только виноватыхъ, Гаспаръ.

Гаспаръ.

Мнѣ самому смерть ни почемъ. Если бы я могъ, я побѣжалъ бы ей навстрѣчу. Здѣсь или въ другомъ мѣстѣ... не все ли равно!.. Но ты, Нелли... Почему ты...

Нелли.

Можетъ быть потому, что онъ любилъ насъ больше, чѣмъ другихъ... какъ Марію.

Гаспаръ.

Или потому что нужно приносить въ жертву невинныхъ.

Нелли.

Да, именно поэтому.

Гаспаръ.

А что если никакого основанія нѣтъ... что тогда? Если

все это простой случай... глупое совпаденіе... Зачѣмъ же мы думали не о своемъ личномъ счастьи?

Нелли.

Это ты говоришь, Гаспаръ! Ты...!

Гаспаръ.

Послушай, Нелли... онъ насъ околдовалъ... А теперь, когда его нѣтъ...

Нелли (таинственно).

Я думаю о немъ—онъ меня не покинулъ...

Гаспаръ.

А я, Нелли, думаю о той, которую мы покинули... Скажи... Неужели уже никогда... никогда?..

Нелли (рыдая).

Бѣдная мама!

Гаспаръ (съ отчаяніемъ).

Умереть тутъ... въ двухъ шагахъ отъ дома... и отъ нея. И она ничего не подозрѣваетъ... Неужели она найдетъ только остовы своихъ двухъ дѣтей... изглоданные воронами?

Нелли.

Ужасъ!.. ужасъ!

Гаспаръ (въ ужасѣ).

Увидавъ насъ, она отшатнется...

Нелли (задыхаясь).

Не говори такъ... я этого не вынесу... Боже! (молчаніе).

Гаспаръ.

Нелли, помнишь... какъ они меня связали... въ этомъ же лѣсу... какъ теперь?

Нелли.

Да... они считали тебя злѣйшимъ врагомъ.

Гаспаръ (упавшимъ голосомъ).

[illegible] ли я или противъ нихъ... не все ли равно! Ты слышишь... кто-то идетъ.

Нелли (грустно, съ ироніей).

Ты еще на что-то надѣешься?

Гаспаръ.

Какъ будто звукъ шаговъ...

Нелли.

Тутъ... въ такой глуши... какимъ образомъ?..

(Изъ-за деревьевъ появляется бродяга).

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Нелли, Гаспаръ, бродяга.

Гаспаръ (подзывая бродягу).

Эй, послушайте!... Подойдите, молю васъ.

Бродяга.

Что такое... кто тутъ?

Гаспаръ.

Остановитесь. Посмотрите.

Бродяга

(останавливается и съ ужасомъ смотритъ).

Чортъ возьми... васъ...

Гаспаръ.

Да, насъ привязали... какъ собакъ.

Бродяга.

Такъ вотъ, почему я видѣлъ по дорогѣ свѣсившіяся вѣтви... стоптанные листья... точно послѣ охотничьей облавы. А она... въ крови?..

Гаспаръ. (указывая на Нелли).

Ей выкололи глаза.

Бродяга (испуганный).

Ахъ ты, Господи!.. Кто же это сдѣлалъ?

Гаспаръ.

Разбойники.

Бродяга (подойдя къ нимъ).

Разбойники? Но почему? Что жъ, они хотѣли васъ ограбить? (смѣясь) Вотъ такъ штука!

Гаспаръ.

Нѣтъ... вы видите... мы такіе же бѣдные... какъ вы.

Бродяга
(подходя къ Нелли и глядя на нее съ подозрѣніемъ).

Что жъ она молчитъ?

Нелли.

Я жду.

Бродяга.

Чего?

Нелли.

Чтобы вы сняли съ него эти позорныя веревки.

Бродяга.

Почему же не съ васъ сначала?

Нелли.

Нѣтъ, съ меня потомъ... Къ тому же, я...

Бродяга.

Что?

Нелли.

Я предпочитаю умереть.

Гаспаръ
(видя, что онъ собирается уйти).

Не слушайте ее... Останьтесь!.. Куда вы уходите? Неужели вы оставите насъ гнить здѣсь... Ее... она вѣдь совсѣмъ еще ребенокъ... Неужели...

Бродяга
(возвращаясь, нахмурившись).

Странный у васъ обоихъ видъ.

Гаспаръ (съ отчаяніемъ).

Молю васъ... Я не за себя...

Бродяга (обезпокоенный).

Что тутъ случилось? Если потомъ я...

Гаспаръ (взволнованно и рѣзко).

Чѣмъ же, наконецъ, можно разжалобить сердце человѣка? Чего вы боитесь? Богу извѣстно, что я... никогда... не унижалъ себя такой мольбой...

Нелли.

Гаспаръ, прошу тебя!..

Бродяга (недовѣрчиво).

Если вы можете ручаться...

Гаспаръ.

Какой трусъ!

Бродяга (оправдываясь).

Что-то тутъ у васъ происходитъ... необыкновенное... И если я впутаюсь... то могу здорово поплатиться.

Гаспаръ (въ бѣшенствѣ).

Уходите!.. Вонъ... вонъ!

Бродяга
(задабривающимъ голосомъ).

Скажите мнѣ, кто вы?.. чтобы я зналъ...

Гаспаръ (внѣ себя).

Мы сообщники Чернаго...

Бродяга (отступая въ ужасѣ).

Чернаго? Того, который...

Гаспаръ (рѣзко).

Да того самаго... Онъ боится... онъ дрожитъ!.. Нелли...

онъ уходитъ! Онъ уходитъ (съ мрачнымъ смѣхомъ). И онъ смотритъ на насъ какъ врагъ.

Бродяга
(издали, встревоженный).

Вы однако... Хорошо же я сдѣлалъ, что не поторопился... Нѣтъ... я ни за что не освобожу васъ... Спокойной ночи. Всякій человѣкъ живетъ по своему... Уйду поскорѣе, а то подумаютъ, что я тоже изъ ихъ шайки...

(Быстро исчезаетъ въ чащѣ. Постепенно темнѣетъ).

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Нелли, Гаспаръ.

Гаспаръ (снова въ отчаяніи).

Нелли, дорогая... даже онъ! Ты видишь теперь...

Нелли
(рѣшительно и какъ бы съ жаждой принести себя въ жертву).

Я рада, что такъ случилось.

Гаспаръ.

Ты такая хрупкая, нѣжная... точно тѣнь ангела. Откуда въ тебѣ такая сила!

(Въ листьяхъ проносится вѣтеръ).

Нелли (рѣзко вскрикнувъ).

Вѣдь тебѣ еще тяжелѣе... глядѣть на меня!..

Гаспаръ.

О если бы я могъ, какъ бы я хотѣлъ прижать тебя къ сердцу... какъ въ прежнее время... когда ты была такой маленькой, слабенькой... Помнишь?

Нелли.

Да, когда я была совсѣмъ маленькой, и ты водилъ меня гулять по воскресеньямъ.

Гаспаръ.

Сюда же... въ эту глушь. Ты ходила среди большихъ папоротниковъ, и тебя не было видно. Ты любила также ловить бабочекъ, ты называла ихъ летающими цвѣтами... Летающими цвѣтами!.. Ахъ, Нелли!

Нелли (вся дрожа).

Холодно... что-то леденитъ мнѣ кровь.

Гаспаръ.

Становится свѣжо... наступаетъ вечеръ... скоро все покроется тьмой.

Нелли.

Прошло много ночей... И вотъ послѣдняя.

Гаспаръ.

Ты думаешь?

Нелли.

Не отнимай у меня этого послѣдняго утѣшенія!

Гаспаръ.

Боже... слышать отъ нея такія слова!..

Нелли (почти плача).

Я бы хотѣла... (съ крикомъ) О, мама!

Гаспаръ.

Да, зови ее.. Почему... почему мы ушли изъ дому?

Нелли.

Мнѣ страшно...

Гаспаръ.

Теперь тебѣ стало страшно? Чего ты боишься, моя Нелли? Развѣ что-нибудь можетъ еще усилить нашу печаль?

Нелли (въ отчаяніи).

О, Гаспаръ, силы покидаютъ меня!

Гаспаръ.

Я даже не могу успокоить тебя словами.

Нелли (зоветъ).

Мама!.. мама!.. мама!..

Гаспаръ.

Зови ее, зови!.. Превратись снова въ ребенка. Ты захотѣла взлетѣть слишкомъ высоко, моя бѣдная птичка... и упала на землю. Такъ всегда кончается.

(Тишина. Потомъ шумъ въ лѣсу).

Нелли.

Слушай... слушай... Вотъ тамъ...

Гаспаръ.

Что тамъ опять... Что еще?

Нелли (съ ужасомъ).

Ихъ голоса!.. Развѣ ты ихъ не узнаешь?

Гаспаръ
(въ бѣшенствѣ бьется объ дерево).

Они навѣрное придумали еще какую-нибудь пытку!

(Входятъ люди съ женщиной-матерью Нелли и Гаспара).

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Нелли, Гаспаръ, мать, толпа.

Человѣкъ
(указывая на Гаспара и Нелли).

Вотъ они... вотъ сюрпризъ, который васъ ждетъ.

Г-жа Клари (окаменѣвъ отъ ужаса).

Боже... мои дѣти!.. мои дорогіе!..

Человѣкъ (насмѣшливо).

Подойдите поближе... разсмотрите ихъ.

Гаспаръ (судорожно рыдая).

Пусть она уйдетъ... уведите ее... если вы не дикіе звѣри...

Человѣкъ (свирѣпо).

Звѣри!.. это мы звѣри... или вы?

Гаспаръ.

Выдумать такую жестокую пытку!

Г-жа Клари (увидавъ раны Нелли).

Господи!.. Господи!.. Они посмѣли... Какъ они посмѣли?..

Гаспаръ (въ страшномъ волненіи).

Злодѣи... привести ее нарочно сюда!

Г-жа Клари
(подбѣгая то къ Гаспару, то къ Нелли).

Они посмѣли... И стоятъ вокругъ меня, точно смотрятъ на представленіе! Нелли... кроткая, добрая Нелли... Проклятіе!.. Развѣ это люди?

Человѣкъ
(продолжая насмѣхаться, но смущенный).

Ну, а они развѣ люди?

Гаспаръ.

Если бы они изувѣчили, изрубили топорами меня... это было бы еще понятно. Но взять бѣднаго ребенка... наивнаго... нѣжнаго... и сверхъ того еще... для довершенія жестокости...

Человѣкъ (строго).

Это только воздаяніе.

Г-жа Клари
(падая на землю съ рыданіями и ломая руки).

Ужасъ, ужасъ! У нея были такіе дивные глаза. Каждый разъ, когда она поднимала ихъ на кого-нибудь, это были точно звуки арфы... пѣснь любви... ласка. А они... они рѣшились... какая безчеловѣчная низость! (она хочетъ вырваться). Пустите меня!.. пустите меня... говорю вамъ... Разбойники!..

Человѣкъ.

Отпустимъ... не торопись!

Одинъ изъ сообщниковъ
(заставляя товарища отпустить ее).

Довольно!.. Пусти ее.

(Мать бросается къ дереву, у котораго привязана Нелли, и судорожно прижимаетъ ее къ себѣ, говоря невнятныя слова,

а еще пять человѣкъ, взволнованные ея видомъ, отходятъ въ сторону и молчатъ).

Нелли (съ ужасомъ).

Мама!.. мама! дай мнѣ твои руки... дай мнѣ коснуться тебя!..

Г-жа Клари.

Свидѣться съ тобой здѣсь... увидать тебя въ такомъ видѣ... тебя!..

Нелли.

Не плачь, не плачь, молю тебя.

Г-жа Клари (въ слезахъ).

Развѣ я могла представить себѣ это!

Гаспаръ (въ бѣшенствѣ).

Они позвали тебя?

Г-жа Клари (вся въ слезахъ).

Они сказали мнѣ... что видѣли васъ... въ рощѣ.

Гаспаръ.

Видѣли насъ? Ничего больше они не сказали? Но кто же вы, Господи...

Мать (продолжая рыдать).

А я еще, Гаспаръ, поблагодорила ихъ... и просила провести меня къ вамъ.

Гаспаръ.

Ты, бѣдная, обрадовалась...

Г-жа Клари.

Я такъ давно васъ не видѣла... И вдругъ мнѣ сказали, что вы тутъ близко... что я васъ увижу... обниму васъ, моихъ дорогихъ, несчастныхъ дѣтей.

Гаспаръ.

И это называется человѣкомъ... низкія твари!

Г-жа Клари.

Моя Нелли! (обращаясь къ людямъ). Если бы я... могла васъ убить!..

Гаспаръ (съ пѣной у рта).

Они спокойны... негодяи!

Человѣкъ (непоколебимо).

А вы... когда вы подкрадываетесь... и бросаете бомбы въ людей... за ихъ спиной.

Гаспаръ (изумленно).

Я?

Человѣкъ.

Ты... или твои сообщники... не все ли равно?

Первый сообщникъ (Гаспару).

Если не ты взорвалъ церковь... ты бы совершилъ гдѣнибудь другое злодѣяніе.

Гаспаръ (въ бѣшенствѣ).

Вѣдь вы же отлично знаете... Но нѣтъ, довольно... ваши обвиненія ничто... Неужели я стану отвѣчать такимъ людямъ? Ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ... Это слишкомъ жестоко!

Человѣкъ
(уже слегка смягченный).

Жестоко... можетъ быть... но вѣдь мы не для забавы...

Г-жа Клари (въ порывѣ бѣшенства).

А для чего... убійцы!

Человѣкъ (смущенный).

Если мы и причинили вамъ зло... то вѣдь не въ спокойномъ состояніи.

Первый сообщникъ

Мы точно опьянѣли, когда захватили васъ.

Второй сообщникъ.

И теперь еще... когда возвращались сюда... мы думали...

Человѣкъ (оправдываясь).

А потомъ... Зачѣмъ вы сказали, что все еще любите... этого... Чернаго... что онъ герой... великая душа?

Второй сообщникъ.

Не слѣдовало упрямиться... выводить насъ изъ себя.

Гаспаръ (съ горькой ироніей).

Оставьте... замолчите. Недоставало еще вашего раскаянія!..

Человѣкъ
(выпрямляется, изображая изъ себя олицетвореніе справедливости).

То, что свершилось, непоправимо. И въ концѣ концовъ, все это справедливое возмездіе. Теперь вы знаете, каково людямъ... когда они видятъ своего ребенка растерзаннымъ... съ распоротымъ животомъ... съ разбитымъ черепомъ...

Одинъ изъ сообщниковъ
(болѣе мягкій и жалостливый).

Опять сначала?.. Скажите...

Мать.

Но они невинны!

Человѣкъ
(съ величественнымъ жестомъ, холодно).

Всѣ виноваты!

Гаспаръ (грозно и горько).

Всѣ люди виноваты!

Нелли
(какъ бы вдругъ просвѣтленная).

Вѣрно... вѣрно, Гаспаръ; они сказали правду.

Гаспаръ (съ затаенной угрозой).

Но если всѣ виноваты... то и тѣ... тоже были правы.

(Молчаніе. Одинъ изъ людей отвязываетъ Гаспара).

Человѣкъ.

Хотите... мы понесемъ дѣвочку въ деревню...

Нелли.

Нѣтъ... дайте мнѣ умереть здѣсь!

Человѣкъ (смущенно).

Слѣпая... Но можно жить и слѣпой... такихъ много.

Гаспаръ (угрожающимъ тономъ).

Уходите!.. уходите скорѣе!

Человѣкъ (издали).

Вы не.... хотите... чтобы мы вамъ помогли?

Г-жа Клари.

Нѣтъ... только не вы.

(Человѣкъ и его сообщники собираются уйти).

Нелли.

Онъ уходитъ? (зоветъ его) Послушайте!

Человѣкъ (возвращаясь).

Что?

Нелли.

Вы тутъ? Послушайте... я хотѣла бы...

Человѣкъ (смущенный).

Клянусь вамъ... я чувствую, что мы поступили ужасно... Требуйте, чего хотите.

Нелли
(преисполненная мистической нѣжности).

Я хотѣла бы обнять васъ.

Человѣкъ (растерянно).

Обнять... меня?

Нелли.

Да, васъ... Подойдите же! (она тщетно его подзываетъ; онъ отступаетъ, потомъ дѣлаетъ шагъ къ ней, но опять въ ужасѣ убѣгаетъ; она это слышитъ. Молчаніе). Почему онъ не подошелъ?

(Гаспаръ пошелъ за человѣкомъ съ угрожающимъ видомъ, но не говоритъ ни слова и послѣ послѣднихъ словъ Нелли подходитъ къ ней и обнимаетъ ее).

Г-жа Клари (бросаясь на колѣни).

Оставьте меня... О дѣти мои!.. вы чище всѣхъ на свѣтѣ... О твои бѣдные глаза... окровавленные... пустые!.. Какъ мнѣ жить послѣ этого?

Гаспаръ.

Мама, умоляю тебя, поднимись!

Г-жа Клари (восторженно).

Дорогіе мои! Дорогіе мои! Вы чище жемчуга...

Нелли (съ скорбнымъ жаромъ).

Если бы ты знала... его!

Г-жа Клари.

Какой у тебя страшный голосъ... точно послѣдній вздохъ...

Нелли (въ экстазѣ).

О, мама, онъ дарилъ жизнь!

Г-жа Клари.

Почему я не пошла за вами?.. Онъ дарилъ жизнь... А между тѣмъ, о Боже!..

Нелли
(отвѣчая на сомнѣнія матери).

Вспомни ночь, когда онъ вошелъ...

Г-жа Клари (съ горечью).

Когда ты стонала, больная...

Нелли.

Когда я готовилась надѣть саванъ.

Г-жа Клари (потрясенная).

Ну такъ что же? что ты хочешь сказать?

Нелли (порывисто).

Онъ спасъ меня, мама. Я это твердо знаю.

Гаспаръ.

Спасъ для того, чтобы пережить еще одинъ сонъ... на мрачной землѣ.

Нелли (упоенная счастьемъ).

Да, Гаспаръ, для этого!

Г-жа Клари.

А теперь... почему онъ тебя покинулъ?

Нелли (пламенно).

Я должна идти за нимъ... онъ зоветъ меня... зоветъ!

Г-жа Клари (въ отчаяніи).

Нелли... Ты слышишь, Гаспаръ... Что съ нею? Неужели она говоритъ правду? Неужели, Гаспаръ?

Гаспаръ.

Она вся дрожитъ...

Г-жа Клари.

А я... даже ужъ не вижу ее... Уйдемъ отсюда... Зачѣмъ оставаться въ этомъ страшномъ лѣсу?

Нелли (начиная бредить).

О, мама, разскажи мнѣ... Разскажи мнѣ...

Г-жа Клари.

Бѣдное мое дитя!

Нелли (съ усиліемъ, задыхаясь).

Разскажи... о прекрасномъ принцѣ.

Г-жа Клари.

О принцѣ... Она все еще помнитъ это.

Нелли.

О бѣдномъ нищемъ, который все бродилъ...

Г-жа Клари (съ отчаяніемъ).

Не требуй отъ меня...

Нелли.

Онъ все покинулъ... все роздалъ... Всѣ свои богатства...

Г-жа Клари (уступая ея желанію).

Онъ бросалъ свои драгоцѣнности ворамъ на большой дорогѣ.

Нелли (смѣется въ агоніи),

Ворамъ!.. вотъ смѣшно.

Г-жа Клари

(продолжаетъ, едва удерживаясь отъ рыданій).

А потомъ онъ бродилъ по берегу моря.

Нелли.

Туманнаго бѣлаго сѣвернаго моря... Видишь, какъ я помню.

Г-жа Клари
(пытаясь ее поднять, чтобы унести).

Гаспаръ, помоги мнѣ.

Нелли (неуклонно).

Продолжай же: по берегу моря...

Г-жа Клари (съ усиліемъ).

По берегу...

Нелли.

Да, по скаламъ... среди дикихъ утесовъ... одинъ... одинъ, Гаспаръ, брошенный, брош....

Г-жа Клари.

Боже!

Нелли
(стуча зубами, задыхаясь, хрипя).

Брош....

Г-жа Клари
(не вѣря, что она умираетъ).

Нелли... ангелъ мой... отвѣть мнѣ... одно только слово.

Нелли (въ агоніи).

Двери рая...
(Падаетъ, испуская вздохъ).

Гаспаръ
(поднимая кулаки къ небу).

Рай... Гдѣ этотъ рай?

(Черный показывается за листвой, которая озаряется необычайнымъ свѣтомъ. Онъ такой, какъ во время дѣйствія: въ лохмотьяхъ, грустный и спокойный. Можетъ быть, это только видѣніе умирающей Нелли. Она поднимается и протягиваетъ къ нему руки).

Нелли (съ блаженствомъ на лицѣ).

Открываетъ... любовь.

(Падаетъ мертвой. Раздаются рыданія матери. Глухая, черная ночь).

Занавѣсъ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ“. СПБ. Невскій 102.
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Бор. Зайцевъ. Сборникъ разсказовъ: Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ. Люди и Земля. Деревня. Миѳъ. Черные вѣтры. Завтра! Цѣна 50 коп. (Распродано).

С. Сергѣевъ-Ценскій. Сборникъ разсказовъ. Томъ II. (Печатается).

В. Муйжель. Разсказы. Томъ I. (Печатается).

Ѳ. Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. Обложка М. Добужинскаго. Цѣна 1 р. 75 к.

Шаломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни въ Польшѣ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ еврейскаго. Цѣна 75 к.

Е. Тарасовъ. Сборникъ стиховъ. Томъ II. (Печатается).

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Цѣна 30 к.

М. Штирнеръ. Единственный и его собственность. Съ предисловіемъ А. Горнфельда. Цѣна 1 р. 25 к.

Байронъ. Каинъ. Перев. И. Бунина. Обложка В. Чемберса. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ". СПБ. Невскій 102.
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

«СѢВЕРНЫЕ СБОРНИКИ»

ИЗЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ:

А. Стриндберга.
Ола Гансона.
Г. Гаерстрама.
П. Галстрема.
Сельмы Лагерлефъ.
Карина Михаэлисъ.
Киландъ.
Іонаса Ли.
Арне Гарборгъ.
Т. Крагъ.
Кнута Гамсуна.
Амаліи Скрамъ.
Свенъ Ланге.
Гольгера Драхмана.
Германа Банга.
Боеръ.
П. Нансена.
К. Ларсена.
Густава Вида.
С. Киргоорда.
И. Якобсена.

Сѣверные сборники
изданіе издательства „Шиповникъ"

книга первая

С. П. Б.
1907

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ. Содержаніе: **Іенсъ Петеръ Якобсенъ.** Могенсъ (пер. А. Острогорской). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока).—**Зельма Лагерлёфъ.** Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго).—**Августъ Стриндбергъ.** Преступникъ (пер. С. Городецкаго). — **Германъ Бангъ.** Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба).— **Оскаръ Левертинъ.** Зельма Лагерлёфъ (статья). **Теодоръ Вольфъ.** Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

Цѣна книги 1 рубль.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ". СПБ. Невскій 102.
СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

К. Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи, Съ предисл. К. Каутскаго. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. и предисл. къ русск. изд. П. П. Румянцева. Цѣна 90 к.

БИБЛІОТЕКА
РЕВОЛЮЦІОННАГО СИНДИКАЛИЗМА.

Гюберъ Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Авторизированный переводъ съ рукописи. Ц. 40 к.

А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ (Реформизмъ и соціальная революція). Съ пред. автора къ русск. изд. Перев. съ итальянск., подъ ред. и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. Цѣна 1 р.

Въ 1907 г. выйдутъ сочиненія Лабріола, Э. Леоне и Г. Сореля.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПАМФЛЕТЫ.

А. Луначарскій. Три кадета. Цѣна 40 коп.
А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. I. Побѣдоносцевъ, какъ общественный дѣятель. II. Побѣдоносцевъ и православная церковь. Цѣна 50 к.
А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Цѣна 55 к.
А. Луначарскій. Пять фарсовъ для любит. Цѣна 40 к.
Ѳ. Сологубъ. Политическія сказочки. (Разошлось).

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ ІЮЛѢ ВЫЙДУТЪ ВЪ СВѢТЪ:

Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи.
Н. Троцкій. Туда и обратно. (1. Вмѣсто предисловія. 2. Отъ Петербурга до Березова. 3. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по этапамъ. 4. Мой побѣгъ — 800 верстъ на оленяхъ. Въ текстѣ рисунки автора. (Поступитъ въ продажу въ іюнѣ 1907 г.).

М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Stanford University Libraries
3 6105 015 013 498
L48
v. 2
1907

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.